ВИТАЛИЙ ВОРОТНИКОВ

ХРОНИКА АБСУРДА

в _____ томах

ОТДЕЛЕНИЕ РОССИИ ОТ СССР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Виталий Иванович Воротников с 1983 по 1988 г. возглавлял правительство РСФСР, был членом Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1988 г. он был назначен Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, но на этом посту находился недолго. Когда под давлением Михаила Горбачева было принято решение о реформе государственной системы по принципу ее «демократизации», а затем об изменении политического статуса России в сторону ее «суверенизации» — Воротников высказал несогласие с принципами реформы.

Результат был закономерен — В. И. Воротников лишился своего поста, высшая власть в России перешла к Ельцину и его сторонникам, — но вплоть до печально известных Беловежских соглашений Воротников продолжал отстаивать единство СССР.

В своей книге В. И. Воротников, которому в январе 2011 г. исполнилось 85 лет, подробно рассказывает, как происходила величайшая трагедия XX века — распад СССР, — как Россия, ведущая республика Советского Союза, сама выступила могильщиком великого государства. Материалы книги во многом основаны на документах из архива Политбюро и Верховного Совета России и помогают понять хронику этого исторического абсурда.

- Виталий Воротников
  - Вместо предисловия
  - 1982–1985 гг. Горбачев. Путь к власти
  - 1985–1986 гг. Кто «подталкивал» перестройку
  - 1987 г. В перестройку включились «свежие силы»
  - 1988 г. Политическая реформа. Удар по «нервным центрам» советской системы
  - 1989 г. Развал государства. «Процесс пошел»…
  - 1990 г. Ельцин возглавляет Россию. Борьба на поражение
  - 1991 г. Россия выходит из СССР. Советский союз разрушен
  - Послесловие

СУД
ИСТОРИИ

Виталий Воротников
Хроника абсурда. Отделение России от СССР

Вместо предисловия

На протяжении многих лет я вел служебный дневник, в котором фиксировал факты и содержание деловых встреч, бесед, телефонных переговоров. Дневник имел сугубо практическую цель — помогать в организации текущей работы. Естественно, предназначался он только для одного читателя, мне и в голову никогда не приходила мысль, что эти записи могут быть опубликованы.

Но вот жизнь наша круто изменилась. То, что делалось руководством страны, партии, подверглось тотальному пересмотру. Читая сегодня публикации некоторых бывших коллег по Политбюро, слушая их выступления, интервью, в которых речь идет о событиях более или менее далекого прошлого, нередко ловлю себя на мысли, что дело-то было не совсем так или совсем не так. Кто же из нас не прав, кто и зачем лукавит? Что это — «прозрение» после глубочайших «заблуждений», или проявление истинных взглядов, тщательно замаскированных до поры до времени?

Листая свои записи 80–90-х годов, я увидел, что передо мной своеобразная хроника перестройки. Из череды ежедневных фактов вырисовывалась общая картина событий, и прояснялись пути, по которым мы шли к тем или иным решениям. В том числе и к таким, которые были рождены за кулисами политической сцены. Обозначились позиции отдельных действующих лиц, причем в динамике, на протяжении десятилетия.

Некоторые факты, фрагменты неопубликованных документов, позволяют более объективно, а иногда и в неожиданном свете представить происшедшие события и поступки. Таким образом, я оказался владельцем материалов, которые, как мне представляется, могут быть интересными широкому кругу читателей. Основное внимание в записках занимают идеи, слова и действия М. С. Горбачева. Ну и, естественно, моя позиция, отношение к нему и другим членам советского руководства.

Предлагая вниманию читателя свои записи, я хочу оговориться: это не литературный труд, не мемуары, это служебные дневники, и касаются они в основном одной грани моей трудовой жизни — работы в составе Политбюро ЦК, в Верховном Совете СССР и РСФСР. Понятно, в записках особенно часто речь идет о делах РСФСР, так как в высших партийных и государственных органах я представлял эту республику — как Председатель ее Совета Министров, а затем Президиума

Верховного Совета.

1982–1985 гг. Горбачев. Путь к власти

В феврале 1971 года меня направили на работу в Воронеж, где я был избран первым секретарем Воронежского обкома КПСС. Едва я приступил к работе в Воронеже, одним из первых позвонил мне Горбачев. Поздравил с избранием, поинтересовался первыми впечатлениями. Сказал, что мой предшественник Н. М. Мирошниченко работал пассивно, сторонился соседей и т. п. Выяснилось, что мы с Горбачевым почти что земляки. Его дед — выходец из Воронежской губернии, перекочевал в свое время в Ставрополье в поисках лучшей жизни, там и закрепился. Договорились держать связь, наладить деловые контакты, помогать друг другу по мере необходимости. Учитывая мою многолетнюю «привязанность» из-за язвы желудка к курортам Минвод (Ессентуки и Железноводск), условились, что в очередной мой приезд увидимся на Ставропольской земле. С того времени стали более частыми наши встречи. На XXIV съезде КПСС нас одновременно избрали членами ЦК партии.

В 1975 году я был переведен на работу в Москву первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР. В мои функции, помимо других, входили и вопросы финансов, материальных ресурсов, различных фондов, лимитов (зарплаты, штатов, капиталовложений и т. п.). Наплыв просьб из областей и краев РСФСР по этим проблемам был немалый. В эту пору наши отношения с Горбачевым заметно укрепились, стали более доверительными.

Горбачев был больше, чем я, вхож к высшему руководству (Кулакову, Суслову, Брежневу) и часто полунамеками подчеркивал свою информированность. Если делился какими-либо наблюдениями сугубо деликатного свойства, то даже критика в его устах оставалась лояльной. Во всяком случае, высказывался так, что это его ни к чему не обязывало: просто констатация, понимай как хочешь. При желании его мысль можно было трактовать по-разному, повернуть в любую сторону — и он бы не возражал. Но в нужный момент мог сделать ход назад.

Со временем эта гибкость, двусмысленность, изворотливость развились, заматерели в нем. Он отличался непревзойденным умением балансировать, когда вопрос стоял «или-или», и был неподражаемо твердым, уверенным, убежденным, когда в исходе дела и в том, на чью сторону выгодно стать, не было никакого сомнения.

В 1978 году скончался Ф. Д. Кулаков, член Политбюро, секретарь ЦК, ведавший вопросами сельского хозяйства (до этого он несколько лет был первым секретарем Ставропольского крайкома). Его преемником, секретарем ЦК, был избран на Пленуме ЦК в ноябре 1978 года М. С. Горбачев. Насколько оправданным было такое назначение? Ясно, что на этом посту желательно было иметь опытного партийного работника, специалиста сельского хозяйства. Горбачев в определенной мере соответствовал этим критериям. Были и другие претенденты — И. А. Бондаренко, Г. С. Золотухин, В. А. Карлов, В. К. Месяц. Но избрание Горбачева было воспринято как должное. В те несколько месяцев после его перехода в ЦК, когда мы оба работали в Москве, наши отношения еще более упрочились, хотя в них и стал проявляться налет покровительства с его стороны.

Мы продолжали поддерживать связи и в период моей работы на Кубе. (В течение трех с лишним лет, с апреля 1979-го по июль 1982 года, я был послом СССР в Республике Куба.) Приезжая в Москву в отпуск или командировки, я непременно бывал в ЦК. Встречался с рядом секретарей ЦК, заходил и к Горбачеву.

* * *

На Кубе у меня наладились хорошие, доверительные отношения с руководством страны. Довольно быстро я вошел в курс вопросов советско-кубинского сотрудничества. Много ездил по стране, установил контакты с местными властями, представительствами различных советских организаций.

Это был важный, сложный, интересный и полезный для меня этап жизни. Впечатления он оставил неизгладимые — о Кубе, ее народе, о Фиделе Кастро. Но была одна помеха, которая сделала этот период не столь продолжительным, каким он мог быть, — (ропический климат. Я переносил его плохо. Не буду скрывать, что тяготила меня и специфика самой дипломатической деятельности — многочисленные дежурные визиты, однообразные приемы, протокольные церемонии и т. п.

Будучи осенью 1981 г. в Москве, я поставил вопрос о возвращении на работу в Союз. Разговор об этом был с А. А. Громыко, К. В. Русаковым и К. У. Черненко. Они отнеслись к моим доводам с сочувствием. Сказали примерно так: просьбу принимаем, но для решения необходимо время. Работай, в 1982 г. уведомим. Поделился своими проблемами и с М. С. Горбачевым (тогда секретарем ЦК КПСС), с которым уже многие годы был в товарищеских отношениях.

9 мая прилетел из Гаваны в Москву, в отпуск. Через несколько дней побывал в ЦК КПСС. Здесь у Капитонова, Русакова, Горбачева пошла речь о том, где бы я хотел работать по возвращении. Назвал ряд вариантов: возвращение на прежнюю работу в Совмин РСФСР, на какую-либо другую работу в государственных органах по специальности или на партийную работу в одной из областей РСФСР. Меня переспросили: согласен на работу не в Москве? Разумеется, если там, куда пошлют, меня примут. Предложение о переводе послом в одну из европейских стран я вежливо отклонил.

13 мая был приглашен к К. У. Черненко. Он сообщил, что сегодня Политбюро приняло официальное решение о моем отзыве с Кубы. Сказал доверительно, что на мое место предполагается рекомендовать К. Ф. Катушева.

В тот же день зашел к М. С. Горбачеву. Он рассказал, что на Политбюро была доброжелательная атмосфера. «Громыко хорошо отозвался о твоей работе. А вообще лучше бы было взять тебя в ЦК. Здесь будет укрепляться экономический блок партийного аппарата. И твой опыт был бы очень полезен».

Я ответил: «Вряд ли мне подойдет аппаратная работа. Давай не будем предопределять ход событий». (В ноябре 1982 года на Пленуме ЦК был организован Экономический отдел и его заведующим, секретарем ЦК, утвердили Н. И. Рыжкова. Я тогда уже работал в Краснодаре.)

Побывал у А. А. Громыко. Состоялась очень подробная, откровенная беседа о Кубе. Андрей Андреевич стал вспоминать наших послов в этой стране, давал им характеристики, в том числе одному из них: «вел себя как мраморная статуя». Говорил неторопливо, четкими фразами. Не скрою, некоторые были обо мне: «Вы быстро освоили не только принципы, но и многие частности внешнеполитической деятельности. Это не всегда удается непрофессионалам. Мне импонировали ваша сдержанность, взвешенность оценок. Оперативность информации. Во время моего визита на Кубу в сентябре 1980 года убедился, что у вас сложились хорошие отношения с Фиделем Кастро и с Раулем Кастро, другими кубинскими руководителями. Сожалею о вашем уходе, но коль скоро иначе нельзя…» Я поблагодарил Андрея Андреевича за добрые слова и понимание.

* * *

24 мая состоялся Пленум ЦК. Я, как член ЦК КПСС, принимал участие в его работе. Вместо М. А. Суслова (скончавшегося в

январе) секретарем ЦК был избран Ю. В. Андропов.

С докладом «О продовольственной программе СССР» выступил Л. И. Брежнев. Говорил он коротко, минут 40. Меня, как и других, поразил его болезненный вид. Речь была неразборчивой, он комкал, проглатывал окончания слов. Но сам доклад был важным, раскрывал содержание крупной стратегической задачи партии. Это подчеркивали все выступавшие.

Л. И. Брежнев информировал, что Политбюро утвердило назначение В. В. Федорчука Председателем КГБ. Эта фамилия была неизвестна многим членам ЦК, поэтому в кулуарах оживленно уточняли — кто он, откуда? С Украины, председатель республиканского КГБ.

23 июня меня позвал к себе Горбачев. Рассказал о беседах с Андроповым и Черненко. «Есть наметки относительно твоей работы». (Какие — не сказал). Стал говорить об обстановке в Краснодарском крае. О поведении Медунова — «совсем обнаглел». Затем, без перехода, спросил: «Насколько ты знаком с машиностроением и оборонным комплексом? Какие отношения с Д. Ф. Устиновым?» Я объяснил. «Машиностроение и «оборонка» и есть моя основная профессия, с 1942 по 1960 год работал на Куйбышевском авиационном заводе, а с 1961 года как заведующий отделом и секретарь обкома партии курировал оборонные отрасли промышленности. С Дмитрием Федоровичем знаком давно, с 1957 года. Встречались часто, последний раз — буквально несколько дней назад по кубинским делам». Горбачев выслушал меня молча. Затем пошла беседа на другую тему.

Вернувшись на Кубу, я нанес прощальные визиты дуайену дипкорпуса, руководству МИД Кубы. Однако уже 17 июля утром мне позвонил П. М. Корниенко, затем, через 30 минут, К. В. Русаков. Оба сказали — в понедельник 19-го, быть, в Москве.

Прибыв в Москву, утром 19-го зашел сначала к П. М. Корниенко (А. А. Громыко не было в Москве). Он сообщил, что вызван по поручению Ю. В. Андропова. Надо быть у него в ЦК КПСС в 15.00.

Приехав в ЦК, направился к И. В. Капитонову. Спросил его, о чем пойдет речь. Говорит — не знаю. И вместе пошли к Ю. В. Андропову.

У Андропова находился и Горбачев. Беседа была без предисловий, сразу о деле. «Речь идет о рекомендации вас первым секретарем Краснодарского крайкома партии. Медунова мы отзываем в Москву — 17 июля был с ним разговор. В крае сложилась пренеприятная ситуация. (Андропов кратко обрисовал обстановку). Медунов, наконец, понял, что дальше там оставаться

ему нельзя. Взяточничество, коррупция среди ряда работников различных сфер, в том числе среди партийного актива. Арестованы и находятся под следствием более 200 человек. Понятно, вина и ответственность за такую обстановку в крае ложится и на первого секретаря крайкома. Об этом и шла речь на Секретариате ЦК, где решался вопрос об освобождении С. Ф. Медунова от работы.

Вашу кандидатуру поддержали Л. И. Брежнев и К. У. Черненко. Отзывы о прежней вашей работе в Куйбышеве и Воронеже положительные. Был обмен мнениями и на Секретариате ЦК. Вот и все».

Я ответил, что поручение неожиданное, очень ответственное. Откровенно говоря, рассчитывал по возвращении в Союз немного подлечиться. Но я понимаю обстановку. Если требуется, то готов работать и буду делать все, чтобы оправдать доверие.

Андропов: «Хорошо. Практически не надо тянуть. Буквально на этой неделе можно, в четверг или в пятницу, провести в Краснодаре пленум. Так что готовьтесь. До свиданья».

На другой день меня опять пригласил Ю. В. Андропов. Говорит: «Рассказал о нашей беседе Леониду Ильичу. Сказал ему, что Воротников воспринял предложение без энтузиазма». Я, конечно, выразил удивление. «Не переживай, это я так. А серьезно, пришлось объяснить Л. И. Брежневу ситуацию. Надо сейчас в Краснодаре активно поработать. У тебя еще все впереди». Моя реакция: «Что впереди, Юрий Владимирович? Ведь мне уже 57 лет». Он засмеялся. И стал расспрашивать об обстановке на Кубе, о Фиделе Кастро. Я рассказывал.

В 16.00 — Секретариат ЦК. Вел Ю. В. Андропов.

Сказал: «Как решили, Медунова отзываем в распоряжение ЦК. В крае выявлены многочисленные факты нарушения законности. Взяточничество среди руководящих работников, даже среди партийного актива. В Сочи, Геленджике, Краснодаре. Арестовано 152, под следствием 99 человек. Медунову неоднократно указывали на эти факты, однако он не реагировал, не воспринимал советов и критики, сам создавал трудности для следствия.

Предложение: рекомендовать первым секретарем Краснодарского крайкома В. И. Воротникова. Вы его знаете — имеет большой опыт партийной, производственной, государственной работы: Куйбышев, Воронеж, Москва, Куба. Это то, что нам нужно. Секретариат, по сути, ранее согласовал этот вопрос». Дали мне слово. Я поблагодарил за доверие. Юрий Владимирович пожелал мне успехов.

* * *

О работе на Кубани следует рассказывать отдельно. Этот период моей жизни был напряженным, сложным, но, одновременно, думаю, и плодотворным. Работалось в охотку. В крае я встретил понимание и поддержку скупых на похвалу кубанцев.

10 ноября в 21.20 мне на квартиру позвонил начальник краевого управления КГБ П. И. Василенко. Срочное сообщение, прошу принять на квартире. Приехал. Сказал, что получил телеграмму — скончался Л. И. Брежнев. Мы сразу — в крайком. Пытаюсь связаться с ЦК по ВЧ — никого нет. Или не соединяют. Дозвонился до М. В. Соколовой (сотрудница общего отдела). Она говорит: ждите. И только в 22.30 мы получили официальную телеграмму в крайкоме: сообщение Политбюро о том, что 10 ноября рано утром скоропостижно скончался Л. И. Брежнев. Обращение — принять на местах меры по активизации трудовой деятельности предприятий и хозяйств. Разъяснять, что ЦК будет и впредь проводить внутреннюю и внешнюю политику на основе решений XXVI съезда и тд. Членов ЦК вызвали в Москву.

12 ноября 1982 г. Кремль. Пленум ЦК в Свердловском зале.

10.00. Тихо. Все сидят. Вошли члены Политбюро: Ю. В. Андропов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, Г. В. Романов, Д. А. Кунаев, В. В. Гришин, М. С. Горбачев. Открыл Пленум Ю. В. Андропов коротким (15 минут) вступлением. «Партия и страна понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни крупнейший политический деятель, наш товарищ и друг, человек большой души, преданный делу… Прошу почтить память Л. И. Брежнева минутой молчания». Далее говорит о роли Л. И. Брежнева, значении его для партии. О необходимости сейчас крепить единство. «Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу товарищей высказываться».

Слово берет К. У. Черненко. «Политбюро поручило мне выступить на Пленуме» — начал он. Затем говорит о Л. И. Брежневе, его наследии, о том, что трудно восполнить урон, который причинила кончина Леонида Ильича. «Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно». От имени Политбюро вносит предложение избрать Генсеком Ю. В. Андропова. Говорит о том, что Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране. О его личных качествах. О том, что его высоко ценил Л. И. Брежнев, — «за марксистско-ленинскую убежденность, широкий кругозор, выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что

Ю. В. Андропов хорошо воспринял брежневский стиль руководства… Ему присущи: партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе». (Тезис: коллективная, коллегиальная работа — явно подчеркивался в речи Черненко. В ответном слове Андропов дал свое толкование этому принципу.)

Единогласно Генеральным секретарем ЦК КПСС избран Ю. В. Андропов.

Выступление Ю. В. Андропова. «Я глубоко тронут и взволнован вашим доверием, избранием меня на такой высокий пост… Особенно сейчас, после Л. И. Брежнева. Мы здесь свои. Я не хочу кривить душой. У меня нет такого авторитета во внешнем мире и в партии, такого опыта. Но я обещаю вам приложить все силы и знания, чтобы оправдать это доверие. Мы будем вместе бороться за все то, что принято XXVI съездом КПСС… Я обещаю, что коллективное руководство будет крепко, согласованно решать все вопросы. По возможности коллегиально. Но не всегда к всеобщему удовлетворению… (Тут я не расслышал конец фразы). Спасибо». Пленум завершил работу.

В 12.30 все члены ЦК пришли в Колонный зал Дома Союзов, где установлен гроб с телом Л. И. Брежнева. Прощание. По рекомендации руководства ЦК все секретари обкомов, крайкомов сразу разъехались на места. Так что на похоронах Л. И. Брежнева я не был.

В понедельник, 22 ноября, состоялся Пленум ЦК. Открыл его Ю. В. Андропов. Рассмотрели организационные вопросы. Перевели Г. А. Алиева из кандидатов в члены Политбюро (на сессии ВС его назначили заместителем председателя Совета Министров СССР). Освободили А. П. Кириленко от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК по личной просьбе (Андрея Павловича на Пленуме уже не было). Образовали Экономический отдел ЦК и утвердили заведующим отделом и избрали секретарем ЦК Н. И. Рыжкова. Затем рассмотрели проекты Плана развития народного хозяйства и государственного бюджета на 1983 год.

С докладами выступили Н. К. Байбаков и В. Ф. Гарбузов. Обсуждение докладов было непродолжительным. Потом слово взял Ю. В. Андропов, говорил минут сорок.

И хотя у меня не сохранилась запись речи Андропова, но помнится, что говорил он остро, обеспокоенно о положении в экономике страны. Как важно, подчеркивал он, завершить по возможности лучше 1982 год и сделать 1983 год переломным в решении сложных экономических задач.

23 ноября начала работу сессия Верховного Совета. В этот же

день я побывал у Ю. В. Андропова. Это была моя первая встреча с ним после избрания Генеральным секретарем. Он повел речь о Пленуме. Об ответственности членов ЦК за положение дел в стране. Особенно упирал на то, что оценивать кадры надо по делам, а не словам. «Все ждут указаний, поручений, рекомендаций. Но и мы не семи пядей во лбу. Нужна принципиальность, самостоятельность действий и решений, ответственность. Много обещали, хотим быть хорошими. Часто все берем на себя, потому и все стрелы в Центр. Надо быть откровеннее, правдивее. Объяснять людям, что может, а что не в силах дать страна».

Я обрисовал ситуацию в крае. Итоги года ожидаются неплохие. Сказал, что надо наводить порядок в рисоводстве. Чрезмерно расширили посевы риса, залезли в плавни, нарушили севооборот. Это приводит к ухудшению плодородия земель, снижает урожайность риса. Зерновые комбайны мало пригодны для риса, дробят его при обмолоте. Рассказал о работе нескольких японских комбайнов, которые не молотят, а очесывают рис. Результаты значительно лучше. Он сказал: «Напиши об этом записку». Ответил, что уже написана, отдал Горбачеву. «Хорошо, рассмотрим». После этого я стал говорить об АЭС, о том, что нельзя допустить, чтобы Минэнерго, как оно того хочет, строило АЭС в Мостовском районе края, в предгорьях Кавказа. Это безумие! Андропов согласился: «В предгорье! Кто мог это придумать?»

Далее информировал его о морально-политической обстановке в крае. Усиливаем борьбу с преступностью, подтягиваем дисциплину. Кадры на Кубани в целом неплохие. Но привыкли работать по команде. Андропов особо обратил внимание на Чайсовхоз. «Там неприятное дело. Возят туда гостей как в передовое хозяйство, а там такие безобразия. Рассказывал мне Кириленко. Оттуда шли письма, проверяли сами, но Медунов покрыл, и ничего не нашли». Затем Юрий Владимирович поинтересовался работой краевых управлений КГБ и МВД.

В заключение беседы сказал: «Поправляй скорее дела, еще много надо чистить. Имей в виду, долго тебя там не задержим».

Сидел Андропов за основным столом в рубашке без пиджака. Внешний вид усталый, болезненный. Но беседу вел четко, конкретно, без размазывания тем и без лишних слов. Разговор продолжался около 30 минут.

* * *

2 июня 1983 года мне в Краснодар позвонил И. В. Капитонов: «Завтра к 10.00 быть в ЦК». Я вылетел в Москву и на следующий день утром приехал в ЦК КПСС к И. В. Капитонову. Он встретил меня словами: «Сейчас пойдем к Ю. В. Андропову. Речь идет о переводе вас из Краснодара. Давайте подумаем о кандидатуре на замену». Я спрашиваю: «Сначала уточните, что за перевод, куда?» — «Узнаешь на пятом этаже», — и протянул мне список фамилий: Разумовский, Кручина, Месяц, Сизенко. Я не стал обсуждать эту тему: «Давайте поговорим после встречи с Генсеком».

Пришли к Андропову. Он поинтересовался видами на урожай, ситуацией в животноводстве и другими делами в крае. Потом говорит: «Теперь о главном. Вы знаете, что на днях скончался А. Я. Пельше. Политбюро решило рекомендовать председателем КПК М. С. Соломенцева, а Председателем Совета Министров РСФСР — вас. Все объективные данные за это. Работали в Совмине России, в ряде областей, на Кубе. Везде зарекомендовали себя положительно. Как вы относитесь к этому?» Смотрит на меня в упор. Я немного помолчал и, стараясь не волноваться, говорю: «Дело большое и необычайно ответственное. Надо сказать честно, уже привык к Краснодару. Интересная работа. Встретил там немало хороших, деловых людей. Вроде бы нашел понимание и поддержку в народе». Андропов: «А ведь сначала не очень хотел? Отзывы хорошие. Ценим, что всегда ведешь себя достойно и выполняешь ответственные поручения ЦК. (Он часто сбивался в разговоре с «вы» на «ты»). Что же теперь раздумывать?» Отвечаю: «Если мне доверят такое большое дело, то буду работать активно. Российские проблемы мне близки».

После этого начали говорить о возможной кандидатуре на место первого секретаря крайкома. Капитонов изложил наметки. Подчеркнул приоритет Г. П. Разумовского, который долго работал на Кубани, в ЦК КПСС, сейчас в Совмине Союза ССР. При С. Ф. Медунове был председателем крайисполкома, но они не сработались. Почему? Андропов задумался. «Поймут ли в крае? Насколько на него падает тень «медуновщины»? Что касается других предложений, то я согласен с вашим подходом, действительно, надо на Кубань дать опытного, так сказать, уже готового работника. Подумайте еще, посоветуйтесь». На этом разговор закончился.

Зашел к Горбачеву и Черненко, рассказал о беседе с Андроповым. Они, конечно, были в курсе дела. В тот же день возвратился в Краснодар.

9 июня вызвали в Москву. Вылетел первым утренним рейсом и приехал в Кремль. В 11.00 заседание Политбюро.

Ю. В. Андропов. «Политбюро рекомендует вас Председателем Совета Министров РСФСР». Коротко охарактеризовал мой трудовой путь. «Как видите, опыт хороший. Работал на различных постах. Везде достойно выполнял поручения ЦК. — и, обращаясь ко мне: — Ваше решение?» Ответил, что понимаю ответственность. Если считаете нужным, буду работать. Поддерживающие реплики членов Политбюро: Громыко, Устинов, Тихонов. Решили: рекомендовать, внести предложение в Верховный Совет РСФСР.

* * *

14 июня вновь в Москве. Пленум ЦК КПСС.

Открыл его Ю. В. Андропов и предоставил слово К. У. Черненко.

Черненко от имени Политбюро предложил рекомендовать Верховному Совету СССР избрать Ю. В. Андропова Председателем Президиума ВС. Пленум решил — рекомендовать.

Затем Ю. В. Андропов выступил по организационным вопросам: избрать члена Политбюро Г. В. Романова секретарем ЦК, утвердить кандидата в члены Политбюро М. С. Соломенцева Председателем КПК. В связи с этим освободить его от обязанностей Председателя Совета Министров РСФСР. Председателем Совета Министров РСФСР рекомендовать В. И. Воротникова и избрать его кандидатом в члены Политбюро. Все проголосовали «за».

Вновь слово берет К. У. Черненко: «Политбюро решило предложить Пленуму вывести из состава ЦК КПСС Н. А. Щелокова и С. Ф. Медунова за допущенные ошибки в работе. Политбюро исходит из того, что каждый член ЦК должен делом оправдывать оказанное ему высокое доверие. Тот, кто порочит честь и достоинство коммуниста, не должен быть в составе высшего органа партии. Щелоков в последние годы ослабил руководство МВД, встал на путь злоупотреблений в личном плане. Построил дачи для себя и своих родственников. Взял в личное пользование три легковых автомобиля, подаренных министерству иностранными фирмами. Вел себя неискренне, несамокритично. По случаю своего 70-летия поручил снять фильм, на который затрачено более 50 тысяч рублей. Его поведение отрицательно влияло на кадры МВД. Медунов грубо нарушал партийную дисциплину. В крае получило распространение взяточничество среди руководящих работников. Располагая неопровержимыми фактами, он не принимал необходимых мер для пресечения этих

явлений. Более того, с его ведома, со ссылкой на депутатский статус, не возбуждались дела о привлечении виновных к ответственности. Этим он скомпрометировал себя как руководитель и член ЦК КПСС».

Тайным голосованием решение принято. Медунов покинул заседание, Щелокова на Пленуме не было.

Затем с докладом «Актуальные вопросы идеологической и массово-политической работы» выступил К. У. Черненко. Обсуждение доклада было активным. Прения завершили лишь на следующий день. В заключение с большой речью выступил Ю. В. Андропов.

24 июня Верховный Совет РСФСР назначил Председателем Совмина РСФСР В. И. Воротникова. Предложение, по поручению ЦК КПСС и Совета старейшин ВС, внес М. С. Горбачев. Я поблагодарил депутатов Верховного Совета РСФСР и ЦК КПСС за оказанное доверие.

* * *

30 июня. Первое заседание Политбюро ЦК, в котором я участвовал в новой роли — Председателя Правительства РСФСР.

Вел его Ю. В. Андропов. Строго, напористо.

Первый вопрос — об экономической политике ряда западных стран по отношению к Союзу. «Складывается невыгодная, неэффективная для нас структура внешней торговли, экономических связей в целом. Импорт растет, причем много берем «барахла», а не технологию. Западные страны стремятся взять и берут у нас сырье. Остальная продукция неконкурентоспособна. Госплану, министерствам следует подумать, как расширить экспорт машин, конечных продуктов переработки нефти, что для этого нужно сделать. Одновременно надо корректировать структуру импорта. С умом тратить деньги. К этой работе подключить обкомы партии. И учесть подходы, разработанные при формировании новой пятилетки».

Затем были определены объемы финансовой помощи союзным республикам из бюджета страны. Андропов обратил внимание на иждивенческие настроения руководителей республик: «Не считают деньги, не изыскивают дополнительные финансовые ресурсы. Привыкли протягивать руку». После обсуждения решили все-таки оказать некоторую финансовую помощь.

6 июля. Под председательством К. У. Черненко состоялось заседание Комиссии ЦК по реформе общеобразовательной школы.

Обсудили предложения республик и решили — обобщенный материал рассмотреть на комиссии в сентябре.

После заседания Черненко попросил остаться заведующих отделами, секретарей ЦК, членов ПБ и информировал нас о состоявшейся накануне беседе Ю. В. Андропова. На ней шла речь о принципиальных вопросах нашей экономической политики. Суть положений, высказанных Андроповым:

1. Необходим обстоятельный и объективный анализ итогов первой половины пятилетки. Конкретно работать с министерствами и один за другим развязывать «узлы». Серьезно заняться экономическими проблемами с прицелом на перспективу.

2. Аппарату ЦК укреплять связи с обкомами. Лучше знать фактическое состояние дел: нередко до нас доходит искаженная информация, а иногда краски преднамеренно сгущаются с расчетом на получение помощи из центра. Нужен рабочий, деловой, а не бумажный контроль. Для этого формировать и направлять на места группы из специалистов, аппарата, самим чаще выезжать на периферию и организовывать работу. Изучать кадры. Работников, которые «не тянут».

3. Особо о дисциплине. Ослабла дисциплина труда. По Москве, например, в рабочее время бродят тысячи бездельников, как правило, управленцев, сотрудников министерств, НИИ и т. д. Подтягивание дисциплины — это не кампания, а долговременная задача. Надо строже спрашивать за порученное дело.

4. О валютном состоянии страны. Положение сложное. Финансисты не очень компетентны. Заключается много убыточных сделок. Покупаем всякую чепуху. Минвнешторг работает плохо. Продукция, предназначенная для экспорта, неконкурентоспособна. Необходимо сократить расходы на закупку продовольствия.

5. Основная задача — технический прогресс, внедрение передовой технологии. Это наша принципиальная экономическая линия. К сожалению, по 15–20 лет гоним одно и то же. Продолжаем выпуск устаревших машин. Подготовить предложения на Политбюро о мерах повышения качества продукции, ускорении темпов ее обновления.

6. Текущие задачи: организация уборки урожая, подготовка народного хозяйства к зиме, внимание социальным вопросам.

Так тезисно изложил Черненко основные моменты выступления Андропова. Можно сказать, с этого разговора началась обстоятельная конкретная работа по улучшению экономического положения страны, решению неотложных социальных задач. Вот когда был дан импульс подготовке

перестройки. Это было начало июля 1983 года.

* * *

22 июля. Я был в ЦК КПСС у Ю. В. Андропова. Он обычно работал в здании ЦК на Старой площади (в Кремль ездил только на заседания Политбюро). Встретил приветливо. Сидел за рабочим столом, без пиджака. Вид усталый. В ходе беседы оживился, говорил увлеченно, эмоционально.

Я кратко рассказал, чем занимался это время. Как складываются отношения с Совмином Союза, Госпланом, министерствами. О контактах с отделами ЦК. О ситуации с уборкой урожая, проблемах местного хозяйства. Настроении на местах. Положении с кадрами в республиканских органах.

Затем в основном говорил он. «Что хотелось посоветовать? Не пытаться объять необъятное. Не хвататься за все. Нужно больше времени уделять делам, которые непосредственно связаны с жизнью людей. Работа агропромышленного комплекса (сельское хозяйство, переработка, сохранность продукции). Легкая, пищевая отрасли промышленности. Социальные вопросы: жилье, коммунальное хозяйство, охрана здоровья, забота о детях, стариках. Особо — о дорожном строительстве, это же истинная беда России.

Конечно — товары. Добиваться расширения ассортимента и повышения качества. Сейчас рынок начинает насыщаться товарами, но много «барахла». Думаю, что следует специально принять ряд программ развития Сибири и Дальнего Востока. Давайте, вносите предложения на следующую пятилетку: по размещению производительных сил, использованию природных ресурсов, защите окружающей среды.

Теперь еще раз о связях с местными советскими и партийными органами. От них много нареканий. И справедливых. Есть и такие, кто не считается с Совмином. Потому что не видят в этом толка. Все норовят решать через ЦК. Совмин недооценивает роль и возможности областей. Они могут и должны делать больше. Есть, правда, и иждивенцы. Все просят, ноют, уповают на центр. Так ведь легче. Дико, но в ЦК идут и простейшие просьбы — до гуталина и зубных щеток. Причем чаще те, кто просит, крупные промышленные области, проявляют и сепаратистские настроения. Требуют особых условий снабжения для себя — за счет других. Я не называю фамилий секретарей — сам знаешь. Надо найти ключ к контактам с местными органами. Как? Делами. Только делами можно завоевать авторитет, а не ложной

заботой о престиже.

Вы говорили о необходимости контактов с отделами ЦК. Здесь есть вопрос — российские структуры в ЦК отсутствуют. Мы готовы рассмотреть предложения — подумайте. Может быть, поддерживать ваши крупные решения постановлениями ЦК или еще как-нибудь.

Теперь о кадрах. Разберитесь с заместителями, с аппаратом. Есть хорошие работники, но немало инертных. Советую не брать людей, которых вам спихивают. Такая практика в ЦК есть, я знаю.

О стиле работы. Надо меньше парадности, показухи. Всяких «дней», приемов, поездок делегаций и т. п. Ведь дел в РСФСР невпроворот.

И последнее. Не замыкайтесь в своем доме. Надо работать в контакте и по горизонтали, и по вертикали. Чаще бывать на местах. Меньше бумаг. Больше конкретного дела. Надо повышать авторитет решений Совмина. Тщательнее их готовить и обязательно выполнять.

Ну вот, пока достаточно. Буду помогать. Верю вам и надеюсь!»

На этом мы и завершили полуторачасовой разговор.

* * *

28 июля. Заседание Политбюро. Вел Ю. В. Андропов.

Об итогах работы в первом полугодии 1983 года. Прогноз на второе полугодие. Информации Н. К. Байбакова и В. Ф. Гарбузова.

Они изложили общую картину. Некоторые министерства в июле стали работать хуже: химическое машиностроение, угольная, легкая и другие отрасли промышленности. Идут разговоры о нереальности плана второго полугодия. Выискивают всякие объективные причины.

Начались выступления. Сетования — надо разобраться, так нельзя перегружать отрасли, много трудностей, нужны дополнительные ресурсы, капвложения и т. д.

Я слушал. Общие рассуждения, перечисление «объективных» причин, а конкретных предложений нет. Только одно — надо, надо! А как, где?

Андропов молчал, подавал отдельные реплики. Когда выслушал речи — стал чеканить фразы в притихшем зале:

«Экономика на перевале XI пятилетки. Отвечает ли складывающаяся обстановка требованиям экономической политики, решениям ноябрьского Пленума? Нет, не отвечает. Нужно видеть тенденцию. Что же случилось? В стране

улучшилась морально-политическая обстановка, что способствует подъему трудовой инициативы. Об этом свидетельствуют итоги первого полугодия. Почему же сейчас сбои? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и 83-го года. Более того — можно частично компенсировать задолженность 81-го и 82-го годов. Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госснаба, министров.

Сегодня мы ничего конкретного не услышали. Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку. Будем говорить не только о проблемах, а о людях, которые стоят за ними. Об их ответственности. Мне представляется, что у товарищей появилась какая-то усталость от требовательности и ответственности. Как это понимать? Дела идут неважно, а руководители министерств, областей — в отпусках, лето — самая лучшая пора! Отозвать немедленно — тех, где плохо обстоят дела.

Повышение дисциплины, ответственности, это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупреждаю всех! Кто сорвет планы — будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра. Особое внимание обратить на повышение эффективности работы. На каждом предприятии должны быть разработаны меры, направленные на рост производительности труда, экономию, повышение качества продукции.

О товарах. Их производство выросло на 4 %, а продажа — на 1 %. Что происходит? Работаем на склад. Причина — низкое качество, нарушение структуры, ассортимента. Одних товаров сверх норматива, все склады завалены, а другие в дефиците. Нереализованные товары — это позор. Зачем их выпускать, тратить сырье? На оптовых ярмарках от некоторых товаров отказы. Это относится к радиоприемникам, телевизорам, холодильникам, обуви, тканям и т. п. Их уровень отстал на несколько поколений от продукции зарубежных фирм. Одновременно жалобы — там нет хлопчатобумажных носков, там нет полотенец и т. п. То есть пересортица. Надо, кстати, давно и торговать научиться. Уметь перераспределять товары по регионам.

Есть и объективные причины. Посмотрите, как используются доходы населения на приобретение товаров и продуктов. У нас процент затрат на эти цели более высокий, чем на Западе. Выход — надо расширять услуги. Внутренние возможности есть. Надо правительству, Н. А. Тихонову конкретно, разобраться с планом и крепко «ударить» по упаднических настроениям.

О сельском хозяйстве. Обстановка сложная на Украине, Северном Кавказе, в Сибири. Надо работать над выполнением плана со всей строгостью. Учитывать конкретную обстановку в каждой области. О кормах думать, как о хлебе. Не выскребать сусеки. Это не дело. Это липа. Кому это нужно — взять, отчитаться, а потом просить? На село даем дополнительно транспорт, горючее, приблизим сроки поставки техники. Всем, связанным с сельским хозяйством, необходимо работать очень напряженно».

Андропов умел заострить вопрос. Не бросал слов на ветер. Это всем было ясно. Споткнешься — поддержит. Остановишься — спросит, не забудет.

* * *

18 августа. На заседание Политбюро вновь внесли вопрос «Об опережающем росте производительности труда по отношению к заработной плате». (Накануне было обсуждение на Секретариате, организованное Горбачевым). Выяснилось, что проект не рассмотрен в Совете Министров. Н. А. Тихонов недоволен (я думаю, обоснованно). Считает, что необходимо сначала разобраться в Правительстве, а потом уж выносить, если надо, на Политбюро. Он возмущен тем, что Секретариат ЦК, в частности Горбачев, уже не первый раз берет на себя хозяйственные вопросы. Небольшая перепалка. Горбачев: «А что делать, если вы не решаете», Тихонов: «Не пытайтесь работать по проблемам, в которых вы не компетентны».

Ю. В. Андропов: «Не дело вносить на ПБ несогласованные вопросы».

Следует в порядке отступления от хронологического изложения событий сказать, что мое вхождение в состав столь высокого органа, которым являлось в партии Политбюро ЦК, было очень непростым. Правда, ряд членов Политбюро знали меня по прежней работе и с ними сложились неплохие деловые отношения, что облегчало этот процесс. Однако нужно было время, чтобы лучше разобраться в специфике, тонкостях, деталях отношений между тремя основными органами: Политбюро, Секретариатом ЦК и Советом Министров СССР. Немалое значение имело и то, как складывались личные взаимоотношения в руководстве. Конечно, в Политбюро, как в любом коллективе, тоже возникали симпатии и антипатии. С первых дней я почувствовал на себе изучающее, настороженное отношение некоторых товарищей. Были попытки исподволь проверить меня

на эрудицию, характер и пристрастия.

Трудности объяснялись еще и тем, что я более четырех лет был фактически оторван от центра, от Москвы. Надо было глубже войти в курс политических и экономических процессов, происходивших в стране и в РСФСР. Произошли за это время и существенные кадровые изменения в центральных органах управления.

Это и многое другое объясняет, почему в первые месяцы работы я не особенно стремился втягиваться в дискуссии, больше слушал, чем говорил, постепенно вживаясь в структуру. Определенные рамки, сложившиеся годами, отличали, как я понял позже, положение членов Политбюро от положения кандидатов и секретарей ЦК. Внешне нам, членам ЦК, казалось, что на заседаниях Политбюро все они равны при обсуждении и принятии решений. Ан нет! «Ореховая комната», где собирались перед началом заседаний члены Политбюро, где они общались и обсуждали различные вопросы только между собой, означала какой-то невидимый барьер между ними и остальными членами руководства. Они входили в зал заседаний Политбюро из «Ореховой» уже более подготовленными, более информированными, а иногда с уже согласованным решением. Более того, при любом Генеральном секретаре, в том числе и при Горбачеве, была узкая группа доверенных лиц из членов ПБ, которых Генсек приближал к себе, предварительно советовался с ними, обсуждал наиболее деликатные вопросы, а уже потом вносил эти вопросы в Политбюро. Их знакомили, по его поручению, и с рядом особо важных документов. Все это я узнал позже.

Должен объективности ради сказать, что на первых порах у меня была определенная поддержка в Политбюро — М. С. Горбачев. Я тогда полностью доверял ему, верил в незыблемость наших давних товарищеских отношений. Думаю, что в первые годы (с 1983-го до 1986-го, отчасти и 1987 года) он относился ко мне доброжелательно, хотя с 1985 года в большей мере подчеркивал свое должностное старшинство. Во всяком случае, мне казалось, что он уважал мой опыт и профессиональные знания. Но разбирался в механизме аппаратной работы, освоил его активные пружины он, безусловно, куда лучше меня. Здесь он был великий мастер. В период 1983–1984 годов мы встречались часто. Беседовали, переговаривались по телефону чуть ли не ежедневно, по разным вопросам. Так, по сути, он весьма умело, как выявилось потом, «привязал меня к своей повозке», в которой, ловко маневрируя, продвигался к заветной цели — власти.

* * *

1 сентября. Политбюро ЦК.

Ю. В. Андропов вел это, как потом оказалось, последнее для себя заседание Политбюро спокойно, без эмоций. Выглядел очень усталым, малоподвижным. В тот же день улетел в отпуск, в Крым. Больше он на работе не появился…

2 сентября. 11.00. Внеочередное Политбюро. Вел К. У. Черненко.

Информация А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, а также Н. В. Огаркова и Г. М. Корниенко. О факте нарушения 1 сентября воздушного пространства неопознанным самолетом в районе Курил. На предупреждения не реагировал, продолжал полет в воздушном пространстве СССР. По команде этот самолет был сбит. Оказался южнокорейским пассажирским самолетом «Боинг-707». Образована оперативная группа для расследования инцидента. Мы были поставлены перед фактом. Кто принимал решение? Знал ли Генсек? Это так и осталось неясным…

15 сентября. Заседание Политбюро. Вел К. У. Черненко.

По поручению Ю. В. Андропова рассмотрели записку группы министров СССР по проблемам мелиорации и использованию мелиорированных земель.

Наиболее остро обсуждался проект Минводхоза о переброске части стока северных и сибирских рек на юг. Мнения разделились. Госплан, на который активно воздействуют руководители среднеазиатских республик, поддержал позицию Минводхоза. В то же время выявлены отрицательные тенденции — бросовое отношение к использованию воды на цели мелиорации в этих республиках. Я высказал позицию Совмина РСФСР: «Мы против переброски стока северных рек, в этом нет необходимости. Что касается Сибири, то этот проект вообще недостаточно проработан».

Черненко завершил обсуждение: «Дело нужное, но надо еще поработать с учетом обмена мнениями». То есть решение вопроса было отложено.

Поскольку идея переброски стока российских рек будоражила тогда общественность, было много критических выступлений, статей в печати — следует рассказать об этом подробнее.

Еще в начале 70-х годов руководство среднеазиатских республик и Казахстана поставили перед ЦК и Правительством вопрос о нарастающем дефиците воды в их регионах не только для орошения плантаций, но и для водоснабжения населения. В центральных органах они получили поддержку.

Постановлением ЦК и СМ СССР от 21 декабря 1978 г.

поручалось АН СССР, Госплану, другим министерствам и ведомствам Союза, а также Совминам РСФСР, республик Средней Азии и Казахстана провести комплексные исследования для определения объемов и очередности работ, связанных с переброской части стока сибирских рек. Минводхоз обязали в 1980 г. разработать ТЭО первой очереди строительства.

Кроме того, в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы» было записано: «Приступить к проведению подготовительных работ по переброске части стока северных рек в бассейн реки Волга, а также продолжить научные и проектные проработки переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан».

Так как речь шла об использовании водных ресурсов российских рек, то от Правительства РСФСР требовали положительного решения. Буквально с первых дней моей работы пришлось столкнуться с этой проблемой. Уже 5 июля по настоятельной просьбе Минводхоза Союза я провел совещание. Сообщение сделал Н. Ф. Васильев: «Минводхозом составлены проектные предложения о переброске стока 5–6 куб. км северных рек для подпитки, намеченного строительством канала Волга-Дон. О сибирских реках — определена трасса, очередность работ, сделан примерный расчет затрат на сооружение канала. Есть положительное заключение Госплана СССР. Нужно заключение Госплана и решение Совмина РСФСР».

Стали задавать вопросы. Чем вызван отбор воды из северных рек? Будто не хватает водных ресурсов Волги? Ведь речь идет всего о 5–6 куб. км из более чем 250 куб. км годового стока Волги. К тому же последние годы этот сток возрастает, уровень Каспия повышается. О канале из Сибири в Среднюю Азию. Не ясно, сколько будет составлять отбор воды для областей РСФСР, в том числе из Иртыша и Оби. Нет проработок экологических последствий проекта для севера республики. Совсем не просчитана мелиоративная сеть и т. п. Николай Федорович отвечал, что сейчас нужно принципиальное решение, а все детали будут учтены позже.

Пришли к выводу: требуется более глубокая проработка самой идеи переброски части стока рек. Решили собраться в институте «Гипроводхоз» и послушать непосредственно авторов проекта.

19 августа я с большой группой специалистов приехал в институт «Гипроводхоз», чтобы разобраться, каково истинное состояние проектных работ и ТЭО по переброске части стока российских рек.

Директор института Воропаев доложил. Затем подробное

обсуждение. Стоимость проекта с комплексом мелиоративных систем? В проекте обсчитан только канал, а основная цель — мелиорация. Какова продолжительность строительства и окупаемость всего комплекса? Зачем отбирать воду в Волгу, если Каспийское море уже сейчас размывает прибрежную зону? И другие.

Доводы авторов проекта не убедили. Вывод — проект не обоснован экономически и экологически. Вопрос о северных реках надо вообще исключить из обсуждения. Доложить наше мнение Совмину СССР.

И вот теперь, 15 сентября, разобрали проблему в Политбюро ЦК. Я остался неудовлетворен итогами обсуждения. После заседания позвонил К. У. Черненко: «Проект Минводхоза сырой, требует более глубокого обоснования и расчетов». Константин Устинович: «Хорошо. Дам поручение…»

* * *

17 ноября. Заседание Политбюро. Вел К. У. Черненко.

До заседания информировал нас, что здоровье Ю. В. Андропова, который был из Крыма госпитализирован в ЦКБ, пока без изменений к лучшему. Вспоминаю, что эта информация была воспринята достаточно спокойно. Ну, заболел человек, с кем не бывает. Не чувствовалось тревоги. Хотя многие знали, каково его здоровье, чем и сколько времени он уже страдает. Мне же все это было не известно. Поэтому восприятие общее — поболеет и выздоровеет…

Непонятно, чем была вызвана такая уверенность. О том, что Ю. В. Андропов находится в ЦКБ, я узнал лишь в середине ноября. Чазов же в своей книге пишет, что еще в конце сентября его вызвали в Крым, где отдыхал Ю. В. Андропов, в связи с резким ухудшением здоровья Генсека. Его срочно эвакуировали в Москву в ЦКБ.

4 декабря. Беседовал с М. С. Горбачевым. Он был у Ю. В. Андропова в ЦКБ. «Состояние его здоровья плохое. Его посещают помощники. Иногда Черненко. Юрий Владимирович недостаточно точно информирован, переживает за дела. Ты бы позвонил ему». Я говорю, что «хотел не раз, но раздумывал, зачем беспокоить больного человека».

В тот же день позвонил в ЦКБ. Рассказал Ю. В. Андропову, как идут дела в республике, какие ожидаем итоги года. Как прошло согласование плана на 1984 год по России в Совмине Союза. О работе по его записке в Политбюро. Поинтересовался

его здоровьем. Он: «Хорошо, что позвонил. Спасибо. Я залежался здесь. Невольно оторван отдел, это сейчас недопустимо. Но что поделаешь. Удовлетворен твоей информацией. Желаю, дорогой Виталий Иванович, успехов. Спасибо тебе сердечное. Привет товарищам».

6 декабря. Был у Горбачева. Он рассказал, что «имел еще одну беседу с Ю. В. Андроповым в ЦКБ. Состояние его не улучшается. Выглядит очень плохо. Исхудал. Ослаб. Юрий Владимирович предложил провести изменения в составе Политбюро, в том числе перевести тебя в члены Политбюро (Горбачев якобы поддержал это предложение). Но некоторые считают, доверительно сообщил Горбачев, зачем торопиться, надо подождать и решать при участии Ю. В. Андропова, но тот настаивает».

26 декабря. Пленум ЦК КПСС. Открыл К. У. Черненко.

Начал с того, что встречался с Ю. В. Андроповым. Он не может участвовать в работе Пленума. Передал просьбу Андропова рассмотреть на Пленуме оргвопрос.

Вносит предложение. «Избрать членами Политбюро М. С. Соломенцева и В. И. Воротникова, кандидатом в члены Политбюро — В. М. Чебрикова, секретарем ЦК — Е. К. Лигачева. И. В. Капитонову — сосредоточиться на вопросах, связанных с развитием производства товаров народного потребления, бытовых и других социальных проблемах». Голосует — предложения приняты.

Затем по повестке дня.

«О плане экономического и социального развития и государственном бюджете СССР на 1984 год». Докладчики Н. К. Байбаков, В. Ф. Гарбузов.

На Пленуме был роздан текст выступления Ю. В. Андропова.

В этом материале Ю. В. Андропов вновь, как и в своих выступлениях в июле, главное внимание уделил экономическим проблемам и повышению уровня организаторской работы.

Он писал: «Необходимо определить наиболее эффективные направления в развитии народного хозяйства, которые двигали бы экономику по интенсивному пути. Собственно, речь идет о научно-техническом прогрессе и разработке механизма управления экономикой на всех уровнях. Причем мероприятия по совершенствованию системы управления должны проводиться комплексно, только в этом случае можно наиболее полно использовать преимущества социализма. Должны быть определены четко функции, права и ответственность органов управления и предприятий. Повышена действенность экономических рычагов и стимулов хозяйственного механизма,

включая ценообразование, кредитно-финансовую систему, методы оценки результатов хозяйственной деятельности».

Андропов вновь подчеркнул роль министерств, партийных комитетов в наведении порядка, дисциплины, личной ответственности каждого за конкретно порученное дело. Призвал, рассматривая и решая текущие задачи, серьезно заняться перспективными вопросами развития экономики, улучшения внутренних и внешних позиций нашего государства.

Думаю, что эти короткие тезисы Ю. В. Андропова на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК дают ответ на вопрос о том, когда зарождались и начинали осуществляться в Союзе задачи ускорения экономических и социальных преобразований, получившие затем имя — «перестройка». Именно в том понимании, в котором она осуществлялась в 1985–1987 годах.

* * *

20 января 1984 года. По телефону и лично пошли поздравления с днем рождения. Звонил М. С. Горбачев из Пицунды. Позвонил и Ю. В. Андропов — из ЦКБ. Пожелал успехов, плодотворной работы. Удивительно бодрый голос. Я спросил, как он себя чувствует. Ответил: «Настроение хорошее, но пока в больнице. Надеюсь на благополучный исход».

Прошло менее трех недель. 9 февраля, в четверг, как обычно, в 11.00 было заседание Политбюро. Перед началом в «Ореховой» К. У. Черненко информировал членов Политбюро о резком ухудшении состояния здоровья Ю. В. Андропова. «Врачи делают все возможное. Но положение критическое». Что скажешь? Посидели. Помолчали. Прошли в зал. Начали рассматривать вопросы, включенные в повестку дня. Примерно к 14.00 заседание закончили.

В 18.00 снова вызвали в Кремль. Срочное заседание Политбюро. Черненко сообщил, что в 16.50 скончался Ю. В. Андропов. Образовали комиссию. Похороны — 14 февраля. Условились, кому подготовить некролог, сообщения для печати. Согласовали текст телеграммы в ЦК КП союзных республик, обкомы и крайкомы, совпослам.

10 февраля. 12.00. Вызвали в Кремль. Заседание Политбюро. Информация К. У. Черненко: «Нам надо решить два вопроса: о Генеральном секретаре ЦК и о дате созыва Пленума ЦК».

Какие и с кем были беседы по кандидатуре Генсека, я не знаю. Но то, что были, — бесспорно. Никаких контактов с другими членами Политбюро или секретарями ЦК у меня по

этому поводу не было. Конечно, и я, и другие товарищи понимали, что по традиции или, вернее, по фактическому положению вторым лицом в партии реально был К. У. Черненко. В то же время сознавали, что его возраст, состояние здоровья затрудняют, если не сказать больше, активную работу на высоком посту Генерального секретаря. Собственно, эти опасения потом и подтвердились. Политбюро при К. У. Черненко сбавило темпы.

Однако и альтернативы ему тогда, по сути, не было (Гришин, Кунаев, Устинов, Громыко, Тихонов, Соломенцев — всем было за 70). Моложе — Горбачев, Романов. Надо честно признать, что в то время не было уверенности, что первые названные выше товарищи поддержат «молодых». Да и на Пленуме вряд ли они прошли бы. Хотя уже и тогда Горбачев нередко вел заседания Секретариата, особенно в период болезни Ю. В. Андропова.

После К. У. Черненко сразу слово взял Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК К. У. Черненко. Обосновал свое мнение известными фактами о роли и месте Черненко в партии и стране. Затем выступили: А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, В. В. Гришин и другие (длинно или коротко, речью или одним словом, но все до одного члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК поддержали кандидатуру К. У. Черненко на пост Генерального секретаря ЦК КПСС).

Константин Устинович поблагодарил «за единодушную поддержку». Сказал полагающиеся в подобных случаях слова. Таким образом вопрос был предрешен. Теперь слово за Пленумом, который решили провести 14 февраля в Свердловском зале Кремля.

Обсудили порядок организации похорон Ю. В. Андропова, траурного митинга. Место захоронения — у Кремля.

Пленум ЦК состоялся 13 февраля, а не 14-го, как намечалось.

Открыл его К. У. Черненко и предоставил слово Н. А. Тихонову. Он от имени Политбюро предлагает кандидатуру К. У. Черненко на пост Генсека. Дает оценку деятельности Ю. В. Андропова, роли К. У. Черненко как соратника Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова. Других предложений нет.

На председательском месте М. С. Горбачев. Ставит на голосование. К. У. Черненко единодушно избирается Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Затем речь К. У. Черненко (примерно 25 минут). Он поблагодарил за высокое доверие. «Понимаю, какая сложная и важная предстоит работа. Заверяю ЦК, что буду проводить ту линию, которую вел Ю. В. Андропов». Характеризует активную деятельность Ю. В. Андропова, его вклад в развитие экономики,

культуры, партийного строительства, внешней политики. Говорит о насущных задачах, о роли ЦК, о необходимости активной совместной работы. (Вопросов, реплик, выступлений не было.) В 11.50 Пленум завершил работу.

14 февраля. Траурный митинг на Красной площади. Похороны.

Вечером — беседа в резиденции Э. Хонеккера. Тема — что ожидает наши страны. Обстановка в мире. Проводы делегации СЕПГ в аэропорт.

16 февраля. Беседа в резиденции Ф. Кастро и проводы делегации Кубы в аэропорт. Настроение у Фиделя неважное. Обеспокоен. Больше молчит.

* * *

23 февраля. Заседание Политбюро. Ведет в должности Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Тезисы его выступления:

«Последнее время я стремился к тому, чтобы в поле зрения Политбюро находились наиболее важные и крупные вопросы. Уходить от мелочной опеки. Нужно разгрузить и Секретариат, передавать больше вопросов на решение секретарей и отделов ЦК. Под свою опеку, — сказал Черненко, — я беру принципиальные вопросы внутренней и внешней политики, партийно-организационную работу, общий отдел и Управление делами, оборонные вопросы. За Горбачевым — сельскохозяйственное производство, отдел сельхозмашиностроения. Ведение Секретариата ЦК. И в отсутствие Генсека — заседания Политбюро».

Последнее предложение вызвало «движение» среди некоторых членов Политбюро. Подал реплику Н. А. Тихонов: «А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, — продолжал он, — обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК? Вот ведь В. И. Ленин вел заседания Политбюро, не будучи секретарем».

Это был явный демарш против Горбачева. Определенные «междометия» в поддержку (вроде бы да, стоит подумать и т. п.) послышались у его соседей. Однако многие, в том числе Д. Ф. Устинов, более громко высказались вслух: «А почему сомнения? Какие основания? Практика прошлых составов, когда в отсутствие Генсека Политбюро вели Кириленко, Суслов и т. п.?

Зачем вспоминать времена Ленина. Тогда была иная структура, да и в ЦК-то было всего два десятка человек».

Тихонов больше ничего не сказал. Горбачев промолчал. Никак не прореагировал и сам Константин Устинович. На этом обмен мнениями завершился. Позиция К. У. Черненко осталась неясной, или, так сказать, открытой. Формального решения не принималось. Но потом, когда возникла потребность, заседания Политбюро стал вести именно М. С. Горбачев. Хотя ему и пришлось побороться за это право.

6 марта в беседе со мной Горбачев возмущался, что ситуация остается неясной. Ему хотелось, чтобы право вести Политбюро было закреплено за ним официально. Однако Черненко не возвращался больше к этому вопросу.

Тут уместно сказать о манере М. С. Горбачева вести «доверительный разговор». Создается полная иллюзия откровенности, настоящего товарищества, стремления посоветоваться, узнать мнение собеседника. Я долго находился в плену такого «товарищества». Верил в искренность отношения ко мне и отвечал взаимностью. Восхищался его способностью приблизить людей к себе, покорять своим обаянием.

Лишь много позже, приблизительно с середины 1987 года, а особенно в 1988 году, понял, что это была лишь имитация, видимость товарищества, дружбы. Он действительно нуждался в совете, в мнении собеседника, но лишь настолько, насколько это позволяло «привязать» партнера к своей идее, своей позиции. Причем манера формулировать свою точку зрения, выражать свои взгляды, да и просто информировать о чем-то была весьма своеобразной. Он говорил, не завершая мысль, как-то обрывочно, намеками и полунамеками, с подтекстом (мол, тебе и так все ясно). Такая манера всегда давала ему основание, с одной стороны, заполучить сторонника, заручиться поддержкой «общей точки зрения», а с другой — в случае необходимости можно было и заявить, что ты-де меня не так понял.

В этом проявлялась суть его личности, характера. Всегдашняя готовность к маневру, к балансированию, к выбору решения в зависимости от ситуации. Он сам подчеркивал, да и другие считали, что Горбачев — мастер маневра, компромисса, что это непременное качество настоящего политика. Но такое «мастерство» Горбачева обернулось, в конечном счете, трагедией для нашей страны, советского народа. Увы, это была не политическая тактика, не маневрирование, оправданное и необходимое ради достижения определенной цели. Горбачев менял не только тактику, но и стратегию, менял убеждения, а заодно и соратников, товарищей. При этом не упускал и личных,

корыстных интересов.

* * *

7 марта на Политбюро встал вопрос о подготовке Пленума по совершенствованию управления экономикой. Эту идею активно продвигал Горбачев. Однако Тихонов реагировал негативно, резко. Сказал, что «Правительство не готово. Не надо нас подталкивать. Что это за манера — выносить предложения за спиной председателя Совмина…» Черненко замял разговор: «Обсудим позже…»

12 марта зашел А. А. Мехренцев — председатель Свердловского облисполкома. Обеспокоен жестким нажимом со стороны Б. Н. Ельцина. Отношения у него с Борисом Николаевичем не складывались. Я не понимал, почему. Мехренцев — крупный инженер, умелый организатор, был директором большого завода Минавиапрома. Видимо, Ельцин чувствовал в нем соперника. Позже я узнал, что Мехренцев к тому же тяжело болен. Очень страдал, лечился. Борис не мог не знать этого — и так давил на человека!

10 апреля. Пленум ЦК КПСС. Открыл К. У. Черненко.

1. По предложению М. С. Горбачева приняли решение — рекомендовать К. У. Черненко на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

2. По предложению К. У. Черненко — рекомендовать Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихонова, также приняли решение.

3. Предложения о составе Правительства внес сам Н. А. Тихонов.

Замечаний не последовало, так как изменений, в сущности, не было.

Выступило всего 6 человек. Затем с большой речью — К. У. Черненко. Не осталось она у меня в памяти. И не записывал, как обычно. Приняли соответствующее постановление. Пленум прошел тускло.

23 мая. Заседание Политбюро. Вел К. У. Черненко.

Шла речь о том, что на Западе и в США активно эксплуатируют тему о нарушениях прав человека у нас. Этими вопросами у них занимаются ряд институтов, фондов и т. п. Мы же не имеем никакого фактического анализа о положении дел ни у нас, ни у них. Нет ни одного научного учреждения по этой проблеме. Отбиваемся общими словами. В то время как в США и в других капиталистических странах нарушения прав человека

носят вопиющий характер. Поручили отделам ЦК внести предложения.

В этот же день в Кремле состоялось подписание документов о сотрудничестве СССР с КНДР. Подписали К. У. Черненко и Ким Ир Сен. Затем обед в Грановитой Палате в честь Ким Ир Сена. Состояние К. У. Черненко неважное. Видимо, нагрузка оказывается непосильной. Явно сдал еще. Опять из комнаты Политбюро в БКД до Владимирского зала шли с перерывом (он сел и отдохнул). Беседу ведет трудно. Быстро устает. Выручал Горбачев, по-моему, с удовольствием встревая в беседу. В основном разговор поддерживал А. А. Громыко. Несколько реплик подал Н. А. Тихонов.

Когда окончился обед, возвратились в комнату Политбюро. К. У. Черненко говорит: «Вот, устал. Втягиваете вы меня во всякие мероприятия. Надо как-то сокращать их». Встал, несколько шагов до лифта его поддерживали прикрепленные из охраны. После — Тихонов и Громыко, проявляя заботу, стали убеждать членов Политбюро, что действительно надо беречь Константина Устиновича, ему нельзя давать такую нагрузку и т. п. Что можно было сказать в ответ? Такая ведь работа у Генерального секретаря. И так встречи и беседы сокращены до минимума. Он никуда не ездит, даже по стране, по Москве.

Через несколько дней в «Ореховой» К. У. Черненко поднял вопрос о том, как упростить протокол встреч и проводов иностранных делегаций, чтобы делать это в дворике Кремля или на Ивановской площади. Поручили подумать, как сочетать торжественность встреч и простоту. В то время К. У. Черненко встречал гостей внутри ограды БКД, а затем гости шли налево в резиденцию, а он — направо в боковую дверь и лифтом на 2-й этаж. На Западе появились фото со спины: Черненко, поддерживаемый под руки двумя прикрепленными, направляется к двери. Лишь позже Горбачев придумал ритуал встречи в Георгиевском зале БКД.

* * *

2 июня. Разговор с М. С. Горбачевым. Он считает необходимым укрепить в ЦК руководство строительством и транспортом. «Может, иметь секретаря ЦК, как обычно в крупных областях?» Конкретно никаких фамилий не называл. (Идею эту он реализовал в 1985 г. — пригласил Б. Н. Ельцина). Повел разговор о секретарях — неодобрительно отозвался о В. И. Долгих. Поставил ему в вину, что тот поддерживает постоянные контакты

с Тихоновым и его замами.

Я возразил: «Зря ты на него «катишь бочку»!

Он: «Ты всего не знаешь!»

Затем рассуждали о проблемах села. Оба согласны, что именно здесь нужно сконцентрировать усилия руководства страны и народа.

20 июня. Расширенное заседание Совета Министров РСФСР.

«О задачах советских и хозяйственных органов республики в связи с разработкой основных направлений развития страны на 12-ю пятилетку и до 2000 года и об итогах работы за пять месяцев 1984 г.». Я выступил с докладом. О концепции — общие установки. О делах насущных — подробный, обстоятельный разбор.

Активное обсуждение. Участвовал в работе Совмина и М. С. Горбачев, выступивший в конце заседания с большой речью. Он изложил некоторые идеи экономического характера, подчеркнул отставание СССР от мировых экономических процессов, особенно по показателям затрат труда, материало- и энергоемкости, передовой техники, производительности труда. О необходимости коренных изменений в управлении сельским хозяйством, внедрении прогрессивных технологий в растениеводстве и другие вопросы.

21 июня. В БКД был обед в честь президента Франции Ф. Миттерана. Он находился с официальным визитом в СССР. Опять К. У. Черненко был в заторможенном состоянии. Явно не здоров. Почти не участвовал в беседе, только «да, да». Всю нагрузку взял на себя Горбачев. Был активным, успешно «занимал» Миттерана, а также мининдел Шейсона. Вел себя непринужденно, проявляя эрудицию, улыбка не сходила с его лица…

10 июля. Секретариат ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Отчет ЦК КП Эстонии об идеологической работе среди руководящих кадров. Уже тогда ясно проявлялись националистические тенденции в Эстонии. Руководство КПЭ (К. Вайно) стремилось противостоять им, за что подвергалось массированному давлению «патриотов». Но вопрос прошел на Секретариате достаточно спокойно. Авось все уляжется.

19 июля. М. С. Горбачев впервые вел заседание Политбюро. (К. У. Черненко в отпуске). Поначалу робко, как-то неуверенно. Все вопрошает к «старикам» — их мнение. Явно подчеркивает свой демократизм, коллегиальность. Формулировки выводов, итогов расплывчатые, с оглядкой.

Вот так начинал. Мало говорил — больше слушал. А потом…

30 августа. Политбюро. Вел заседание М. С. Горбачев.

Перед началом в «Ореховой» Горбачев повел разговор о приближающемся 73-летии К. У. Черненко и награждении его. Накануне, рассуждая, что дата не круглая, решили ограничиться орденом Ленина. Но встал вопрос, как отнесется к этому сам Константин Устинович? Поручили Горбачеву переговорить с именинником. И вот сейчас он говорит: «Подходил к этому вопросу издалека, прямо не назвал, что имеется в виду, попытался сделать так, чтобы Черненко сам понял. Но собеседник говорит: «Как вы решите — восприму с удовлетворением». Горбачев сделал вывод, что тот имеет в виду третью золотую звезду Героя Соцтруда. Во всяком случае, Горбачев склонился к тому, чтобы «не обижать Генсека». Как шел у них разговор на самом деле — не известно. Но согласились с мнением Горбачева.

* * *

15 декабря. Провожал во Внуково-2 делегацию Верховного Совета во главе с М. С. Горбачевым в Англию. Доверительный разговор об обстановке в Политбюро, о состоянии здоровья К. У. Черненко. Прогнозы на перспективу. Горбачев приветлив, настроен оптимистично. Говорит о предстоящих встречах в Англии. Возможна беседа с М. Тэтчер.

20 декабря. Заседание Политбюро. Вел К. У. Черненко.

В «Ореховой» К. У. Черненко информировал, что Д. Ф. Устинов вот уже несколько дней находится в больнице. Состояние его тяжелое. Наступило резкое ухудшение. (Я не знал, что с ним. Говорили, что-то с желудком. Рак? Не известно.) Все посочувствовали — надо надеяться.

Следует сказать, что система медицинского обслуживания в организациях 4-го главного управления Минздрава СССР (Е. А. Чазов) была отлажена. Своевременная диспансеризация, высококвалифицированное обследование и лечение. Но состояние здоровья, особенно руководителей страны, было тайной за семью печатями, никакой информации не получишь. Каждый имел в поликлинике определенный код (номер истории болезни). Под этот код шли все процедуры, лекарства. Кто и когда завел такой порядок?

21 декабря. Утром вылетел с делегацией в Туркмению на торжества по случаю 60-летия Туркменской ССР. Днем посетили ковровую фабрику, проехали в один из передовых совхозов, чаепитие и разговор с аксакалами. Возвратились в Ашхабад. Там сообщили, что срочно вызывает Москва. Я позвонил по ВЧ в ЦК. Подошел к телефону К. М. Боголюбов. Сообщил, что скончался

Д. Ф. Устинов вечером 20 декабря, попросил позвонить Лигачеву. Я связался с ним. Егор Кузьмич информировал меня о порядке похорон: 22 и 23 декабря — прощание в Доме Союзов, 24-го похороны у Кремлевской стены. Спросил, как быть мне? Лигачев: «Решено, чтоб торжественное собрание в Ашхабаде прошло. Орден Ленина республике вручить. Никаких праздничных мероприятий не проводить. 23го быть в Москве». Так мы и поступили.

23 декабря возвратился в Москву. Министром обороны, в мое отсутствие, назначен маршал С. Л. Соколов.

29 декабря. ЦК КПСС. У М. С. Горбачева.

Обстоятельный разговор об итогах года, обстановке в стране, в Политбюро. Он возмущался консерватизмом, формализмом, рутиной. Говорил о своих планах: «У меня есть задумки» (какие — не известно).

Долго, увлеченно рассказывал о поездке в Англию, встречах с Маргарет Тэтчер. Впечатления отменные. Доволен откровенными и острыми беседами, тем, как он умело противостоял ее «натиску», отстаивая социалистические идеалы. Отзывается о М. Тэтчер как об умном, прямолинейном политике. Подчеркивал, что нашему руководству очень нужны личные контакты с западными лидерами, увы…

Было явно видно, что Горбачев доволен визитом, впечатлением, какое он произвел на М. Тэтчэр. Да и она, говорили позже, делилась в своем окружении: «С этим человеком можно работать». Думаю, комментарии здесь излишни.

* * *

Первые месяцы нового, 1985 года сложились драматически. Состояние здоровья К. У. Черненко осложняется. Болезнь легких. Чтобы облегчить затрудненное дыхание, по совету врачей сосет какие-то таблетки. Ходит с трудом. Заседания Политбюро непродолжительны, дабы не утомлять Генсека. Намеченные визиты за рубеж каждый раз откладываются. Константин Устинович не может себе позволить выехать в области или республики Союза. Встречи и приемы высоких гостей для него все более обременительны. И ему и нам тяжко.

3 января. Политбюро. Перед заседанием ждем его, как всегда, в «Ореховой комнате», примыкающей к приемной Генерального секретаря и залу заседаний Политбюро. Входит К. У. Черненко, его поддерживает прикрепленный. Не стал, как обычно, садиться за круглый стол в этой комнате, а сразу прошел в зал заседаний.

И, не здороваясь, как принято, с секретарями ЦК и кандидатами в члены Политбюро, сел в кресло. Устал, сделав всего 20 шагов. Ведет заседание.

Об очередной сессии Верховного Совета СССР. Согласились с повесткой и порядком проведения. О предстоящей встрече А. А. Громыко с Дж. Шульцем. Андрей Андреевич очень кратко информирует о нашей позиции. Ряд вопросов экономического характера, в том числе о снижении цен на автомобили «Москвич» и «Нива». О государственной программе создания и развития вычислительной техники. Все очень коротко. Управились за час.

После Политбюро разговаривали с Горбачевым. Настроение неважное. Говорит: «Видно, и Пленум по техническому прогрессу придется отложить. Как быть с предстоящим заседанием ПКК в Софии? К. У. Черненко ехать туда не сможет. Но продолжает готовиться?!»

8 января Горбачев вновь завел разговор на эту тему: «Что же делать? Смотри, какой состав Политбюро, где опора…?!» Я с ним согласился, но не понял тогда подтекста слов Михаила Сергеевича, ведь он уже готовился в преемники.

9 января. Неожиданное сообщение о внеочередном заседании Политбюро. Приехал в Кремль. Собрались в кабинете К. У. Черненко, а не в зале заседаний. Были члены Политбюро и еще несколько человек, по-моему, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарев и еще кто-то, то есть не в полном составе.

К. У. Черненко сидел за длинным столом, в торце. Поздоровался не вставая. Затем сказал примерно следующее: «Есть необходимость обсудить положение. В последнее время я много передумал, пережил, вспомнил всю свою жизнь. Многие годы она шла рядом с вами. Но возникают вопросы, решение которых нельзя отложить. Вы прочитали записку Е. И. Чазова? (Ее нам предварительно дали прочесть. Это была короткая, примерно на две трети страницы, записка о состоянии здоровья К. У. Черненко.) Я не могу сам единолично принимать решение. Думал, может, уйти?»

Н. А. Тихонов, затем В. В. Гришин, А. А. Громыко подали протестующие реплики: «Зачем торопиться? Надо подлечиться, и все».

Константин Устинович продолжал: «До слез обидно. Так хочется работать. Но пусть скажет Евгений Иванович».

Е. И. Чазов кратко подтвердил, что К. У. Черненко нуждается в отпуске и серьезном лечении. Нужна госпитализация, обследование. О поездке на ПКК в Софию не может быть и речи.

Естественно, что все члены Политбюро высказались за это. Решили, что руководству соцстран надо сообщить все как есть, не

вуалировать причину. Объяснить, что в настоящее время К. У. Черненко приехать не может по состоянию здоровья, ему требуется лечение. Что касается Пленума по техническому прогрессу — снять.

Затем обсудили несколько вопросов. По ранее высказанному предложению Н. А. Тихонова решили подготовку основных направлений на пятилетку завершить к 1 марта, а Пленум провести в апреле. Еще раз подтвердили, что главное внимание надо сосредоточить на подготовке XXVII съезда. Срок его созыва — октябрь, самое позднее — декабрь 1985 года.

Опять заговорил К. У. Черненко: «Главное, что меня радует, это наше единство, сплоченная работа. Ничто не подорвало этого единства. Спасибо за поддержку. Это важно не только для меня, но особенно для страны и внешнего мира. Все оставшиеся силы отдам партии. Буду помогать врачам преодолеть нездоровье».

Заседание продолжалось примерно час. Черненко устал еще больше. Попрощались с ним и разошлись. Осталось тягостное чувство.

* * *

11 марта в 5.30 наш самолет приземлился в Москве.

В 8.00 я связался с ЦК, никого из руководства там еще не было. Переговорил с заведующим общим отделом ЦК К. М. Боголюбовым. Он сказал, что К. У. Черненко скончался вчера, в 19.40. Вечером состоялось заседание Политбюро, образована комиссия по организации похорон, председатель комиссии — М. С. Горбачев.

Примерно в 9.40 мне позвонил М. С. Горбачев. Спросил, как долетел. Потом более подробно рассказал, что произошло вчера. «На Политбюро собрались в 20.30, в основном обсуждались вопросы организации похорон. Даны необходимые поручения. Просидели, говорит, за полночь, готовили документы для публикации и т. п. Сегодня предстоит основная работа».

Я спросил, был ли разговор о преемнике К. У. Черненко? М. С. Горбачев ответил: «Официального обсуждения не было, но некоторые члены Политбюро (кто — не сказал) звонили и 12 января, это было в субботу вечером, мне на дачу позвонил Константин Устинович. Говорит трудно, неразборчиво. Поинтересовался, как идут дела, как ликвидируются последствия морозов. Я коротко рассказал. Не дослушав, неожиданно поздравил с Новым годом (может, по старому стилю?), пожелал успехов. Я высказал взаимные пожелания, главное — здоровье.

Вот и весь разговор.

22 января был у М. С. Горбачева в ЦК. Обсуждали вопросы зимовки, состояние теплоснабжения. В ряде регионов продолжались сильные морозы. Он рассказал о беседе с К. У. Черненко (его по настоятельной просьбе отпустили из ЦКБ на дачу). «Волнуется, нервничает, что нездоровье угнетает, а дел много. Видимо, его «заводят», говорил Михаил Сергеевич, так ли ведет работу Горбачев в отсутствие Генсека».

Говоря мне все это, Горбачев сам нервничал, спрашивал: «Ну, что они хотят? (Кто? Неизвестно.) Ведь ты же видишь, как я, да и все мы работаем. Стараемся, чтобы было лучше, ни у кого нет никаких задних мыслей, стремления вырваться вперед и т. д. Главная забота — «жила бы страна родная» (это было любимое выражение, кредо Горбачева).

В начале февраля К. У. Черненко несколько раз появлялся на работе, на короткое время. А 7 февраля даже вел заседание Политбюро. На нем подвели итоги соревнования за 1984 год. Рассмотрели ход подготовки к севу. К. У. Черненко распространил записку о сотрудничестве стран СЭВ. Но, по-моему, уже на другой день — опять в ЦКБ.

13 февраля М. С. Горбачев на совещании с членами Политбюро информировал о реакции Запада на обстановку у нас: «Там предвидят осложнения в связи с нездоровьем К. У. Черненко. Строят различные домыслы. Идет спекуляция. Пытаются воздействовать на общественное мнение в стране. Необходимо сейчас проявлять сдержанность. Не дать повода для провокаций».

Вечером 1 марта была обстоятельная беседа с М. С. Горбачевым по проблемам экономического состояния страны и России. Говорили о необходимости коренных преобразований в сельском хозяйстве. Вновь и вновь Горбачев возвращался к обстановке в Политбюро, сетовал на предвзятое отношение к его инициативам со стороны некоторых «старых членов Политбюро». Убеждал в своем стремлении поддержать Черненко и т. п. Обо всем — эмоционально, повторяя, что его главная забота — о стране, об авторитете партии, Политбюро.

4 марта я с делегацией РСФСР вылетел в СФРЮ. 10 марта, когда я вел переговоры в Титограде, вечером, примерно в 19.40 по местному времени, мне передали, что позвонили из посольства — необходимо немедленно возвращаться в Москву, там чрезвычайные обстоятельства и я должен прервать визит. Прямой закрытой связи из Титограда ни с Москвой, ни с посольством в Белграде не было. Причину вызова в Москву мне не сообщили. Но догадка меня посетила. Видимо, произошло непоправимое с

К. У. Черненко.

В Титограде мы быстро завершили переговоры, подписали договор о сотрудничестве. Погода была очень плохая, снегопад, видимости нет. С трудом вылетели, но Белград по метеоусловиям не принял. Самолет сел в Киеве для дозаправки. Было около 3 часов ночи, через руководство аэропорта Борисполь мне передали от предсовмина УССР А. П. Ляшко, что скончался К. У. Черненко.

* * *

11 марта в 5.30 наш самолет приземлился в Москве.

В 8.00 я связался с ЦК, никого из руководства там еще не было. Переговорил с заведующим общим отделом ЦК К. М. Боголюбовым. Он сказал, что К. У. Черненко скончался вчера, в 19.40. Вечером состоялось заседание Политбюро, образована комиссия по организации похорон, председатель комиссии — М. С. Горбачев.

Примерно в 9.40 мне позвонил М. С. Горбачев. Спросил, как долетел. Потом более подробно рассказал, что произошло вчера. «На Политбюро собрались в 20.30, в основном обсуждались вопросы организации похорон. Даны необходимые поручения. Просидели, говорит, за полночь, готовили документы для публикации и т. п. Сегодня предстоит основная работа».

Я спросил, был ли разговор о преемнике К. У. Черненко? М. С. Горбачев ответил: «Официального обсуждения не было, но некоторые члены Политбюро (кто — не сказал) звонили и говорили о намерении возложить этот груз на меня. Как ты?» Я ответил: «Конечно, в нынешнем составе это Горбачев». Он: «Ну ладно. Будем из этого исходить. Через час встретимся».

В 11.00 в ЦК под председательством М. С. Горбачева состоялось заседание комиссии по организации похорон К. У. Черненко. Одобрили текст публикации сообщения от ЦК, Верховного Совета и Совета Министров, некролог. Обсудили обращение к народу. Был подробно расписан весь порядок организации похорон.

В 15.00 — Политбюро. До заседания у меня ни с кем из товарищей никаких обсуждений, обмена мнениями о кандидатуре на пост Генсека не было. Заседание проходило спокойно. За торцевым столом сидел М. С. Горбачев, но не по центру стола, а как-то сбоку, вроде готов, если надо, уступить место.

Собственно, никакой дискуссии не было. Первым встал А. А. Громыко и внес предложение о рекомендации Пленуму на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Коротко,

четко дал характеристику Горбачеву. Один за другим все члены Политбюро короткими репликами поддержали эту кандидатуру. Какого-то обсуждения, альтернативных кандидатур, тем более борьбы, столкновений взглядов на Политбюро не было. Я не знаю, может быть, какие-то закулисные процессы и шли, во всяком случае, мне это не было известно. (Отсутствовал на Политбюро В. В. Щербицкий — он еще не возвратился из США.) М. С. Горбачев коротко поблагодарил за доверие, сказал, что окончательное решение за Пленумом ЦК. Заседание продолжалось минут тридцать.

В 17.00 состоялся Пленум ЦК. Открыл его М. С. Горбачев.

Слово взял А. А. Громыко и от имени Политбюро предложил избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева. Дал ему более развернутую характеристику. Пленум единодушно поддержал эту кандидатуру. М. С. Горбачев выступил с короткой речью по самым принципиальным вопросам, в которой уже просвечивались оттенки политики, развернутые позже на апрельском Пленуме. Было ли решение избрать Горбачева неожиданным? Нет. Участники Пленума были готовы к возможной смене политического руководства, знали о тяжелой болезни К. У. Черненко. Первая же кандидатура, которая естественно встает в такой ситуации, — второй секретарь ЦК, а им, по сути, и был Горбачев.

* * *

Впоследствии возникали разговоры о том, что этот пост якобы рассчитывал занять В. В. Гришин. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть их, так как никаких, известных мне внешних проявлений этого намерения со стороны В. В. Гришина или других членов Политбюро не было. У меня спрашивала корреспондентка Би-Би-Си Норма Перси: «Вот на встрече с избирателями вместо Черненко доклад делал Гришин, и люди могли подумать, что сам Черненко выбрал себе на замену Гришина». Я ответил, что невозможно сейчас сказать о замыслах К. У. Черненко. Думаю, что ни в Политбюро, ни в ЦК, ни в Москве В. В. Гришин не имел достаточно высокого авторитета и его кандидатура могла бы вызвать протест. А что касается встречи с избирателями, то здесь все логично. Коль скоро К. У. Черненко выдвинут кандидатом в Верховный Совет РСФСР от одного из округов Москвы, собрание проходит в Москве, то его ведет и выступает с речью первый секретарь МГК, представляя кандидата — Генерального секретаря ЦК. Ну а насколько льстива и

вдохновенна была эта речь — вопрос другой.

Что касается опубликованных записок Е. К. Лигачева, где он говорит о заседании Политбюро вечером 10 марта, где якобы сложилась очень тревожная атмосфера, что в воздухе витал этот вопрос, то, возможно, так и было. Я на этом Политбюро не присутствовал. Но ведь никаких конкретных действий со стороны членов Политбюро не было.

Что же касается внутреннего состояния и устремлений каждого, то кто их знает? Действительно, это факт, что выход М. С. Горбачева после кончины Ю. В. Андропова в феврале 1983 г. на вторую роль в партии был воспринят некоторыми членами Политбюро неоднозначно. Это, во-первых, Н. А. Тихонов, в определенной мере В. В. Гришин или еще кто-то. Наиболее открыто такая позиция проявлялась на первых порах. Потом внешне все как будто встало на свои места. М. С. Горбачев вел Секретариат, а в отсутствие К. У. Черненко и Политбюро. Но, особенно в период осложнения болезни К. У. Черненко, когда тот находился в больнице и был оторван от конкретных дел, ему (об этом со мной делился Горбачев) иногда передавалась не совсем достоверная информация. Что касается активности М. С. Горбачева, которая преподносилась как стремление «проявить себя», показать свои возможности, то для этого, думаю, были основания.

Вообще же, скорее всего все сведения такого рода Константин Устинович получал не от членов руководства партии, а от людей из своего окружения, его помощников, и в том числе от давнего соратника К. М. Боголюбова. Таким образом, мне конкретно ничего не было известно о каких-то разногласиях среди членов Политбюро, когда готовились предложения о Генсеке. Считаю, что «интуицию», «атмосферу» и т. п. нельзя считать аргументами о происходившей якобы внутри Политбюро борьбе за лидерство 10 и 11 марта 1985 года.

1985–1986 гг. Кто «подталкивал» перестройку

19 марта 1985 года. Заседание Секретариата ЦК, которое вел новый Генсек.

После обсуждения вопросов повестки дня коротко выступил М. С. Горбачев. Он говорил, что прошедшие в стране пленумы обкомов партии были единодушны в поддержке линии ЦК. В принятых решениях, в письмах, адресованных ЦК, подчеркивалось стремление ускорить экономические процессы, социалистическое развитие страны. Укреплять ответственность, дисциплину, улучшать функционирование всех государственных организаций, то есть «настрой на дела».

«Нам важно все это осмыслить и выработать план действий, отметил Горбачев. Год важный, пятилетка грядет — тем более. Требуется серьезная работа с верхним эшелоном руководства, в отраслях, в партии, в республиках. Надо готовиться к съезду».

После Секретариата он позвал меня, состоялась продолжительная беседа. Обменялись мнениями по организации работы с материалами предстоящего Пленума. Горбачев незамедлительно стал разбираться с кадрами, с людьми из окружения К. У. Черненко. Завел речь о реконструкции аппарата ЦК. «Аппарат разбух невероятно. Особенно — общий отдел, полно бездельников». Стал рассуждать о необходимости поездки по стране. «Видимо, в первую очередь надо поехать в Ленинград. Серьезно раздумываю над темой выступления там». И в заключение излюбленная тема — обстановка в сельском хозяйстве. «Надо собрать руководителей АПК, обсудить с ними принципиальные вопросы». Разговор, в общем, был доверительный, дружеский. Желание — работать. Всеми своими словами он подчеркивал, что заряжен на реализацию своих идей — совершенствование социалистического общества в СССР.

Позже я убедился, что к моменту избрания Горбачева Генсеком, у него не было ясной и четкой концепции необходимых перемен. Он был в поиске и принимал немало спонтанных решений.

21 марта. Заседание Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

Обсудили итоги его бесед, а также Тихонова, Громыко и Пономарева с иностранными делегациями. Отмечали высокий их уровень, корректность, деловой настрой. Подчеркивали, что это импонировало собеседникам. Чувствовалось, что они хотят не упустить свой шанс, ведь в Союзе появился малоизвестный, новый

руководитель. М. С. Горбачев: «Нам внешнюю политику менять не надо, она завоевала авторитет, требуется лишь значительно ее активизировать». Вот такой был начальный настрой.

О подготовке Пленума ЦК и съезда. О чем говорил Горбачев? «Мартовский Пленум воспринят правильно. Единодушная поддержка линии ЦК. Много предложений, пожеланий. Есть какое-то ожидание скорых позитивных перемен. Стремление к интенсификации производства, динамизму, техническому прогрессу, то есть повышать активность, разбудить застой. Нужна конкретная работа. Меньше пустословия, парадности, больше внимания людям, социальным проблемам. Подтягивать дисциплину, одновременно и создавать условия для высокопроизводительного труда. Членам Политбюро, секретарям ЦК требуется работать более активно, творчески, укреплять единство».

За повесткой. В связи с тем, что на днях должна состояться первая сессия Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва, обсудили кадровые вопросы о руководителях республики. Дополнительно, к ранее согласованным изменениям, Горбачев поднял вопрос о замене А. М. Калашникова (зампреда СМ РСФСР). Предложил на его место заведующего Отделом строительства ЦК КПСС И. Н. Дмитриева. Это предложение активно поддержал Лигачев. Я согласился. Лишь позже стало понятно, что освобождалось место для Б. Н. Ельцина в ЦК, которого вскоре утвердили в должности заведующего Отделом строительства.

26 и 27 марта состоялась 1-я сессия Верховного Совета РСФСР 11-го созыва. Председателем Президиума Верховного Совета избрали В. П. Орлова. Сложил полномочия Совет Министров РСФСР. Образовали новое Правительство, председателем Совета Министров назначили В. И. Воротникова.

4 апреля. Заседание Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

Обсудили главные направления в работе партии, которые следует вынести на предстоящий Пленум ЦК. Горбачев советовался с коллегами.

О мерах борьбы с пьянством и алкоголизмом. Докладывал вопрос М. С. Соломенцев, вооружившись цифрами, с экскурсом в историю этой проблемы. В принципе все были «за», но возникли споры о методах и сроках реализации предложенной программы, суть которой была в административных мерах: сокращение производства, ограничении мест и времени торговли винно-водочной продукцией и т. п. Е. К. Лигачев призывал сократить площади выращивания винограда винных сортов.

* * *

Мне представляется целесообразным сделать отступление от хронологического изложения материала и рассказать о том, как готовились и проходили заседания Политбюро.

Примерный перечень вопросов для обсуждения на Политбюро рассматривался заранее на квартал или полгода вперед. Конечно, этот перечень нередко сильно изменялся. Жизнь требовала решения дополнительных вопросов, и они вносились на Политбюро. Повестка дня и необходимые материалы (справки, записки, проект постановления, замечания к нему и т. п.) рассылались заранее, иногда за неделю — десять дней, чаще за 2–3 дня до заседания. Можно было дать письменные замечания, предложения или высказать их на Политбюро. Много оперативных вопросов рассылалось для голосования «вкруговую» (такие материалы поступали почти ежедневно). Доставляли их фельдсвязью специально выделенные сотрудники Общего отдела ЦК. Бывали и особо доверительные документы, с которыми знакомили лишь тех товарищей, кого «расписывал» Генеральный секретарь.

Было установлено правило, если кто-то из членов Политбюро считал, что по рассылаемым на голосование документам следует обменяться мнениями на Политбюро, то этот вопрос вносился для очного обсуждения. Иногда принимались решения срочного характера в аэропорту, театре, на совещании и т. д., и затем это решение голосовалось, а текст вносился в очередной протокол Политбюро.

Заседания Политбюро проходили в Кремле. Вход в здание через так называемое «крылечко» у Кремлевской стены и на 3-й этаж. Там был расположен кабинет Генерального секретаря и зал Политбюро. По традиции заседания проходили один раз в неделю, по четвергам, начинались в 11 часов дня (говорят, когда-то было в 10). Кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК заходили в зал заседаний из общей приемной, где собирались приглашенные.

Генеральный секретарь из кабинета через свою приемную проходил в «Ореховую комнату», где его ожидали члены Политбюро (только). Здесь за круглым столом шел короткий, предварительный обмен мнениями по некоторым вопросам повестки дня, взаимная информация по каким-либо важным событиям. Иногда возникали и дополнительные темы для беседы, и обсуждение подчас затягивалось на 20–30 минут.

Затем Генеральный секретарь и члены Политбюро проходили в зал, и все рассаживались за длинным столом заседаний. Место у

каждого известно. Ближе к председательствующему размещались члены Политбюро, затем кандидаты и далее — секретари ЦК. Рассадка, так сказать, по принципу старшинства, то есть по продолжительности пребывания в этом органе.

При Ю. В. Андропове и К. У. Черненко заседания, как правило, были непродолжительными — полтора, два, максимум три часа. Перерывы не делались. В ходе заседания участникам разносили чай, кофе и небольшие бутерброды.

Когда Генсеком был избран М. С. Горбачев, заседания Политбюро стали более продолжительными. Сначала они шли 4–5 часов и тоже без перерыва. А потом, начиная с 1987 г., часто затягивались надолго, до позднего вечера. Стали делать перерыв на обед, примерно в два часа дня. Обедали здесь же, в Кремле, на 2 этаже, в комнате у Свердловского зала, за одним столом. Обед обычный — три блюда, занимал 20–30 минут.

На первых порах М. С. Горбачев создавал на Политбюро весьма демократическую, товарищескую обстановку. Был внимателен, приветлив, общителен. Позже стал более вальяжен, раздумчив, говорил не торопясь, с паузами. Мог позволить себе резко оборвать выступавшего, меньше вслушивался в суть сказанного. Со временем в нем все больше укреплялись позерство, самолюбование, склонность к громкой фразе. Он становился все более и более многословным. Ему льстило внимание, нараставшая на первых порах популярность. Правда, на заседаниях давал возможность высказаться всем желающим.

Чем дальше, тем больше все это представлялось как псевдодемократия. Говори, мол, говори, все равно толку мало. Многие пожелания так и повисали в воздухе. Он вроде бы их и не замечал. В ходе дискуссии были споры, иногда резкие.

Обо всем этом мне еще не раз придется говорить, рассказывая о том, как шли заседания Политбюро, какие позиции по тому или иному вопросу занимали Горбачев и другие партийные руководители.

* * *

20 апреля. Очередная беседа с Горбачевым по телефону.

Горбачев спросил мое мнение о возможном расширении состава Политбюро. В частности, он наметил избрать членами Политбюро Н. И. Рыжкова и Е. К. Лигачева, перевести из кандидатов в члены Политбюро В. М. Чебрикова, кандидатом в члены Политбюро избрать С. Л. Соколова. Секретарем ЦК по сельскому хозяйству — В. П. Никонова. Выдвижения я поддержал.

Поговорили о необходимости общей активизации всей деятельности партии. Укрепление состава Политбюро должно этому помочь.

23 апреля. Памятный апрельский Пленум ЦК. Повестка: «О созыве очередного съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Докладчик М. С. Горбачев.

Доклад М. С. Горбачева на Пленуме ЦК 23 апреля 1985 г. известен.

Основные тезисы заключались в следующем. Подтверждение приверженности В. И. Ленину, упор на его идеи при определении стратегии и тактики. Верность социалистическим идеалам. Необходимость дальнейшего совершенствования общества развитого социализма. Преемственность социалистического курса, разработанного XXVI съездом КПСС. Отметил успехи во всех областях общественной жизни, особенно после 1983 года, а также имеющиеся существенные недостатки, неиспользованные резервы.

Говоря о концепции перестройки хозяйственного механизма (обращаю внимание — пока только хозяйственного механизма), подчеркнув необходимость дальнейшего развития централизованного начала в решении стратегических задач, Горбачев призвал смелее идти на расширение прав предприятий, а также местных органов власти, их заинтересованности в развитии производства.

В докладе были рассмотрены конкретные текущие задачи во всех сферах деятельности. Определены роль и место КПСС в решении задач ускорения социального и экономического развития страны. Докладчик подтвердил и основные направления внешнеполитической деятельности — идти ленинским курсом мира и сотрудничества. Резко критически охарактеризовал политику руководства США.

Вот вкратце суть доклада. Все здесь вроде нормально, если смотреть с позиций апреля 1985 года. Однако в выступлениях, да и в докладе, еще мало анализа, нет ясного видения перспективы. Присутствует какая-то «зашоренность».

Речь идет в основном о тех проблемах, которые видимы, лежат на поверхности. Может быть, это в начале и правильно, так как упор на решение этих задач и дал некоторый положительный эффект в 1985–1987 годах. Ну а дальше? Нужна была четкая концепция перестройки, практическая организация дела, идеологическое обеспечение и т. п. Вот тут и пошли шатания, уклоны, спешка, ошибки, просчеты, перекосы и покатились благие намерения под откос. Сами? Или их умело подтолкнули?

В этом и предстоит разобраться.

* * *

13 мая мне позвонил Горбачев. «Знаешь, начинаю разгребать завалы в аппарате. Общий отдел подмял в ЦК всех. К. М. Боголюбов вел себя недостойно. Фальсифицировал, что он участник Великой Отечественной войны. Получал незаслуженные регалии, выплаты за документы официального плана присваивал. Надо его освобождать от работы».

Затем повел разговор о работе оборонного отдела — «много претензий от руководителей крупных КБ, оборонных заводов. Был обстоятельный разговор с Г. В. Романовым. Ведь он как секретарь ЦК курирует оборонку. У него нет хороших контактов с оборонными министерствами. Есть к нему претензии и в личном плане — по поводу некорректного поведения в некоторых зарубежных поездках. Буду ставить вопрос о его замене».

Я сказал Горбачеву, что надо обсудить это на Политбюро.

«Конечно, обязательно обсудим», — ответил он.

14 мая. Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

Перед началом заседания, в «Ореховой», он информировал членов политбюро о недостатках в руководстве оборонными отраслями промышленности со стороны Отдела ЦК и ведающего этими вопросами секретаря ЦК Г. В. Романова. (Его на заседании не было.)

«Нет должной связи оборонного Отдела ЦК с ОКБ, предприятиями. Упускают контроль над разработкой новой техники. Военные иногда заказывают устаревшие виды вооружений. Г. В. Романов ведет дело пассивно. Идут жалобы со стороны ряда Главных конструкторов, министров ВПК. Знаете вы и о его недостатках в личном плане. Если не возражаете, то я побеседую с ним и внесу предложения». Согласны.

23 мая. На Политбюро, по предложению Горбачева, заведующим Организационным отделом ЦК утвердили Г. П. Разумовского.

Второй вопрос. О Г. В. Романове. (Сам он на Политбюро не был.) Горбачев коротко доложил. Сказал, что «состоялся большой разговор с Григорием Васильевичем. Он не вполне адекватно оценивает ситуацию, хотя и признает за собой определенные недостатки. В итоге, после некоторого раздумья, Романов написал заявление в Политбюро с просьбой об освобождении от работы».

Особого обсуждения не было, но некоторые товарищи в репликах поддержали предложение об отставке Г. В. Романова. Думаю, что все понимали — им двоим не ужиться в Политбюро. Это, собственно, был первый шаг Горбачева по «расчистке» состава Политбюро. И это была первая наша уступка молодому

Генсеку.

Затем заслушали доклад Н. А. Тихонова «Основные направления социально-экономического развития страны на 1986–1990 годы и до 2000 года». Тихонов считает, что по основным показателям 11-я пятилетка будет выполнена. План на 12-ю пятилетку: темпы роста национального дохода — 20–22 %, объема промышленной продукции— 21–24 %, сельского хозяйства — вдвое. Задача: в 2000 году выйти на уровень промышленного производства США. (Опять идеи: «догнать и перегнать»?!)

Обсуждение было активным и критичным. Что говорил Горбачев:

«Основа — решительное ускорение темпов социальноэкономического развития. Экономика — стержень работы партии и Политбюро. Проект плана можно взять за основу. Проработать, разослать по республикам и в сентябре — на Пленум. Сомнения вызывает обоснованность темпов социально-экономического развития. Нужен более вдумчивый подход к научно-техническому прогрессу. Не жалеть средств на это. Вряд ли оправдано, так много капвложений направлять на новое строительство. Нужен упор на обновление активной части основных фондов. Надо сбалансировать план с ресурсами. Чрезмерно велики запросы валюты на сельское хозяйство, надо вести дело рациональнее».

Я направил записку с замечаниями и выступил. Сказал: «Трудно сравнить достигнутый уровень развития нашего общества с другими странами. Мы не имеем сопоставимых показателей даже для Политбюро. Поэтому как оценить реальность прогнозов? Например, рост национального дохода 20–22 % не даст возможности создать необходимого фонда накопления (в проекте намечается повышение удельного веса этого фонда). В таком случае будет причинен ущерб фонду потребления. Надо прояснить ЭТУ проблему. Если есть возможность ускорения темпов социально-экономического развития, то надо использовать все до конца. Если нет, то не надо брать завышенные обязательства. Зачем обманывать себя и народ?»

* * *

14 июня. Несмотря на мои возражения, что это не функция Секретариата — слушать отчеты хозяйственных органов, по настоянию Е. К. Лигачева была рассмотрена работа Совета

Министров РСФСР по улучшению жилищно-коммунального обслуживания населения. Докладывал Н. И. Масленников. Попикировались мы с Егором Кузьмичом на этом совещании достаточно. Как «обслуживать» без средств и ресурсов, так как все зацентрализовано в союзных органах?»

Лигачев начал развивать активную деятельность. Он стал напористо «пробиваться» вперед, используя «повышение роли Секретариата». В чем затем перестарался. Это создало для него немало проблем и конфликтов, в том числе с Н. И. Рыжковым.

17 июня позвонил М. С. Горбачев. Беседа шла о текущих делах, обстановке в сельском хозяйстве. Потом Горбачев перевел разговор на государственные и политические дела. «Сколько предстоит работы! Надо собираться с духом. Наши планы — это вопрос жизни государства». И как итог беседы — вывод о том, что надо работать над укреплением кадров на разных уровнях.

По сути, он готовил базу для серьезной перетряски кадров. Что и было затем сделано.

С 24 по 27 июня Горбачев был на Украине. Выступил 26 июня в Днепропетровске, а 27 июня в Киеве. Говорил, что «для решения задач ускорения необходима перестройка в деятельности всех, каждого работника». И еще: «Не рынок, не стихийные силы, а план должен определять основные стороны развития народного хозяйства».

Такова была тогда его позиция, позднее он коренным образом изменил ее.

29 июня. Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

О предстоящем Пленуме ЦК и сессии Верховного Совета СССР.

Обсуждали вопрос о председателе Президиума Верховного Совета.

Горбачев: «С 1977 года у нас вновь восстановилась практика совмещения постов Генсека и председателя Президиума ВС. Этот опыт себя оправдал. Но сейчас, на этапе огромного разворота преобразований в стране, мне необходимо сосредоточить внимание на делах партии. В КПСС предстоит сделать немало, главная задача объединить все силы народа. Поэтому предлагаю рекомендовать Пленуму и сессии на пост председателя Верховного Совета СССР А. А. Громыко, а Генсека — членом президиума Верховного Совета».

(Я был согласен с Горбачевым. Но подумал, что это не экспромт, а такой вариант, наверное, был предложен Андрею Андреевичу в марте, когда решался вопрос — кто заменит К. У. Черненко? Именно Громыко предложил тогда Горбачева.)

Доводы Горбачева сочли правильными. Согласились и с

другими рекомендациями по составу Президиума ВС. Затем он предложил на пост министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Возражений не было.

Рассмотрели предложения о кадрах ЦК. Секретарем ЦК по вопросам оборонных отраслей промышленности рекомендовать Л. Н. Зайкова. Секретарем ленинградского обкома — Ю. Ф. Соловьева. Секретарем ЦК — Б. Н. Ельцина, одновременно оставив его в должности заведующего Отделом строительства ЦК, в которой он работал с апреля с.г. (У меня нет в дневнике и не сохранилось в памяти, когда принимали решение об утверждении Б. Н. Ельцина заведующим Отделом строительства ЦК. Возможно, это было в мое отсутствие.)

1 июля. Пленум ЦК. Рассмотрены вопросы сессии Верховного Совета. Одобрили предложения Политбюро (о А. А. Громыко, Э. А. Шеварднадзе, Л. Н. Зайкове, Б. Н. Ельцине и др.). На Пленуме никто не выступал. Вопросов не было. На состоявшейся затем сессии Верховного Совета, эти рекомендации были приняты.

* * *

5 июля. Политбюро. На этом заседании по предложению Горбачева заведующим идеологическим отделом ЦК утвердили А. Н. Яковлева. (До заседания Политбюро Горбачев ни словом не обмолвился, что намерен взять в аппарат ЦК КПСС А. Н. Яковлева. Во всяком случае, мне ничего не было известно.)

Я знал, что до работы послом в Канаде А. Н. Яковлев двадцать лет работал в ЦК. Был первым заместителем заведующего Отделом пропаганды. Но почему-то отдел долго работал без заведующего, а А. Н. Яковлева в этой должности не утверждали. Я с ним знаком не был. Отзывы о нем слышал. Говорили, что он хорошо владеет пером — пишет выступления, доклады для руководства ЦК. В общении ровен, но держится на расстоянии. Другие оценивали его как человека сложного — себе на уме. При утверждении на Политбюро вопросов к нему не было.

26 сентября состоялось важное заседание Политбюро..

Рассматривался проект новой Программы КПСС, изменения в Уставе партии и проект Основных направлений социального и экономического развития СССР на 1986–1990 годы и до 2000 года.

В обсуждении проекта Программы КПСС участвовали почти все члены ПБ и секретари ЦК. Было высказано очень много замечаний, возражений. Затем М. С. Горбачев подвел итоги:

«Проект Программы в основе годится, требуется доработка и уточнения с учетом обсуждения. В документе изложен ряд новых положений. Он, по-моему, точен с теоретических позиций. Следует кое-что дополнить. Например, четче сказать об организующей роли рабочего класса, об отношениях КПСС с социал-демократическим движением, о развитии самоуправления, так как действительно народ должен более активно участвовать в управлении государством. Необходимо доработать раздел о социальной сфере, о том, что ожидает советских людей в перспективе. Акценты на труд, политическую стабильность, равенство наций, права человека, коллективизм. Вот важные моменты.

О высказываниях, касающихся ядерной угрозы. Они звучат панически. Не следует нагнетать страхи.

О сфере услуг, производственной инфраструктуре — нужно дать теоретическое обоснование их эффективности как генератора развития экономики». Итог — одобрить, доработать и внести 15 октября на Пленум.

По проекту изменений в Устав КПСС особых замечаний не было. Много претензий было к проекту «Основных направлений». Что сказал Горбачев: «Задачи 12-й пятилетки — важная стратегическая линия на будущее. Причем требуется продвигаться по нескольким направлениям: расширенное воспроизводство, социальные задачи, оборонные мероприятия. Под их решение необходимо подвести реальную базу. Где искать резервы? Наш национальный доход самый капиталоемкий, материалоемкий, энергоемкий. Вот где источники средств, позволяющие выходить на более эффективный путь. В этом отношении пятилетка — переломная. Но уже сейчас за счет лучшей организации, наведения порядка, дисциплины, воспитания, технических решений можно сдвинуть дело. Повсеместно бытует привычка — дай, дай! Это звучит и сегодня.

Надо удержаться, не уступить нажиму, иначе разбалансируем экономику. О росте потребления. Думаю, пока это не следует форсировать, нет реальной возможности». Согласились.

В конце заседания Горбачев сказал, что Н. А. Тихонов обратился с заявлением об отставке. Дал ему слово. «Ухудшилось здоровье. Врачи настаивают. Прошу перевести на пенсию. Подчеркиваю, что обстановка в Политбюро рабочая, теплая. Ценю взаимное доверие, поддержку, но прошу — в отставку».

Горбачев: «Такое заявление делает честь Николаю Александровичу как коммунисту. Мы с ним обстоятельно обсуждали этот вопрос. Н. А. Тихонов со всей ответственностью относился к обязанностям председателя Совета Министров,

отстаивал позиции правительства». Сказали добрые слова о Н. А. Тихонове и другие товарищи. Решили — освободить его от обязанностей председателя Совета Министров. Рекомендовать избрать Н. А. Тихонова делегатом на XXVII съезд и в ЦК.

На пост председателя Совета Министров М. С. Горбачев предложил кандидатуру Н. И. Рыжкова. Все поддержали. Коротко, волнуясь, сказал несколько положенных при этом фраз Н. И. Рыжков.

Решили рекомендовать Президиуму Верховного Совета (до сессии) своим указом освободить Н. А. Тихонова и назначить Н. И. Рыжкова.

13 декабря позвонил М. С. Горбачев. Сначала он высказал мнение по некоторым вопросам плана развития народного хозяйства в 1986 году, поинтересовался, что ожидаем в РСФСР по итогам 1985 года. Я ответил.

Потом он перешел к основной теме. Стал говорить, что «идут в ЦК КПСС письма от москвичей, есть высказывания актива, в коллективах о В. В. Гришине. Общественное мнение восстает против него — барство, показуха, лозунги вместо дела. Добраться до него руководителям предприятий, секретарям райкомов невозможно. Назрел вопрос о его замене. Я беседовал с некоторыми членами Политбюро. Они такого же мнения. Как ты?» Я не стал возражать. «Ну, договорились».

23 декабря. Политбюро ЦК в кабинете у М. С. Горбачева. Были только члены Политбюро, Разумовский и Ельцин.

Горбачев информировал, что он имел с В. В. Гришиным трудную беседу. «Виктор Васильевич неадекватно воспринимает ситуацию вокруг него. Попросил подумать. Ну а потом принес заявление об отставке». Решили — освободить от обязанностей члена Политбюро. Внести вопрос на Пленум ЦК. Вопрос о его работе в МГК рассмотрит их Пленум. (Самого В. В. Гришина на Политбюро не было.)

Генсек предложил — рекомендовать первым секретарем Московского горкома партии Б. Н. Ельцина. Он не возражает. (Жест в сторону Ельцина.) — Тот подтвердил. Решили — согласиться.

Затем Горбачев рассказал о письмах А. Д. Сахарова по поводу Е. Т. Боннэр. «Пишет, что она серьезно болеет. Необходима консультация и лечение за рубежом. Просит разрешить поездку». Возражений нет.

* * *

Уже 2 января 1986 года состоялось первое заседание Политбюро.

О ходе обсуждения проекта новой Программы КПСС и поступивших предложениях. Разговор повел М. С. Горбачев:

«Интерес к документу огромный. Его поддерживает подавляющее большинство приславших свои замечания и предложения. В общем, материал богатый. Чувствуется и определенное недопонимание некоторых положений Программы.

Сейчас появилось много политической трескотни — о социальном прогрессе, дисциплине, ответственности. А на деле перестройка пока идет медленно на всех уровнях, а кое-где и вообще никак. Думаю, следует нам устроить разговор с первыми секретарями. Подтянуть практические дела».

Слова Горбачева о том, что «…на деле перестройка идет медленно, кое-где никак», — это, по сути, одно из первых общих упоминаний в его рассуждениях о происходящих в партии и стране процессах как о перестройке. До этого в 1985 г. он иногда говорил «о необходимости психологической перестройки кадров, умов хозяйственников», считая это одним из условий решения главной задачи — ускорения социальноэкономического развития общества. Позже, б февраля 1986 г. на Политбюро при обсуждении проекта доклада на XXVII съезде он выскажется о том, что «надо перестраиваться. Мы все чувствуем такую потребность по себе».

На XXVII съезде КПСС в докладе им был провозглашен главный стратегический курс партии — «на ускорение социально-экономического развития страны» и именно в этой связи говорилось о «необходимости глубокой перестройки хозяйственного механизма, который начинается с перестройки сознания, а это, прежде всего, относится к кадрам».

И лишь в апреле 1986 г. (то есть спустя год после апрельского 1985 г. Пленума ЦК), выступая в Тольятти, Горбачев обстоятельно и детально изложит идею «коренной перестройки всех сфер жизни общества». Речь шла о перестройке в мышлении, психологии, организации, стиле и методах работы. И еще: «перестройка должна охватить всех — каждое рабочее место, каждый коллектив, орган управления, партийные и государственные органы. Включая Правительство и Политбюро».

Думаю, что эта глобальная идея ему была подброшена. Кем? Скорее всего «свежим» идеологом, возвратившимся в Отдел в июле 1985 г., — А. Н. Яковлевым. Такой всеохватный лозунг Горбачеву понравился, пришелся по вкусу. Именно с этого времени слово «перестройка», обозначающее процесс обновления советского общества, и пошло гулять по стране и за ее пределами.

23 января. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

В связи с переходом Ельцина на работу в Московский горком КПСС вместо него заведующим Отделом строительства ЦК утвердили А. Г. Мельникова — первого секретаря Томского обкома партии — по предложению Лигачева.

Вдруг Горбачев поднял вопрос о замене В. В. Федорчука — министра внутренних дел СССР. Обоснование: работает пассивно, дает мало информации и вообще, надо, мол, укрепить руководство МВД.

Тогда я не понял истинную причину. В. Федорчука я не знал. Лишь значительно позже в разговоре со мной М. Горбачев возмущенно говорил о неблаговидной роли Федорчука в сборе компромата на него. Особенно он упирал на провокационные действия в этом деле Щелокова, но также и В. Федорчука.

* * *

6 февраля. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Рассмотрен проект политического доклада на XXVII съезде.

Члены Политбюро, секретари ЦК внесли ряд предложений, редакционных правок, уточнений. Горбачев сказал, что «коллективный поиск путей и способов решений огромных задач, стоящих перед партией и страной, можно считать завершившимся. Важно, что ввели раздел о многомерности и взаимозависимости современного мира, с этого начинается доклад. Суть переломного момента во внутренней и внешней ситуации, тенденции и наша линия определены верно. Здесь у нас единство. То, что надо перестраиваться, мы почувствовали на себе. За словом должно быть дело. Беда в том, что даже после апрельского пленума опять возникла новая плеяда болтунов, говорильня. Поддакивают, поддерживают, но ничего не делают. Чего-то выжидают. Чего? Надо, чтобы на съезде получился разговор, адекватный докладу, созвучный времени. А если будет разрыв? Тогда выходит, что «авангард оторвался от армии». Надо «вытянуть уровень» съезда. Здесь важны роль и выступления членов Политбюро». (Он явно призывал нас: поддержите меня, мне нужна поддержка съезда.) Доклад одобрили, с учетом обмена мнениями.

Думаю, что работа над материалом доклада окончательно сблизила Горбачева с Яковлевым. Дело в том, что именно Яковлев, по сути, возглавил группу и сам весьма активно работал над текстом доклада. Он, безусловно, не только уловил и нестандартно изложил замыслы Генсека, но и внес в доклад свои

идеи, пока в общем, завуалированном виде. Надо сказать, что доклад произвел впечатление на делегатов съезда. Этим Яковлев оказал немалую услугу Горбачеву.

Еще в январе начали появляться материалы в печати, в том числе в «Советской России», «Московской правде», «Литературной газете», с критическим разносом ряда партийных, советских организаций, отдельных лиц и ситуаций. В них были не столько критический анализ, объективный разбор проблем, предложения, как исправить положение, сколько хлесткие, иронические сентенции. А зачастую и сарказм, издевка, стремление «размазать» виновников. Об этом шла речь на Политбюро, Секретариате, в беседах с М. В. Зимяниным.

В ответ на резкую реакцию ЦК журналисты стали защищать «честь мундира». Их выпады стали еще более грубыми, что исподволь кое-кем и поощрялось. Так «демократизировалась» пресса.

18 февраля Пленум ЦК. О проекте политического доклада ЦК съезду.

Докладчик М. С. Горбачев. Основные тезисы:

«Последние годы в стране стали нарастать трудности в экономике, в социальной сфере. Проблемы обострялись быстрее, чем их решали. Причина тому — инертность, застылость, бюрократизм. В руководстве партии и страны жила психология — улучшать, ничего не делая. Новая ситуация требует новых решений. Выработанная апрельским Пленумом ЦК стратегия ускорения не сводится лишь к экономическим задачам, она требует социальных перемен, преодоления застоя и консерватизма.

Задача состоит ныне в том, чтобы преодолеть неблагоприятные тенденции в экономике. В первую очередь это относится к топливно-энергетическому комплексу, легкой промышленности, инвестиционной политике. Уже в 13-й пятилетке люди должны почувствовать улучшение в снабжении продуктами. Для этого разработана программа радикальной перестройки в АПК. Надо также поддержать принцип самоснабжения (?!). Республика, область обязаны сами заботиться о себе».

Далее Горбачев изложил предложения о перестройке хозяйственного механизма: «За Центром оставить решение основных целевых задач. Самостоятельность предприятий значительно расширить. Поставить их в прямую зависимость от эффективности работы. Определить рамки прав и обязанностей на всех уровнях.

В центр работы поставить социальную политику,

охватывающую все стороны жизни людей. Нужно поднять права на инициативу и ответственность Советов за положение дел на подведомственной территории. О партийно-организационной работе. Уйти от парадности, восхваления, замалчивания недостатков».

Обсуждения доклада не было. Постановили: утвердить политический доклад, проект новой редакции Программы КПСС, проект Устава КПСС. Вынести их на рассмотрение XXVII съезда КПСС.

Также без обсуждения одобрили доклад Рыжкова «О проекте основных направлений экономического и социального развития страны на 1986–1990 годы и до 2000 года».

Пленум принял решение освободить В. В. Гришина от обязанностей члена Политбюро. Избрать Б. Н. Ельцина кандидатом в члены Политбюро, освободив от должности секретаря ЦК. Освободить К. В. Русакова от обязанностей секретаря ЦК по состоянию здоровья. Вынести ему благодарность за активную работу.

* * *

25 февраля 1986 г. Начал свою работу XXVII съезд КПСС.

Политический доклад ЦК КПСС сделал М. С. Горбачев.

Содержание доклада известно, он был опубликован в печати. В этих записках, где речь идет о Пленуме ЦК, состоявшемся 18 февраля, изложены тезисы доклада, касающиеся внутренней политики.

Считаю нужным привести высказанные в докладе, некоторые оценки современного международного положения:

«Метрополия империализма — это США. Оттуда идет поток одурманивающей информации. Капитализм — уродливое чудовище XX века… США пытаются, и небезуспешно, подчинить союзников своему диктату. Характерной особенностью времени является экономический монополизм. Он развивается за счет эксплуатации природных ресурсов и дешевой рабочей силы развивающихся стран. Вот где лежит ответ на утверждения, что «рука Москвы» виновата в социальных и политических взрывах в этих странах… Международная политика СССР носит открытый, честный, ленинский характер. Тому свидетельство — последние мирные, конструктивные инициативы Советского Союза. Вашингтонская администрация остается глухой к призывам разума».

(Такова была позиция КПСС, высказанная Генсеком в феврале

1986 г.)

На съезде с докладом «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и до 2000 года» выступил Н. И. Рыжков.

Съезд завершил работу 6 марта.

На организационном Пленуме ЦК Генеральным секретарем ЦК КПСС избрали М. С. Горбачева. Были переизбраны все члены Политбюро ЦК и кандидаты в члены Политбюро ЦК. Секретарями ЦК дополнительно избраны: А. П. Бирюкова, В. А. Медведев, А. Ф. Добрынин, Г. П. Разумовский, А. Н. Яковлев.

Не очень было понятно, чем вызвана необходимость иметь двух секретарей по идеологическим вопросам: Зимянина и Яковлева. Это станет ясно несколько позже. Горбачев не осмелился на Пленуме освобождать от работы талантливого профессионала и уважаемого в партии человека — Зимянина. И Генсек подставил к нему своего протеже — Яковлева, который все более «обласкивал» М. С. Горбачева своими демократическими идеями. Пройдет несколько месяцев, и Зимянина отправят в отставку.

Председателем КПК избрали М. С. Соломенцева.

Что можно сказать сегодня? Идеи того съезда в последующие годы постепенно (по основным, стратегическим направлениям) исправлялись, переиначивались, искажались как в экономике, так и в политике. Как во внутренних, так и во внешних, международных вопросах. По существу, если говорить прямо, то решения XXVII съезда были, в конечном счете, отброшены и на вооружение взята прозападная буржуазно-демократическая идеология общественного развития.

Внешние и внутренние вдохновители и организаторы такой «перестройки», воздействуя на общественное мнение, на партию и ее лидера Горбачева (чему он, собственно, не очень сопротивлялся), сумели переломить исторически оправданный путь социалистического развития страны.

* * *

Вечером 10 марта в ЦК у М. С. Горбачева.

Обмен мнениями об итогах съезда. Горбачев на подъеме, доволен: «Такой съезд был нужен партии. Политбюро взяло на себя историческую ответственность. Важно, что перестройка — это инициатива партии, а не стихия. Необходимо наращивать усилия. Речь идет не о кампании. Это долговременная программа. Ускорение должно охватить политические и экономические

процессы. Атмосфера съезда выплеснулась в народ, на улицу. Именно о таких результатах, как помнишь, шел разговор на Политбюро. Мы должны отойти от привычных стандартов. Сейчас основная цель реализовать решения XXVII съезда. Народ поверил нам. Это очень ответственно, мы не можем обмануть его ожидания».

Я информировал его о том, что ожидаем в первом квартале: «В сельском хозяйстве, в колхозах и совхозах дела, хотя и медленно, но улучшаются. Заметные подвижки в промышленности, социальной сфере. Пока с трудом перестраивается управление агропромышленным комплексом. (Упрекнул меня: «сам не перестроился».) Да, это верно. Я не согласен с такой радикальной ломкой. И хотя смирился, осадок в душе есть».

27 марта. На заседании Политбюро очередная новация.

Обсудили предложение Госснаба (Л. А. Воронина) о переводе предприятий и КБ ряда министерств на условия снабжения через оптовую торговлю. Повод — есть сверхнормативные запасы некоторых видов продукции. Поэтому можно отказаться от практики распределения материальных ресурсов, освободить от этого Госснаб. Долго готовились. Открыли в Москве и на местах специализированные магазины оптовой торговли. Но оказалось, что при постоянном дефиците материалов, комплектующих, при строго централизованной государственной системе планирования и т. п. это «рыночное звено» внедрить невозможно. Идея Воронина вскоре провалилась.

3 апреля. Политбюро ЦК.

В «Ореховой» Горбачев информировал об обстановке вокруг Светланы Алилуевой (дочери Сталина). Напомнил, что «в свое время она обратилась с просьбой разрешить ей вернуться в Союз. Такое разрешение было дано. Она приехала в Москву с дочерью. Предоставили квартиру, установили пенсию, предложили работу. Она что-то пыталась предпринять. Восстановились некоторые старые знакомства. Но вскоре затосковала, стала возмущаться то одним, то другим. Недовольна обликом Москвы. Говорит, что представляла ее не такой. «Такая Москва» ей не нравится и т. д.

Написала письмо, просила дать возможность переехать в Грузию. Это, мол, родина моих родителей. Я хочу приобщить к грузинской земле, ее людям и свою дочь. Мы, продолжал Горбачев, договорились с грузинскими товарищами, и С. Алилуева переехала с дочерью туда. (Не помню только, в Тбилиси или Сухуми.) Шеварднадзе занимается этим делом, позаботился о том, чтобы ее там окружили вниманием, опекой со стороны творческой интеллигенции. (Присутствовавший в

«Ореховой комнате» Шеварднадзе подтвердил это. Сказал, что на первых порах она была довольна, как говорится, ожила. Дочь определили в школу, у нее там появились хорошие товарищи. Девочка она общительная, приветливая.) И вдруг С. Алилуева вновь занервничала, стала вести себя бестактно по отношению к окружающим. Устраивала сцены дочери. Проявилось какое-то ревнивое отношение к ней — из-за того, что та адаптировалась в Грузии, а она сама нет. И вот пишет уже не первое письмо. Говорит, что поторопилась, ошиблась, что не может оставаться в Союзе и просит разрешить выезд в Англию».

Посоветовались и решили не чинить никаких препятствий. Если С. Алилуева хочет — может ехать. (Вскоре она покинула Союз).

* * *

По повестке дня.

«Записка Талызина и Мураховского по вопросам мелиорации».

Я хотел напомнить, что проблема мелиорации среднеазиатских республик и регионов Юга России обсуждалась в директивных органах СССР уже много раз. В 1985 году Политбюро не возвращалось к этому вопросу. Однако Минводхоз СССР уже начал вести подготовительные работы по строительству каналов, и в СМИ вновь появились резкие публикации против переброски части стока северных и сибирских рек.

7 января я принял академика А. Л. Яншина, известного советского геолога и эколога. Он стал обоснованно доказывать порочность этой идеи. Я сказал Александру Леонидовичу, что солидарен с ним. И мы докажем, что мелиорацию земель юга России можно вести, не трогая северные реки. Сибирский вариант, считаем, — вообще неприемлем.

При обсуждении 17 февраля на Политбюро проекта «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1985–1990 годы» также встал вопрос об этих реках. Решили в «Основных направлениях» не акцентировать внимание на этой проблеме. Рассмотреть проект после подготовки необходимых экономических расчетов.

И вот Политбюро обсуждает записку Госплана и АПК СССР.

Талызин и Мураховский выдвинули как главную задачу — орошение земель Волгоградской, Ростовской областей. Их предложения.

Канал Волга-Чограй берет начало из реки Волги у села

Соленое Займище и через Калмыкию подает 2,0 куб. км воды в Чограйское водохранилище на реке Кума. Канал Волга-Дон берет начало у г. Волжска из Волгоградского водохранилища и подает 5,0–5,5 куб. км воды в Дон в районе волгодонского водораздела. Там уже ведутся работы.

Авторы записки считают, что для этих целей необходима подпитка Волги за счет северных рек. Возник серьезный спор. Я категорически возразил. «По нашим расчетам, отбор воды из Волги (суммарно) составит не боле 5,5–6,0 куб. км, что можно обеспечить, не трогая северные реки. Иначе, в этой зоне возникнут серьезные экологические последствия. Надо учесть к тому же, что с начала 80-х годов идет ежегодный рост баланса стока Волги. То есть начался многолетний цикл подъема, что уже грозит земельным угодьям и населенным пунктам побережья Каспийского моря. Считаю, что пока следует ограничиться строительством канала Волга — Чограй, используя для этого имеющиеся ресурсы Волги. Отбор 2,0 куб. км воды при годовом балансе 250–260 куб. км не требует никакой подпитки из рек Онеги и Сухоны. Что касается сибирских рек — Оби и Иртыша, то от этой идеи надо отказаться».

Горбачев: «Согласиться с доводами Виталия Ивановича. Сибирские реки, повторяем еще раз, — вообще не трогать».

Минводхоз продолжал доказывать правомерность своих намерений.

В июне вопрос о продолжении проектирования перераспределения стока сибирских рек и ведении подготовительных работ по северным рекам обсуждался на заседании президиума Совмина СССР.

Споры здесь носили еще более яростный характер. Мнения разные, но большинство, в том числе и я, — против. Дискуссию завершил Рыжков: «Экономически проекты не проработаны. Расчет затрат занижен. Речь только о канале и воде, а использование воды — на что? Какой эффект? Неизвестно. Вывод. Тему сибирских рек прикрыть. Каналы из Волги прорабатывать, но без варианта переброски северных рек».

Это решение в августе 1986 года одобрило и Политбюро ЦК.

(Я подробно остановился на этой проблеме еще и потому, что в 2002 году вопрос о сооружении канала в Сибири вновь поднял Ю. М. Лужков.)

* * *

28 апреля. Утром сообщили, что в 10.30 внеочередное

заседание Политбюро ЦК. Повестка дня: авария на Чернобыльской АЭС.

(Накануне, 27-го, я узнал, что на АЭС в Украине произошла авария, но достоверной информации у меня не было.)

Горбачев: «На Чернобыльской АЭС ночью в субботу произошла тяжелая авария. Выведен из строя 4-й энергоблок. Об этом стало известно в ЦК и Совете Министров в 5 часов утра 26 апреля. Правительственная комиссия под председательством Б. Е. Щербины находится на месте аварии. Информация противоречивая».

Предоставил слово В. И. Долгих: «Мне ночью 26 апреля позвонил Фролышев — зам. заведующего Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС и сообщил, что по докладу директора АЭС Брюханова примерно около 2 часов ночи на 4-м блоке при проведении каких-то опытных работ произошла авария. Был взрыв, пожар. Разрушены конструкции 4-го блока. Есть жертвы. Пожар потушен. Но якобы реактор не пострадал, его заглушили.

Я, продолжал Долгих, сразу поставил в известность М. С. Горбачева, Н. И. Рыжкова. Решили образовать комиссию во главе с Щербиной, зам. председателя Совмина. Первая группа специалистов вылетела в Чернобыль (через Киев) в 9 утра, вторая группа — члены комиссии — вылетела в 16.00, а Щербина, находившийся в это время в Сибири, добрался до Чернобыля лишь поздно вечером. Там находятся Майорец, академик Легасов, представители Минсредмаша, проектных институтов.

Ночью на 27-е в Москве стало известно, что авария значительно тяжелее, чем информировали сначала. Поврежден реактор. Резко возрастает уровень радиоактивности. 27-го принято решение об эвакуации населения из поселка АЭС г. Припяти. Подключены отряды ГО и МВД. Приняли меры для завала реактора — идет его засыпка песком, свинцом». Вот таково примерно было сообщение Долгих.

Возникли вопросы. В чем причина? Никакой ясности. Говорят, проводились какие-то эксперименты перед остановкой блока на ремонт. По просьбе комиссии, решили — подключить Минсредмаш, ядерщиков из Челябинской области, от А. П. Александрова, Минобороны и всех, кого нужно. Дать предложения о первоочередных мерах для ликвидации последствий аварии. Позаботиться о людях. Поддерживать постоянную связь с Щербиной. Завтра информировать Политбюро. Дать сообщение в печати от Совета Министров Союза. На этом обсуждение закончили.

29 апреля, снова в 10.30 Политбюро ЦК.

Более обстоятельная информация Долгих: «Обстановка на

АЭС катастрофическая. Реактор фактически разрушен. Идет активный выброс графита. Температура ядерного топлива в реакторе растет. Уровень радиации необыкновенно высокий. Получили большую дозу облучения и госпитализированы свыше ста человек. Они отправлены в Москву, помещены в больнице Третьего управления Минздрава СССР. Радиоактивность распространяется. Первая (очень предварительная) схема после замеров: языки радиоактивных выбросов обнаружены в северо-западном, северном и южном направлениях. На расстоянии 4 км. от Чернобыльской АЭС.

Предложения, принятые на месте комиссией совместно с учеными и специалистами:

1. Продолжать заброс реактора: песок, бор, свинец.

2. Детальное обследование и дезактивация территории. Санитарная обработка и эвакуация людей.

3. Контроль воздушной среды. Направление потока воздуха меняется. Разнос неравномерный. Необходимо расширить поиск и проверку уровня радиоактивного заражения.

4. Образовать постоянную группу связи с Чернобылем.

5. Ограничение зоны до 10 км по радиусу. Контроль въезда.

6. Комиссию Щербины необходимо на днях менять, так как набрали большую дозу радиации. Использовать вахтовый метод работы комиссии.

Затем заслушали информации: Госгидромет — Израэля, ГО СССР — Алтунина, Минздрав — Буренкова, МПС — Гинько, Генштаб ВС — Ахромеева, АН СССР — Александрова, МВД — Власова.

Суть объяснений А. П. Александрова. Авария небывалая, аналогов нет. АЭС типа РБМК. Помимо внешней радиоактивности, самое главное — не допустить контакта ядерной массы с водой. Расплав идет вниз (там под реактором, под мощной бетонной плитой, расположен бассейн с водой). Тогда — гремучий газ и катастрофа. Требуется срочное решение».

При обсуждении предъявлены серьезные претензии к ГО, Минздраву. Дезактивация организована плохо, примитивно. Нет оборудования и материалов. К зоне сильного загрязнения радионуклидами нельзя подойти. Нет защиты людей и техники от радиации. Недостаточно четко организована проверка состояния и медобработка людей.

Горбачев: «Предложения комиссии поддержать. Образовать в Москве оперативную группу Политбюро для осуществления координированных работ всех ведомств и регулярного рассмотрения предложений и просьб комиссии. Оперативная группа: Н. И. Рыжков, Е. К. Лигачев, В. М. Чебриков, СЛ. Соколов,

В. И. Долгих, А. В. Власов. Да, давайте еще включим в ее состав В. И. Воротникова, добавил Горбачев, наверняка будет нужна помощь от РСФСР. Для обеспечения информации подключить А. Н. Яковлева. (Собственно, он и отрабатывал тексты официальной информации об аварии для печати.)

Ю. А. Израэлю — ускорить обследование территории и воздуха. Дать карту загрязненности. С. П. Буренкову — сделать все для обследования людей в зоне и лечения. Дать объективную информацию в печать и за рубеж, в том числе МАГАТЭ — направить 30 апреля».

* * *

Вечером 29 апреля первое заседание группы Политбюро по Чернобылю. Участвовали: Ахромеев, Алтунин, Израэль, Александров, Буренков и др. И пошла работа — тяжелейшие проблемы. На этом заседании Ю. А. Израэль сообщил, что стало меняться направление ветра. Пошли северо-восточные и восточные потоки. В Смоленской области в воздухе отмечается повышенная радиация. Но ее уровень пока не опасен. Израэлю поручено расширить зону наблюдений.

30 апреля, утром на Президиуме Совмина РСФСР образовали республиканскую оперативную группу во главе с В. К. Гусевым. Затем я связался по ВЧ со Смоленском (Клименко), Брянском (Войстроченко), Калугой (Улановым), Калинином (Татарчуком), Псковом (Пушкаревым) и др. Рассказал о сообщении Израэля и просил проинформировать, какова обстановка в областях. В Пскове и Калинине все нормально. В Смоленской и Калужской областях отмечено небольшое повышение уровня радиации в воздухе. Прибывают люди из зоны ЧАЭС. Идет их обследование и обработка. В Брянской области выявлено несколько пятен на поверхности почвы. Очаги локализованы. Я сказал, что при Совмине образована оперативная группа, надо регулярно ее информировать об обстановке. Создать и в областях свои комиссии. Обеспечить контроль обстановки и принятие необходимых мер.

О результатах разговора с руководителями областей доложил Рыжкову, сказал, что обнаружено некоторое повышение радиации в отдельных точках Брянской, Калужской и Смоленской областей. Необходимо меры по обследованию принимать совместно с Госкомгидрометом.

Заседания оперативной группы Политбюро шли на первых порах практически ежедневно. Порядок работы был такой.

Информация из Чернобыля об обстановке (была установлена прямая связь с правительственной комиссией, которую поочередно возглавляли Щербина, Силаев, Воронин, Маслюков и другие заместители председателя Совета Министров СССР). Они докладывали о мерах, принимаемых на месте. Высказывали свои предложения о дальнейшей работе и необходимой помощи от центральных министерств и ведомств. Здесь же — согласование программы работ с учеными и специалистами институтов Академии наук, Минсредмашем, другими организациями.

Сразу же давались указания, принимались решения, определялись сроки и исполнители. (Вел заседание Н. И. Рыжков.)

Какие были основные вопросы?

1. Госпитализация и лечение пострадавших, обследование, дезактивация и эвакуация населения из зоны радиоактивного заражения (сначала в радиусе 10 км, а затем 30 км вокруг АЭС). Обеспечение необходимыми медикаментами, оборудованием, средствами защиты и т. п. Развертывание медицинских отрядов в районах радиоактивности.

2. Глушение очага радиоактивных выбросов — кратера разрушенного ядерного реактора 4-го блока АЭС — путем заброса песком, свинцом, бором (по состоянию на 2 мая было сброшено такого груза более 5 тысяч тонн).

3. Принятие мер по снижению температуры расплава ядерного топлива в реакторе (она там была около 2500 градусов Цельсия и затем снизилась до 300 градусов) с целью предотвращения проникновения его вниз и соединения с резервуаром с водой. Откачка воды и сооружение шахтным методом мощной бетонной охлаждаемой плиты под реактором.

4. Не допустить радиоактивного заражения Припяти и подпочвенных вод. Обваловка берега и сооружение защитной многокилометровой шпунтовой стенки.

5. Дезактивация территории АЭС и всех районов радиоактивного загрязнения в УССР, БССР, а затем и в РСФСР, где загрязнение было выявлено позднее.

6. Организация охраны зоны, пропускного режима, железнодорожного объезда. Обеспечение вахтового метода работы большого числа привлеченных рабочих и специалистов.

7. Размещение, бытовое обустройство и трудоустройство населения, эвакуированного из загрязненной зоны.

8. Меры контроля качества продуктов, обеспечение чистыми продуктами. Порядок ведения сельскохозяйственных работ в зонах невысокого радиоактивного загрязнения и много других проблем.

Уже 7 мая стал вопрос о том, как обеспечить консервацию 4-го блока по завершении работ. О конструкции и методах сооружения саркофага для длительной, на десятки лет, защиты заглушенного реактора.

Вот такая небывалая беда обрушилась на нашу страну.

Предварительно причина аварии была определена как грубое нарушение правил эксплуатации АЭС руководством и персоналом станции. Позже выявились просчеты и недостатки в конструкции реактора, в средствах безопасности, допущенные проектировщиками. Безответственность в вопросах взаимодействия при эксплуатации атомных электростанций между Минэнерго и Минсредмашем.

Особое возмущение вызывало то, что, по существу, не была разработана ни государственная, ни отраслевая программы действий в ситуации, которая возникла вследствие катастрофы на АЭС.

Все инженерные решения, организационные меры принимались спонтанно, в невероятно сложных условиях. Счет шел на часы и минуты. Выявилась несостоятельность и отсутствие необходимых возможностей борьбы с последствиями катастрофы со стороны органов гражданской обороны, Министерства обороны, на первых порах Минздрава, Госкомгидромета, органов власти на местах.

* * *

8 мая. Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

Решили рассмотреть опыт оборонных отраслей по обеспечению качества изделий. Информация Ю. Д. Маслюкова.

Он рассказал, что на предприятии забота о качестве начинается с входного контроля материалов и комплектующих изделий. Наряду с требованиями к исполнителям, их ответственности, работает система стимулов за высокое качество. Оценка качества идет по всей цепочке от проекта до готовой продукции, по всему технологическому циклу. ОТК и приемка заказчика вооружены объективными средствами контроля и т. п.

И вот после такого краткого, но всеобъемлющего по своей сути объяснения всего комплекса мер, гарантирующих высокое качество оборонной продукции, при обсуждении на Политбюро был выхвачен один момент. Важный, но далеко не единственный. Поднять роль Госстандарта в обеспечении качества. Стал вопрос, что для этого нужно. Ответ — ввести государственную приемку на предприятиях и санкции за низкое качество.

Я выступил против госприемки: «Это будет подмена и ОТК, и исполнителя. Качество создается в производстве. Контроль только констатирует результат. Разве в этом дело? Причем и Госстандарт к этому не готов, ведь наши стандарты (ГОСТы) отсталые. Надо их поднять на современный уровень. Затем отработать проекты, технологии, документацию, определить, как обеспечить соблюдение технологической дисциплины, иметь средства объективного контроля».

Но на Политбюро пошла речь в ином плане. Госприемка — вот выход! Поручили — подготовить предложения.

Далее. Об инициативе Ленинграда о дальнейшей интенсификации промышленного производства и переходе на двухсменную работу. Горбачев ухватился за эту идею. Суть — за счет максимального использования станочного оборудования ускорить, так сказать, его оборот, быстрее и даже принудительно заменять устаревшее, обновлять его новым, более высокопроизводительным. Выгода: сокращаются средства на ремонт оборудования, высвобождаются дополнительные производственные площади и, следовательно, не надо строить новые производственные корпуса. Вот такая была нарисована заманчивая картина.

Правда, переход на двухсменную работу требовал решения и социальных вопросов: изменения режима работы больниц, детских учреждений, городского транспорта, организации питания и т. п. Стали ссылаться на опыт НРБ, ГДР и других социалистических стран. (Вообще — напали на «золотую жилу». Такие строили планы!) Решили: одобрить инициативу ленинградцев и развернуть самую активную работу по распространению этого опыта. Так родились еще две новые инициативы в пакете «частичных» экономических мер: госприемка и ускорение обновления активной части основных средств. Обе они вскоре заглохли.

13 мая. Большой Кремлевский дворец. Съезд кинематографистов.

Открыл съезд один из ветеранов кино, известный кинорежиссер из Ленинграда Е. И. Хейфец. Начало довольно спокойное. Пошли выступления — Баталов, Шенгелия и др. Остро, критично, но без перехлестов. (Я был на съезде до 14 часов.)

Вечером и на следующий день на съезде разгорелись страсти. Был поставлен вопрос об изменении организационных форм кинематографа, о материальной и творческой самостоятельности киностудий. Ряд представителей так называемой демократической интеллигенции резко выступили против

идеологии и практики социализма в Советском Союзе, против руководящей роли КПСС. Это было начало конфронтации деятелей культуры.

Съезд шел три дня. Руководителем союза кинематографистов вместо Л. Кулиджанова избрали Э. Климова. Полностью обновился и весь состав правления. Так «молодые, талантливые, горячие» одержали победу. Горькой оказалась впоследствии эта победа и для них, и для нашей кинематографии. Однако съезд дал толчок, спровоцировал аналогичный подход, оценку положения и выводы на состоявшихся позже съездах некоторых других творческих союзов. Эта «демократическая волна» расколола творческие организации. Мнимая свобода обернулась буквально бедствием для подавляющего большинства актеров, режиссеров, писателей, художников и других деятелей культуры.

* * *

22 мая на Политбюро Горбачев поднял вопрос о положении в Афганистане. (До этого там произошла смена лидера НДПА.) Не без усилий советского руководства был «отозван» в Москву Б. Кармаль. Его авторитет в Кабуле резко упал. Генсеком НДПА в начале мая избрали М. Наджиба. Характеризовали его положительно. Горбачев заявил: «Надо серьезно подумать, как выходить из афганской ситуации. Вопрос стоит очень остро для нас во внутреннем плане — население Союза обеспокоено этой войной, несем потери, накладно в экономическом отношении. Также и во внешнем плане — нас представляют агрессорами. Дело это непростое. Как достойно выйти из этой ситуации?» Насколько я помню, именно тогда и был поднят вопрос о возможном выводе войск. Горбачева поддержали все товарищи из Политбюро.

20 июня. Очередное заседание Политбюро ЦК.

О мерах по повышению роли и усилению ответственности Советов за ускорение социально-экономического развития страны. Идея Горбачева.

«Что обеспечит перестройку? Правильная научно обоснованная внутренняя политика, включение в работу всего народа. Как? Через хозяйственный механизм — в экономику. Теперь же через Советы необходимо включить народные массы в политический процесс. Это определенного рода призыв к политической активности масс. Ранее робкие попытки были, но толку мало, так как они были половинчаты, непоследовательны. Почему? «А не подорвем ли авторитет партии, дав Советам все

права?» Вот в чем была суть. Все строилось на партийном давлении, партийной ответственности. В Советах права были урезаны. Сейчас — попытка раскрыть потенциал Советов, дать им возможность управлять на подведомственной территории.

Решение должно соответствовать концепции XXVII съезда. В этом смысле представленный проект надо дорабатывать. Так, планирование и использование ресурсов в подведомственных хозяйствах отдать Советам полностью.

Возникает вопрос. Готов ли аппарат Советов к дополнительным правам? Надо заинтересовать и материально. Нужны, конечно, и новые юридические, правовые нормы для истинной демократизации. Гарантии? В партийном руководстве — это надо даже усилить в проекте».

Вот так начала продвигаться идея демократизации Советов, передачи им властных функций. Принятое, после доработки, постановление было полумерой и не решало целевой задачи. Эта идея была реализована через формирование новых государственных структур, через политическую реформу. Уже с конца 1987-го, в 1988 и 1989 годах. Политические реорганизации отвлекли внимание от экономических реформ. Без подготовленной правовой и экономической базы, без учета традиций, особенностей страны такой радикальный поворот от экономики к государственно-политическому реформированию — одна из основных причин разрыва горизонтальных и вертикальных связей, как государственных, так и хозяйственных структур в стране. Именно это породило политическую нестабильность, экономика стала заложницей политики. Такая мера подтолкнула союзные республики к декларациям, а потом и действиям за самостоятельность, независимость, суверенитет. Здесь корень и межнациональных конфликтов…

На этом же заседании было рассмотрено предложение о привлечении оборонных предприятий к изготовлению современного оборудования для технического перевооружения легкой и пищевой промышленности. Так исподволь начался неподготовленный процесс конверсии.

* * *

11.00. Политбюро в Кремле.

Разбор деятельности редакции журнала «Коммунист».

Позже стало ясно, что «новые» идеологи в ЦК решили прибрать журнал к рукам с помощью Горбачева. За что он критиковал редакцию? «Слаба основа теоретического анализа

современных процессов. Философские вопросы сегодняшнего дня, исторические аспекты развития партии, экономический механизм — все это не находит отражения в журнале. Ученые не дают на них ответа. Идеологическому отделу ЦК и Секретариату детальнее вникнуть в работу редакции».

25 сентября. Политбюро ЦК.

«Об актуальных вопросах перестройки».

Горбачев: «Политика ЦК народом поддержана. Она обесценивается на уровне штабов, как хозяйственных, так и партийных, советских. (Вот когда, собственно, прозвучал его тезис «бить по штабам».) Политический вывод — не останавливаться на полпути. Люди ставят вопросы остро, но без демагогии. Хотят разобраться во всем. Поэтому перестройка должна быть в центре нашей работы. Она должна охватить все сферы.

Противники перестройки объединились в крике, чтобы дискредитировать, опорочить наши меры, посеять неудовлетворенность в народе. Конечно, дело не в политической оппозиции, ее у нас нет, а дело в консерватизме, косности мышления. Политбюро надо рассмотреть вопрос о ходе экономического эксперимента в промышленности. Собрать всех в Свердловском зале и разобраться.

Теперь об активизации деятельности трудовых коллективов. Институт философии (по информации А. Н. Яковлева) провел опрос. В успех реформы верят — 44 % ИТР и 38 % рабочих, а 15 % вообще не знают о сути эксперимента. Надо ускорить разработку закона о предприятии. Нужен закон, направленный на перспективу, а не на сегодняшнее состояние.

О партии. Все зависит от партии. Надо сокращать заседания, бумагу, справки, бригады проверок и «помощи». Больше решать проблемы на местах. Основа — вопрос о кадрах. Если человек не верит, не может, не чувствует нужду и потребности людей — освобождать. Парторганизации не всегда объективны в оценках недостатков, не самокритичны. Все это требует глубокого анализа. Упор — на местные органы!

Вывод. Идти вперед, анализировать, активно решать проблемы».

Настоящий разнос устроил Генеральный секретарь. Эмоционально, с нажимом, угрозами. Не всегда объективно, но… самоуверенно. Такой метод накачек — стал далее системой…

За повесткой. Горбачев: «О радиопередачах Би-би-си, «Голоса Америки» и других. Надо прекращать глушение. Это прямо относится к «третьей корзине Хельсинки». Возражений нет.

31 октября. Политбюро ЦК.

О результатах расследования аварии теплохода «Адмирал Нахимов» и мерах по обеспечению безопасности морского судоходства. Это была совершенно нелепая ситуация, приведшая к тяжелейшей трагедии. Погибли сотни людей. Виновных — под суд.

О реакции на пресс-конференцию Г. Коля. (Статья в американской газете «Ньюсуик». Оскорбительный выпад в адрес М. С. Горбачева — сравнение с высказываниями Геббельса.) «Дать ответные публикации и направить ноту».

* * *

20 ноября. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Об итогах совещания в ЦК по госприемке. Информация Вольского. Он рассказал о трудностях, сдерживающих организацию госприемки: не дают кадры в эту систему, медленно идет подготовительная работа. Предложил сократить ОТК и усилить аппарат госприемки. Подал реплику Рыжков: «ОТК надо сохранить, не отрывать от завода. Использовать опыт военных представительств на оборонных заводах».

Началось обсуждение. Выступил и я. «Качество обеспечивают: проект, техническая документация, технологическая дисциплина, организация труда, ответственность и заинтересованность исполнителя. Нельзя обеспечить качество, контролируя конечную продукцию. Неужели это не понятно тем, кто знает производство. Госприемка — это надуманный, бюрократический аппарат. Он ничего не даст». Меня поддержал Маслюков, отчасти и Зайков. Другие за госприемку.

Горбачев: «Надо предвидеть политические и социальные последствия принимаемых нами решений. Неприятие на местах госприемки — следствие неподготовленности. Нужно готовить людей, общественное мнение для реализации наших решений. Они должны видеть, понимать их полезность. Надо сейчас активнее вести подготовку производства, документации, оснастки, инструмента, кадров, с тем чтобы начинать уже сейчас, а с января официально ввести госприемку. Надо готовить и новые ГОСТы — это верно».

За повесткой. Горбачев информировал о негативных настроениях в Казахстане по отношению к Д. А. Кунаеву, что у него растет конфликт с Н. А. Назарбаевым. «Надо подумать о вариантах замены Кунаева».

1 декабря. Срочное совещание у Горбачева.

Были члены Политбюро, а также: Добрынин, Яковлев,

Медведев, Ахромеев.

О созыве пленума ЦК по кадровой политике.

М. С. Горбачев: «Время, наиболее приемлемое, это конец декабря или начало января. Подготовить тезисы ЦК и разослать членам ЦК поскорее. Курс на ускорение — это неотложное требование проявляется еще более остро. Проблемы и трудности сейчас, особенно после XXVII съезда, стали проявляться в большей мере, чем предполагали. Начиная с партии и далее в экономике, в обществе — в духовной и идеологической сфере. Не изживается застой, консерватизм, благодушие, инертность. Снизу нарастает политическая и общественная активность. Что должно быть на пленуме? Нужно ответить на вопрос — почему не везде понимают нашу политику. Речь идет об активе, коммунистах. Многие считают, не слишком ли мы требовательны, не спешим ли с новыми мерами. Надо разъяснить ЦК, чем это вызвано, что в настоящее время требуется, обосновать кадровую политику. Экономика, особенно технический прогресс, очень важны, но на Пленуме не сводить дело только к этому. Связать кадровую политику с социальными проблемами, идеологической работой, деятельностью административных органов. Вот это — основная концепция доклада».

Из обсуждения. Шеварднадзе: «На Пленуме надо оценить негативные явления в партии и стране. Процесс идет сложный. По существу в партии была допущена девальвация ценностей. (Реплика М. С. Горбачева: но надо начинать с партии.) У нас у всех сидят сомнения, не теряем ли мы свой престиж, развивая демократические начала. Это надо преодолеть».

Яковлев: «Считаю, что авторитет КПСС сейчас не падает, а растет. Показатель — рост подписки на партийную печать (кроме «Литературной России»). Идет активная теоретическая деятельность…»

В конце совещания Горбачев поднял вопрос о А. Д. Сахарове: «Есть его письма. Спокойный тон, понимание своей роли как носителя важной государственной тайны. Просьба его — о содействии в лечении Е. Боннэр. Мы согласились. Нам надо решить основной вопрос — о возвращении в Москву. Как это сделать? Поручить Г. И. Марчуку переговорить самому или попросить близких к Сахарову академиков в личном плане. Передать ему о доброжелательном отношении руководства, возможности возвращения в Москву, к активной научной деятельности и т. п. Достаточно его слова — не ставить вопрос о выезде. Так? Договорились».

Затем, по прошествии недели, может быть больше, Г. И. Марчук рассказал о положительной реакции Сахарова на

предложение.

В середине декабря Горбачев позвонил Сахарову в Горький. Состоялся доброжелательный разговор: «Не пора ли вам возвратиться к более активной научной деятельности в Москве?». Сахаров согласился с тем, что не будет ставить вопрос о поездках за рубеж. Он выразил удовлетворение беседой и предложением возвратиться в Москву.

* * *

11 декабря. На Политбюро Горбачев информировал о заявлении Д. А. Кунаева. Просит освободить от работы (возраст, здоровье). Михаил Сергеевич рассказал о беседе с Кунаевым, тот якобы негативно охарактеризовал Н. А. Назарбаева, считает, что нужно избрать первым секретарем ЦК КП Казахстана русского. Решили просьбу об отставке поддержать, по предложению Горбачева рекомендовать Пленуму ЦК КП Казахстана Г. В. Колбина (работал в Свердловске, в Грузии, сейчас первый секретарь Ульяновского обкома партии).

Рыжков доложил проект закона о социалистическом предприятии:

«Вводится выборность руководителя, декларируется единоначалие и демократическое управление (Совет трудового коллектива), связь с Советами и профсоюзами, хозрасчет, самоокупаемость и т. п.»

Обсуждение было неоднозначным. Возникли вопросы. Что такое выборность? Какова роль министерства — утверждать решение коллектива или оно окончательное? О СТК. Какова их связь и отношения с профсоюзными комитетами, ведь они заключают колдоговор с администрацией. О самоокупаемости. Какая окупаемость по нынешним ценам? Все сырьевые отрасли на дотации. И другие подобные вопросы.

Горбачев: «Возникло много вопросов. Нужно подходить к этому закону не только с экономических и технократических позиций. Необходимо политическое и теоретическое осмысление. Цель — реализация трудового потенциала страны через демократизацию управления экономикой. Объединить личные интересы с интересами социалистического общества. Надо правильно определить соотношение различных сторон демократического централизма на современном этапе. Решая задачу с предприятиями, важно зафиксировать и место центра (Госплан, Минфин и другие министерства). Что они могут, а что не могут делать по отношению к предприятию. О соотношении

государственной и социалистической собственности, которая передается предприятиям. Кто хозяин, как им владеет? Место общественных организаций? Не найдено. Получается, что выше всех СТК. Надо еще поработать над этим проектом»…

То есть Горбачев вначале пофилософствовал, но пройдет время — этот закон будет принят и нанесет большой вред экономике, усилит политическую нестабильность в стране.

17 декабря. Мне позвонил М. С. Горбачев.

Рассказал, что Пленум в Казахстане прошел спокойно. Первым секретарем ЦК КП избрали Г. В. Колбина. Обстановка нормальная.

18 декабря. Очередное Политбюро ЦК.

До начала в «Ореховой». Информация Горбачева о событиях в ночь на 18 декабря в Алма-Ате (по сообщениям оттуда): «Толпа на площади, много молодежи. Несогласие с решением Пленума ЦК КП Казахстана об избрании Г. В. Колбина. Хулиганские действия. Попытки спровоцировать чисто националистические проявления по отношению к русским со стороны студенческой молодежи. Ответные меры — только блокирование площади. Число митингующих — около 2,5 тыс. человек. Произошли стычки. Есть пострадавшие, в том числе и среди внутренних войск МВД. Поджоги автомобилей и магазина.

Ночью собрали в Алма-Ате актив 700 человек, то же на ряде предприятий. Призвали к противодействию негативным проявлениям, стабилизации обстановки. В других регионах республики относительно спокойнее. Определяется, кто руководит «возмущением» — в основном из интеллигенции, сотрудники обкома, телевидения, преподаватели вузов.

Кунаев сам считал, что в республике нет достойного кандидата на пост первого секретаря. Но, по непроверенной информации, инициаторы выступлений — это его окружение. Говорил с Димашем Ахметовичем, он намекает, что инициатива — председателя Совета Министров Назарбаева, он, мол, рвался к власти.

Сейчас, 18 декабря, площадь блокирована. Но вокруг около 1,5 тысячи человек. Толпы и в других районах города (около 5 тысяч). Подбрасывают идею массовой демонстрации в субботу и воскресенье».

После обмена мнениями с членами Политбюро вышли в зал заседаний. Горбачев кратко изложил суть вопроса. И продолжал: «Необходимо локализовать конфликт. Важно избежать жестких мер. Но поручить МВД (Власову) все-таки подтянуть дополнительные силы.

Кунаев деморализован, безынициативен. Главное — не

отождествлять негативные националистические проявления с казахским народом. Подготовить объективную информацию в печать». Решили направить в Алма-Ату от Политбюро Соломенцева, Власова и Лушева.

Вечером позвонил Горбачев по селектору мне и другим членам Политбюро. Сказал, что «беседовал с Колбиным. Обстановка стала лучше. Был разговор и с Кунаевым — предупредил об ответственности, просил вмешаться в ход событий. Думаю, это поможет». Зачитал текст сообщения для печати. Согласились.

1987 г. В перестройку включились «свежие силы»

Это был насыщенный событиями, в некоторой степени даже рубежный год. Именно тогда начался крен перестройки вправо. Однако лозунг М. С. Горбачева, неоднократно им повторяемый, вбиваемый в головы, что «осуществлять преобразования нужно только в рамках социализма», убаюкивал.

Именно в 1987 году зрела, а в начале 1988 года конкретно проявилась мысль о том, что дальнейшее движение в области экономики, управления тормозится традиционно консервативным отношением к развитию демократии; что нужна немедленная и коренная государственно-политическая реформа, «истинная демократизация» государственных структур на всех уровнях. Обязательное разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную по сути, а не по форме; что следует реорганизовать и структуру высших органов власти, дать суверенные права союзным республикам, рвущимся к самостоятельности, поднять правовой статус автономий, думать над возможными изменениями роли КПСС; снять с нее хозяйственные заботы, передать их Советам. Не исключалась вроде бы и многопартийность и т. д.

М. С. Горбачев настойчиво подталкивал, что же мы медлим! Смотрите, сколько возможностей открыто перед нами. Так давайте убыстрять шаг, двигать реформы! Попытка некоторых членов Политбюро «не гнать лошадей», осмыслить, определить более детально программу экономических реформ, дать возможность людям понять полнее их роль и возможности, определить рамки демократических преобразований и т. п. обзывались консерватизмом.

Предостерегающие голоса — не торопиться, учитывать реальности — звучали и с мест. Но, несмотря ни на что, поезд демократизации, гласности, политических реформ набирал ход. И пошли наслаиваться одна проблема на другую. Узел проблем не только не развязывался, а затягивался туже. Порой и кончик нити в этом клубке не так легко было найти. В частности, не ослабевали, а затягивались, осложнились межнациональные проблемы. Всеохватывающий зуд суверенизации, проявившийся сначала в Прибалтике, Закавказье, а затем и в других регионах страны, стал раскачивать Россию.

* * *

А сейчас вернемся к началу 1987 года.

6 января. Заседание Политбюро ЦК.

Обсудили итоги деятельности Политбюро и Секретариата в 1986 году. Повестку очередного Пленума ЦК сформулировали так: «О перестройке и кадровой политике». Провести его 27–28 января.

Горбачев: «Задача Пленума — активизировать перестроечную работу в партии — обкомах, горкомах, первичных парторганизациях. Демократизация, ответственность и права должны пробить себе дорогу. Особенно сейчас. Разве можно решить нынешние проблемы без опоры на коллективы?»

Обсудили вопрос о повышении зарплаты работникам высшей школы и улучшении материально-бытовых условий аспирантов и студентов вузов и средних специальных учебных заведений.

Рассмотрели рекомендации отделов ЦК об активизации и усилении действенности внешнеполитической пропаганды и контрпропаганды.

Горбачев выделил стержневые темы: «Социализм — альтернатива капитализму», «Социалистическая демократия — истинная демократия, а не лжедемократия капитализма», «Социализм — путь к миру и сотрудничеству». (Именно такая тематика предусматривалась Идеологическим отделом ЦК.

Обращаю внимание читателя, что А. Н. Яковлев в книге «Обвал» утверждает, что он уже в 1987 году понял, что от марксизма надо отказаться. Факты, о которых я здесь пишу, показывают, как «руководил» он тогда идеологической деятельностью партии, «защищая социализм и обличая капитализм».)

19 января. Кремль. Заседание Политбюро ЦК.

Долго обсуждали тезисы и доклад к Пленуму ЦК «О перестройке и кадровой политике». Выступили все члены Политбюро, кандидаты и секретари ЦК. Много разных мнений. Вот некоторые.

Лигачев: «Речь идет в докладе не о совершенствовании работы с кадрами, а о выработке кадровой политики в условиях перестройки. Ведь налицо широкое проникновение в нашу действительность буржуазной идеологии. Нельзя не сказать и о некоторых прошлых делах. Ведь и в прошлом успехи были следствием энтузиазма народа, соревнования, технической политики. Были недостатки экономического характера. Серьезный ущерб, например, нанес постоянный рост производства водки. Нужны были деньги для бюджета. Требуется новая

экономическая политика, новая кадровая политика».

Ельцин: «Оценки состояния перестройки в проекте завышены. Мы пока на пути к перестройке. Негативные явления живы, в докладе слабо показана вина Политбюро прошлого состава. Думаю, надо самокритичнее оценить и послеапрельский период, и не только внизу. Много недостатков во всех эшелонах руководства. О так называемой «революционной» перестройке или революционном характере перестройки. Сомнительный тезис». Говорил он резко, обличительно, безапелляционно.

Воротников: «Согласен с тем, что работоспособность прошлого Политбюро была ослаблена. Сейчас практика иная — на Политбюро вносятся насущные вопросы, идут дискуссии, сопоставление взглядов. Не всегда соглашаемся друг с другом, но думаем, рассуждаем. Теперь о демократизации, демократических преобразованиях. Они нужны, но необходимо сочетать их сверху донизу с традициями и спецификой конкретного периода. Как с историей государства, так и с реальностями нынешней жизни». (Я тогда и подумать не мог, какой истинный смысл заложен был в некоторых формулировках доклада.)

Замечания Горбачева к выступлению Б. Н. Ельцина. О самокритичности и завышенных оценках. «Не согласен, о них говорится (зачитывает абзац из доклада). О вине прошлого Политбюро — есть. Что поражены все эшелоны — с этим согласиться нельзя. Если это так, то надо перетрясти все кадры. О революционном характере перестройки. Это как наша ответственность перед народом, перед Октябрьской революцией, социализмом, его развитием в стране». (Вот с каким пафосом Генсек отстаивал идеи социализма.)

Решили проект доклада в основном одобрить, доработать его с учетом обмена мнениями. Тезисы принять и разослать. Пленум провести за два дня.

20 января. Позвонил Горбачев, поздравил меня с днем рождения. Заговорил о выступлении Ельцина: «Оно оставило у меня неприятный осадок. Методы Ельцина: заигрывание, обещания, перетряска кадров, много слов, мало конкретной работы. Состояние хозяйства и торговли в Москве, несмотря на огромную помощь других республик, не улучшилось. Все время ссылки на прежние упущения».

Таким образом, уже здесь проявилась взаимная неудовлетворенность Горбачева и Ельцина. Я не могу согласиться с теми, кто считает, будто разногласия между ними — это «туман», что они «давно спелись» и ведут политическую игру. Нет. Они никогда не были союзниками, их отношения были неприязненными.

Потом мне позвонил Ельцин. Переживает за выступление на Политбюро: «Занесло меня опять. Видимо, я перегнул где-то, как вы считаете?» Я его успокоил: «Нередко и другие вступают в споры. Только ведь надо как-то спокойнее, самокритичнее выступать. Ты всегда обвинитель, обличитель. Говоришь резко, безапелляционно. Так нельзя». Он: «Согласен, такой характер. Надо ли мне выступать на Пленуме?» Я: «Конечно, надо». «Ну, спасибо за поддержку».

* * *

27–28 января. Пленум ЦК. «О перестройке и кадровой политике КПСС».

Докладчик М. С. Горбачев.

До Пленума заранее были розданы тезисы докладов, проект закона о государственном предприятии, обзор писем населения по кадровым вопросам. Доклад Горбачева был опубликован, но, учитывая особое значение этого Пленума на дальнейшее развитие реформ перестройки в стране, я хотел бы выделить принципиальные моменты доклада.

М. С. Горбачев: «Вопрос о перестройке и кадровой политике партии мы должны рассматривать, учитывая уроки прошлого, характер переживаемого момента и задачи на будущее. Сама перестройка получила поддержку советского народа. Вместе с тем мы видим, что изменения к лучшему идут медленно, дело перестройки оказалось более трудным, чем это представлялось. Нередко возникают вопросы: не слишком ли круто мы берем? Необходим был глубокий анализ, нужно выявить причины негативных процессов и выработать меры ускорения движения вперед».

Излагает суть и причины существенных недостатков, нерешенных проблем и трудностей, характерных для периода конца 70-х — начала 80-х годов, которые он характеризует как застойные в области экономики, политики, решении социальных вопросов.

Затем Горбачев раскрывает основные принципы перестройки: опора на массы, развитие демократии, интенсификация экономики, духовное развитие личности и т. п.

«Дальнейшая демократизация — неотложная задача партии. Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы. Необходимо внедрение подлинно самоуправленческих начал на предприятиях. Речь идет о выборности руководителей предприятий. Следует по-иному посмотреть на развитие

кооперативного движения, которое имеет большие перспективы.

По-новому надлежит осмыслить роль партийных, общественных организаций, органов хозяйственного управления. Расширение демократии на производстве предполагает сочетание единоначалия и коллегиальности. Принципиальным в развитии демократии следует считать совершенствование советской избирательной системы. В общем русле демократизации советского общества надо рассматривать и расширение внутрипартийной демократии». Заканчивая, делает упор на развитие гласности.

Вывод. Серьезно обновить кадровую политику. Подход политический, по Ленину, — подбор «по новым меркам», компетентность, профессионализм, организованность и дисциплина, высокая нравственность.

В заключение Горбачев предлагает созвать в 1988 году всесоюзную партконференцию, где рассмотреть в широком плане ход выполнения решений XXVII съезда, а также вопросы дальнейшей демократизации жизни партии и общества.

Теперь о некоторых выступлениях.

Н. И. Рыжков: «Мы ранее жили в кредит… Финансово-кредитная система была на грани развала. Эмиссия денег росла. Внешняя торговля была нацелена на решения текущих задач. Нужно выходить из сложного положения в экономике, одновременно улучшая жизнь людей. Система хозяйственного механизма должна охватить все сферы. Раздуты штаты. В Грузии, Армении, Узбекистане число министерств больше, чем в РСФСР».

Б. Н. Ельцин: «На XXVII съезде была некоторая недосказанность. Пленум откровеннее. Необходимы возрастной лимит и продолжительность работы на выборной должности, в том числе и в аппарате. Следует создать управление кадров ЦК (это ранее было). Следовало бы уже в 1987 г. провести отчетно-выборные конференции в партийных организациях, а затем всесоюзную партконференцию».

А. А. Громыко: «Перестройка — это не рынок. Это процесс — широкий и глубокий. Вывод в докладе об оценке прошлого суровый, но справедливый. Работа по новой роли Советов только начинается. Необходимо дать им действительные права».

М. А. Ульянов: «Гласность, демократия, самоуправление — три кита, только не надо их припудривать, лакировать. Искусство — это зеркало жизни, это глаза народа, не надо одевать ему ни розовых, ни черных очков. Газеты должны говорить хоть горькую, но правду». Хвалил романы, повести Распутина, Айтматова, Астафьева.

Из состава ПБ выступили: В. В. Щербицкий, Ю. Ф. Соловьев,

С. Л. Соколов, В. И. Долгих. Всего же приняли участие в прениях по докладу 34 человека.

* * *

О январском (1987 г.) Пленуме ЦК следует сказать подробнее. Он готовился долго, несколько раз переносились сроки его проведения. Причины внутренние и внешние. М. С. Горбачеву хотелось найти поддержку своим планам в ЦК, партии и народе, чтобы идеи пленума легли, так сказать, на подготовленную почву. Этим объясняется, возможно, в какой-то степени, что сроки проведения Пленума дважды переносились. Так я считал тогда, в 1987 году.

Или же, как я считаю сейчас, первоначальные идеи Горбачева, наметки натолкнулись на ненавязчивые, но настойчивые советы ближайшего окружения. Импонируя ему, они заложили в доклад двусмысленность. Чтобы, на всякий случай, завуалировать перед общественностью истинные цели. Эти выводы напрашиваются из сегодняшнего видения.

В дальнейшем подтвердилось, что именно январский Пленум, основываясь по форме на ленинских принципах кадровой политики, лозунгах демократизации и гласности, укрепления роли Советов, перестройки партии и так далее, на деле стал отправным пунктом постепенного, а потом все более нарастающего отклонения от намеченных перестройкой этих ленинских принципов обновления социализма. Что особенно явственно проявилось после XIX партконференции в июне 1988 г.

Затяжка проведения Пленума, видимо, имела и третью причину — колебания М. С. Горбачева под натиском, как я уже сказал, близкого окружения, толкавшего его в сторону, в русло прозападной демократии. Этот уклон стал нарастать. Решающую роль в воздействии на Горбачева сыграл А. Н. Яковлев. Его подхлестнуло и то, что в составе ЦК и на местах росло сопротивление сверхрадикализму в подходах к решению задач перестройки. Окологорбачевские радикалы, с подачи Запада, потом ловко использовали мартовскую (1988 г.) публикацию статьи Н. Андреевой в «Советской России» как якобы попытку консервативных сил столкнуть партию с «правильного» пути перестройки.

В этот период все больше стали проявляться разногласия в Политбюро по поводу оценки ситуации. Горбачев явно и недвусмысленно пошел «новым курсом», курсом Яковлева и его команды. В ответ на высказанную мною обеспокоенность его

резкой реакцией на статью Н. Андреевой, при обсуждении этого вопроса на Политбюро, Горбачев в заключение бросил в мой адрес реплику: «Виталий Иванович, мы освободим тебя от беспокойства».

Я сначала не воспринял это как реальность. Но сентябрь 1989 г. все прояснил. Здесь следует учесть и такие обстоятельства. Выше я говорил, что в своем стремлении к власти М. С. Горбачев в 1984-м— начале 1985-го и дальше «умело привязал меня к своей повозке». Этот воз добросовестно тянула вся связка — Лигачев, Рыжков, Никонов, Чебриков и другие. Потом, со временем, добившись власти, он сначала убрал явных противников, а затем, еще более укрепив свое положение, стал одного за другим «отстегивать» и своих бывших союзников. Это особенно явно проявилось после марта 1988 года. У него уже складывалась новая команда «единомышленников». Эту ситуацию почувствовал и я. Отношение его ко мне стало меняться. От былых откровенных, дружеских бесед, советов не осталось и следа. В итоге он выполнил свое «обещание», перебросив меня в сентябре 1988 г. из Совмина РСФСР в Верховный Совет. По форме это было повышение, а по сути он отодвинул меня от конкретных дел. Свалил он и Е. К. Лигачева, взяв в свои руки Секретариат, а вернее, упразднив этот орган. И последним, уже в 1990 году, отправил в отставку Н. И. Рыжкова, который больше всех сделал для утверждения власти Горбачева и дольше всех верил ему. Так Генеральный секретарь ЦК КПСС предал всех до одного, с кем начинал в марте 1985 г., реализовав «новое мышление» в кадровой политике.

* * *

4 марта. Принял Георгия Васильевича Свиридова. Выдающийся композитор. Сдержанный, интеллигентный человек, интересный собеседник. Очень обеспокоен состоянием русского хорового искусства. Просил на вакансию руководителя Государственного русского хора СССР назначить профессора Минина. (Я поддержал. Коллектив его принял настороженно. Потом они поняли, как верна была рекомендация Свиридова.) Состоялась хорошая беседа. О проблемах музыкального образования, снижении интереса к оперному искусству, в частности, нездоровой обстановке в ГАБТе. Союз композиторов — кого в его члены принимают?! Диву даешься! — говорил Георгий Васильевич. Хорошо отозвался о композиторах Гаврилине и Эшпае.

Встречи с такими деятелями культуры, как Г. В. Свиридов, были для меня, затурканного хозяйственными и политическими проблемами, как живительная влага, отдохновение. Я, конечно, делал все возможное, чтобы содействовать выполнению тех пожеланий, о которых шла речь в беседе.

12 марта. Политбюро ЦК. Вел Е. К. Лигачев.

До заседания он высказал критические замечания по ряду публикаций в журналах «Огонек» и «Новое время». Отметил, что они носят тенденциозный характер, вызывают недоумение у друзей в социалистических странах.

30 марта. Принял Р. К. Щедрина — секретаря Союза композиторов РСФСР.

Он внес предложение об организации музыкального фонда РСФСР (подобно Литфонду). Подробно обсуждали хозяйственные и творческие вопросы. Но настроение у него неважное. Думаю, что его уже тяготит эта работа. Стало труднее возглавлять творческий Союз. Видимо, это так.

2 апреля. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

О ходе работ по Чернобыльской АЭС. Информация В. И. Долгих:

«Блок 4 укрыт саркофагом. Блоки 1 и 2 работают. Идет подготовка к пуску блока 3 и обеспечение безопасности ядерной энергетики. По этой теме принято 35 постановлений. Проведено 37 заседаний группы Политбюро. Обстановка пока сложная. Особенно на территории АЭС (кровля, площадка материальной базы). Снаружи от обломков есть свечение, это создает дополнительные трудности. Внутри блока 3 радиация близка к норме. Но требуется большая работа по замене части оборудования, дезактивации и т. п. Работа идет вахтовым методом, с ежедневной заменой части персонала АЭС. Надо ускорить строительство г. Славутича». Дали нужные поручения.

За повесткой. О МХАТе. Суть предложений о разрешении кризисной ситуации — иметь две Площадки одного театрального объединения. Две труппы. Иного выхода нет. Разлад в театре полный.

13 апреля. Совещание в ЦК у Е. К. Лигачева.

Обсуждение обстановки в писательских организациях.

Были: А. Н. Яковлев, Б. Н. Ельцин, Ю. П. Воронов, Е. М. Чехарин.

Информация Е. В. Зайцева: «Какие вопросы волнуют писателей? Не меняется издательская практика, часто издают т. н. «генералов», тех, кто у руководства писательской организации. Нет внимания молодым. Секретариат Союза занимается чем угодно, но уходит от литературного творчества.

Союз не управляет изданием ранее отвергнутых к печати произведений. Возникла групповщина. Дело в спорах доходит до взаимных оскорблений, крика, перехлеста. Особенно негативные проявления в организациях Молдавии, Хабаровска, Читы. Отпора экстремистам, антисоветчикам нет».

Ю. П. Воронов: «Секции писательских организаций — прозаики, драматурги — работают плохо. Нет консолидирующего руководства Союзной, Российской и Московской писательских организаций. Групповщина».

В. И. Воротников: «Как объединить Союз? Стремление к переоценке прошлого объяснимо, но носит глобально-очернительский характер. Борьба начинается с принципов, а вязнет в деталях. «Ты кто такой? А ты кто такой?» Суть спора утрачивается. Контроль и разбор публикаций отсутствуют даже с чисто художественных позиций. Нет дороги молодым. Проявляются и неоправданные амбиции. Идет драчка — это стыдно и безнравственно. Формируется группа т. н. независимых: криклива, настырна, амбициозна. Не стесняется использовать любые методы борьбы, присваивая себе право вещать. Залыгину, по-моему, просто забили голову».

Б. Н. Ельцин: «Отношения московской организации с союзной и российской неважные. Шельмуют некоторых писателей. Явное размежевание групп. Одна говорит: съезд дал нам все, надо только творчески проявить себя (Бондарев, Карпов, Исаев, Алексеев, Проскурин). Вторая группа — дело на съезде до конца не доведено. Старое руководство сохранило силы, и поэтому эта группа пытается повернуть демократизацию на западный вариант, то есть вывести писателей на политический плюрализм. (Вознесенский, Адамович, Евтушенко — рупор, плюс Шатров, Бакланов, Окуджава)».

А. Н. Яковлев: «Публикации и выступления вращаются вокруг сути Октябрьской революции. Не всегда исторически точные. С. Михалков самоустранился. Вопросы разные. Есть проходные, не заслуживающие внимания, есть и принципиальные. Группа пытается разложить организацию, по сути, выйти из-под контроля. Кто это возглавляет? Это очень важно определить». Яковлев ушел от изложения своей позиции.

Е. К. Лигачев: «Условия для работы писателям созданы. Принято хорошее решение по их материальному обеспечению. Сделали много, а ответной реакции нет. Разногласия носят идейно-творческий характер. Одна группа в обороне, а другая агрессивна, активна, действует изощренно. Задача — сплотить организацию на здоровой основе. Специально встретиться с редакторами литературно-художественных журналов. Стать на

защиту талантов, крупных писателей. Они, правда, не привыкли к критике».

Вот такой был разговор. Е. К. Лигачев еще опекал Отдел культуры ЦК.

17 апреля. Принял председателя СТД РСФСР М. А. Ульянова.

Продолжительная беседа. Финансово-хозяйственную деятельность СТД просит осуществить через СМ РСФСР. О строительстве пансионатов для актеров в Анапе и Геленджике. Дать лимиты подрядных работ для завершения строительства Дома творчества в Крыму. О реконструкции фабрики косметики и реализации ее лродукции на экспорт. Дал ответы на все поставленные вопросы. Затем поинтересовался состоянием творческой работы. Он — «дело идет трудно».

И все. От обсуждения уклонился.

* * *

23 апреля. Политбюро ЦК. Вел заседание М. С. Горбачев.

Повестка была сформирована из нескольких пунктов:

1. Финансовое положение СССР.

2. О повышении действенности финансового механизма и роли Минфина в новых условиях хозяйствования.

3. О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики.

4. Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма.

Докладывал по всем вопросам Н. И. Рыжков. Суть его доклада:

«Финансовое положение тяжелое. Темпы роста экономики, ее эффективность снижается. Дефицит финансовых ресурсов покрывается не радикальными средствами, а частными решениями.

Необходимо, используя новые принципы хозяйствования, усилить воздействие финансов на экономику. Пятилетку выполнять строго. Не принимать новых решений, требующих дополнительных затрат. В1988–1989 гг. осуществить перевод всех отраслей материального производства на полный хозрасчет. Усилить режим экономии (обеспечить на 75 % прирост потребностей в материальных ресурсах за счет экономии).

Укрепить денежное обращение. Получить дополнительные доходы за счет развития производства товаров и услуг. Такая программа есть.

Увеличить поступления от внешней торговли. Изменить

структуру экспорта и импорта (сократить его объем).

Экономия за счет сокращения и удешевления госаппарата.

Привлечь дополнительно и лучше использовать сбережения населения.

Сократить расходы государства на содержание жилья. Плату за жилье дифференцировать и несколько ее повысить.

В налоговой политике. Прогрессивная шкала в зависимости от дохода.

Существенно изменить систему ценообразования. Закупочные цены, розничные цены плюс компенсация, тарифы на транспорт и коммунальные услуги. Повысить цены на продовольствие.

Все предлагаемые меры потребуют изменения функций Минфина, банков, Госкомцен. Что для этого предлагается?

В финансовом механизме. Отойти от фискальной, формально-бюрократической практики и перейти на нормативы (от предприятий до Минфина). На основе нормативного принципа формировать финансовую базу местных органов (от прибыли предприятий, расположенных на территории). Пересмотреть всю систему цен. Перейти в 13-й пятилетке на новые цены. Населению полностью компенсировать расходы. Банки и кредитная система должны быть восстановлены, как истинные кредитные органы. Вместо двух создать б банков (Госбанк, Внешэкономбанк, Агробанк, Банк жилищно-социального развития, Промстройбанк, Сберегательный банк). Это позволит повысить мобильность банков».

В. О. Павлов. Госкомцен. «Формирование цен в прошлом было в принципе порочным. Низкая стоимость сырья и рабочей силы. Этот принцип был оправдан в военный период и в первые послевоенные годы. По сути, он сохраняется и сейчас, хотя себестоимость угля, нефти, газа выросла. Эти отрасли стали убыточными. Перевод их на хозрасчет и самофинансирование невозможен. Нужна комплексная реформа ценообразования, всех цен — оптовых, закупочных, розничных. Это — главное условие. Следует подумать и о денежной реформе».

В. С. Мураховский. Предложил установить дифференцированные цены для высокорентабельных и убыточных хозяйств на сельскохозяйственную продукцию. (Надо же додуматься? Разные цены на одну и ту же продукцию!)

В. И. Воротников: «Не ясна концепция формирования нормативов по территориям и отраслям. Требуется хотя бы укрупненное научное обоснование. Что же должно измениться в работе Минфина? О банках. Дело не в числе, а в сути их деятельности. Предлагается, что все они являются государственной структурой, будут распоряжаться финансовыми

ресурсами из государственного кармана, а необходима коммерческая форма деятельности. Они должны зарабатывать средства кредитами, под реальный доход. Во-вторых, увеличится число банков вверху, а внизу, где основная работа с клиентами, все остается без изменения. Таким образом, на один банк в райцентре будут выходить пять из Москвы. Роль Госбанка вообще не ясна. Какая-то формальная надстройка.

В принципе другие предложения Н. И. Рыжкова поддерживаю. И я также за проведение комплексной реформы ценообразования, в том числе и за денежную реформу, о чем сказал В. С. Павлов».

* * *

Выступившие затем другие товарищи из Политбюро высказались в поддержку Н. И. Рыжкова. Хотя и с некоторыми оговорками.

М. С. Горбачев: «Это обсуждение — подготовка к Пленуму. Кое-кто пытается защищать устаревшие принципы. В предложениях Совета Министров есть хорошая основа, она соответствует политической линии и экономическому механизму. В первом чтении, можно сказать, подходит. Необходимо обогатить документ, в нем многое сведено к практицизму. Слабо дана политическая суть, масштабность задач. Недостаточно раскрыт затратный механизм, тема экономии. В последние годы обеспеченность одного рубля товарными ресурсами сократилась в три раза, а вклады в сберегательные кассы выросли в 11 раз. Принцип подхода к нормативам должен быть обязательно заложен в документы (о чем правильно говорил Воротников).

О ценах. Если не решим, то никакого хозяйственного механизма не реализуем. Дело тяжелейшее, надо готовиться. Подойти комплексно. Работу вести по оптовым, закупочным и розничным ценам. По всем товарам и продуктам. То есть речь идет о пересмотре политики цен. Выйти на рентабельное производство в базовых отраслях. Сырье, как минимум, на уровне мировых цен.

Розничные цены на продовольствие у нас значительно ниже, чем в европейских странах. Например, цены на говядину, баранину в Польше, Венгрии, Чехословакии выше в 1,5–2 раза, а в США, Англии, Франции — в 3–4 раза. Хлеб, соответственно, дороже — в 1,5–2 раза, и в 4–5 раз. Так же выше у них цены на молоко, картофель и другие продукты. Изменять цены у нас надо, но делать это один раз и на все продукты, в комплексе.

О компенсации. На день введения новых цен отдать все и

всем, независимо от уровня зарплаты.

Вывод. С учетом обсуждения доработать проект».

О некоторых публикациях печати.

Горбачев: «Пресса разжигает страсти. Особенно «Московская правда». Крикливо: «Знать России», «Новоявленные аристократы», «Бить по штабам», «Куски с барского стола» и т. п. Это разжигает страсти. Пена на перестройке. МГК — Б. Н. Ельцину разобраться. Прессу поддерживать, но из рук не выпускать. Оскорбления недопустимы». (В адрес А. Н. Яковлева ни слова.)

За повесткой. Горбачев: «Поручить рассмотреть некоторые вопросы о сокращении привилегий. Некоторые начальники дорого обходятся государству.

О письме С. Н. Хрущева. Он просит разрешить Раде Никитичне Аджубей поработать с мемуарным архивом отца — Н. С. Хрущева в ЦК. Дать согласие».

* * *

24 апреля. Обсуждали в Совмине вместе с секретариатом Союза писателей РСФСР обстановку в организации. Были: Михалков, Бондарев, Алексеев, Михайлов, Проскурин, Зимин, Проханов, Викулов, Колосов.

В течение трех часов шел обстоятельный разговор. Высказались все. Материала к размышлению достаточно. Ясно одно, что обстановка в творческой организации ненормальная. Новые реформаторы и «свободные художники» ведут активную борьбу за власть. Условились о норме поведения.

7 мая. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Информация Лигачева о письмах в ЦК: «В них активная поддержка курса партии, беспокойство за судьбу перестройки. Почему? Нет реальных результатов в экономике, перемен в сознании людей. Плохо освещаются важнейшие события в прессе. Необходимо повышать роль рабочего класса в перестройке».

Чебриков: «Суть перестройки не доведена до людей. Считают, что где-то она идет, но не у нас. Растут факты выхода на улицу по различным поводам. Местные органы не придают этому значения».

Яковлев: «В народе растет настроение сопричастности к делам. Повышается культура (?!). Это хорошо. Беда, что многое упирается в неправильное понимание этого процесса партийными комитетами, руководителями разных рангов. Не все поняли перестройку, даже на областном уровне. (Бьет методично по кадрам.)

Вечером у М. С. Горбачева (там же находился и Н. И. Рыжков).

Долго говорили о структуре партийных органов применительно к РСФСР. Единодушно тогда сошлись во мнении, что создавать КП РСФСР или даже бюро ЦК по РСФСР не нужно. Это внесет разлад в единство КПСС, подтолкнет КП других республик к самостоятельности, отодвинет областные партийные организации РСФСР от ЦК, от Центра и т. п. Как известно, потом эту позицию пересмотрели.

27 мая. Принял нового посла США Дж. Мэтлока. Он считает, что происходит постепенное улучшение советско-американских отношений, и будет стремиться к тому, чтобы эти отношения «содержали бы больше элементов содействия, чем элементов конфронтации». Трудности создают «попытки СССР решать политические вопросы путем применения военной силы, как в Афганистане. Это вызывает не только недоверие, но и стремление противостоять вам, сделать ваши усилия неуспешными». Посол объяснил, что новые тенденции в жизни советского общества американская администрация расценивает как важные предпосылки роста доверия между странами. Он убежден в искренности стремления советского руководства к переменам. «Особое впечатление производит расширение гласности». Заявил, что в интересах США содействовать этому процессу. «Поскольку любой прогресс соответствует задаче укрепления мира».

Дж. Мэтлок хорошо владеет русским языком. В Союзе не впервые. Улыбчив, вежлив, предупредителен. Корректен, но четко и настойчиво ведет свою линию в беседе.

29 мая было заседание Политбюро. Освободили от должности министра С. Л. Соколова. Накануне, 28 мая, в Москве на Красной площади немецкий юноша Руст посадил спортивный самолет. Это был потрясающий факт головотяпства военных.

4 июня. Политбюро ЦК.

Итоги официального визита М. С. Горбачева в Румынию: «Положение в стране сложное, противоречивое. Они вынуждены учитывать реальности. Экономика растет. Усиленно ведут реконструкцию Бухареста. Жизненный уровень населения низкий. Социалистическая демократия — по форме, по сути все зацентрализовано. Наши перестроечные дела Н. Чаушеску огорчают. Был крупный разговор».

О беседе М. С. Горбачева с Э. Хонеккером: «Своеобразный разговор. Он полностью удовлетворен обстановкой в ГДР. Отношение к перестройке скептическое».

* * *

9 июля. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

О приеме в Президиуме Верховного Совета крымских татар. Просят об образовании крымской автономии в составе РСФСР. Сейчас население в Крыму— 2,6 млн. человек, в том числе 132 тысячи лиц татарской национальности (по неофициальным данным — около 300 тысяч). Необходимо определить этапы решения проблемы. Поручили заняться этим А. А. Громыко.

6 августа. Политбюро.

После того как были рассмотрены все вопросы повестки дня, Б. Н. Ельцин поднял вопрос по поводу попыток экстремистски настроенных лиц организовать демонстрации и митинги в Москве под различными предлогами. Требуют решения Моссовета, где должно быть определено место, время, численность и т. д.

Горбачев: «В принципе, разрешение надо дать. Готовьте предложения».

24 августа. Проводили М. С. Горбачева в отпуск. В аэропорту он поднял вопрос о необходимости иметь в ЦК Отдел социальной политики. Затем заговорил о росте националистических проявлений в Прибалтике и провокационных действиях Запада по стимулированию национализма в Эстонии и Литве. Согласны, что такая проблема есть, надо обсудить в ПБ.

10 сентября. Заседание Политбюро. Вел Е. К. Лигачев.

Обсудили вопрос о завершении уборки урожая. Пошли дожди. Сложно на Урале, в Сибири, на Северо-Западе. Необходимо перераспределение заданий по сдаче хлеба, чтобы не оставить хозяйства без кормов.

За повесткой. Лигачев поднял вопрос о публикациях в московской печати (по-моему, в «Вечерке») Моссоветом правил проведения митингов и демонстраций. Я их не читал, был в Волгограде. Лигачев выступил резко: «Почему Ельцин не рассмотрел этот вопрос на бюро МГК? Кто обсуждал их и с кем? Ведь еще 6 августа, когда ты, Борис Николаевич, поставил на Политбюро этот вопрос, М. С. Горбачев просил тебя проработать и внести предложения о порядке проведения всяких демонстраций, митингов и шествий. Ты согласился. А сделали по-другому. Ведь принятый Моссоветом порядок беспределен. Не определяют многие параметры: предварительное согласование, место и продолжительность демонстраций, количество людей. Кто ответствен за безопасность и т. п.» Ельцин оправдывался: «Это дело Советов, я же докладывал на Политбюро, было дано «добро».

Лигачев: «Неверно, было дано принципиальное согласие — разработать правила, но Горбачев сказал: вносите предложения, а вы пустили на самотек. Надо же иметь единый порядок не только по Москве, но и по стране». Другие товарищи подтвердили, что

прав Лигачев. Ельцин отмолчался. В итоге решили поручить Воротникову, Ельцину, Лукьянову и Разумовскому проработать этот вопрос со специалистами Минюста, МВД, учеными-правоведами и внести предложения в Политбюро.

Мы сформировали рабочую группу специалистов, они подготовили проект «О порядке проведения общественно-политическими организациями массовых мероприятий: митингов, демонстраций, шествий». Через месяц собрались у меня: Ельцин, Разумовский, Лукьянов. Обсудили этот проект, поспорили и подписали подробную записку в Политбюро ЦК, в которой рекомендовали принять указ Президиума Верховного Совета СССР, устанавливающий единые правила в стране: предварительную заявку, в которой указывались бы цель, место, время, численность участвующих, ответственные за проведение митингов или демонстраций, сроки рассмотрения заявок и в соответствующих советских органах. И т. п.

* * *

21 октября 1987 г. Пленум ЦК КПСС.

«Вопросы, связанные с 70-летием Октября, и некоторые текущие задачи». Докладчик М. С. Горбачев.

Это был, безусловно, важный Пленум. Он расставил акценты на основных этапах исторического 70-летнего пути нашего государства после Октябрьской революции. Причем необходимо было, рассматривая все перипетии нашего исторического прошлого, и плохое, и хорошее, постараться оценить это прошлое объективно. Снять розовые, белые и черные тона. Поразмышлять о прошлом с позиций сегодняшнего времени. Доклад Горбачева обстоятельно обсуждался на Политбюро, вносились (отвергались или принимались) различные предложения, уточнения. Отрабатывались не только принципиальные положения, но и редакционные поправки, иногда отдельные фразы, обороты. Необходимо было определить и нынешнее положение страны, партии. Уточнить задачи на будущее. Думаю, что в основе своей это тогда удалось.

До Пленума (или в перерыве) Горбачев беседовал с Г. А. Алиевым. Речь шла о его отставке в связи с состоянием здоровья. В начале июня у него случился тяжелый инфаркт, несколько месяцев Гейдар Алиевич не работал. В начале октября вышел, но состояние неважное. Горбачев рассказал нам о беседе — «трудный был разговор, но потом в итоге договорились».

Доклад Горбачева на Пленуме излагать нет смысла, так как

он был опубликован.

После окончания доклада Лигачев, председательствовавший на Пленуме, спросил: «Есть ли вопросы? Нет». (Обсуждение доклада не предполагалось.)

В первом ряду зала, где сидели кандидаты в члены Политбюро, как-то неуверенно поднял руку Б. Н. Ельцин, потом опустил. Горбачев: «Вот у Ельцина есть вопрос». Лигачев говорит: «Давайте посоветуемся, будем ли открывать прения?» Послышались голоса: «Нет». Лигачев — «Нет!» Ельцин было привстал, потом сел. Вновь подал реплику Горбачев: «У товарища Ельцина есть какое-то заявление». Тогда Лигачев предоставил слово Ельцину. (Вышло все так, что один раздумывает — говорить или нет, а второй — его подталкивает выступить. Обычно в аналогичных случаях, чтоб не затягивать время, Горбачев предлагал: «Ну, слушай, давай, обсудим с тобой после, что всех держать. И на этом — согласие. А сегодня…)

Ельцин, как-то не торопясь, вышел на трибуну. Явно волнуясь, немного помолчал, потом начал говорить. Сначала несколько сбивчиво, а потом уже увереннее, но без обычного нажима, а вроде полуоправдываясь, полуобвиняя, стараясь сдержать эмоции. Говорил он, в общем, минут пять-семь, не больше.

Основные тезисы: «Доклад полностью поддерживаю. Тем не менее, хочу высказаться. Надо перестраивать работу партийных комитетов начиная с Секретариата ЦК, стиль которого не меняется, как и Лигачева, носит разносный характер. Разного рода накачки хозяйственных органов. Это не революционный стиль. Необходимо делать выводы из прошлого для настоящего и будущего.

Наши планы о перестройке за 2–3 года (о чем говорилось на съезде), а теперь опять 2–3 года, это дезориентирует партию и массы. Настроение в народе поэтому идет волнами. То был подъем (после января 1987 года), то вера стала падать (после июня 1987 года). Авансы перестройки влияют на авторитет партии.

Уроки прошлого — тяжелые уроки. Поражения были потому, что нарушилась коллегиальность в принятии решении. Власть была отдана в одни руки. Вот и сейчас в Политбюро обозначился какой-то рост славословия у некоторых членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Это недопустимо. Сейчас нет каких-то перекосов, но штришки есть.

И последнее (немного помолчал): Видимо, у меня в работе в составе Политбюро не получается. И опыт, и, может быть, отсутствие поддержки со стороны особенно Лигачева привели к

мысли об отставке, об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Заявление я передал. (Кому? Горбачеву?! Так, значит, он все знал!) Как будет в отношении первого секретаря МГК, будет решать пленум горкома». Сказав все это, Ельцин вернулся на свое место в зале.

* * *

Все как-то опешили. Что? Почему? Не понятно… Причем такой ход в канун великого праздника! Я про себя подумал, что Михаил Сергеевич сейчас успокоит Бориса Николаевича. Хорошо, раз есть замечания, то давайте разберемся, обсудим, определим, что делать. Но не сейчас же? Поручить Политбюро разобраться и доложить. Все. Но дело приняло иной оборот. (Хочу категорически заявить, что накануне Пленума никакого обсуждения, сговора, организации выступлений членов ЦК по адресу Б. Н. Ельцина не было. Они были спонтанными. И может быть, их спровоцировало поведение на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС.)

Горбачев как-то весь напрягся, подвинул Лигачева и взял председательство в свои руки. Посмотрел налево, направо в Президиум, где сидят только члены Политбюро, — вот, мол, такой «фокус», в зал и говорит: «Выступление у товарища Ельцина серьезное. Не хотелось бы начинать прения, но придется обсудить сказанное. Это тот случай, когда необходимо извлечь уроки для себя, для ЦК и для Ельцина. Для всех нас». Повторил сжато основные тезисы выступления Б. Н. Ельцина и попросил высказываться: «Я приглашаю вас к выступлениям. Может, кто из членов Политбюро хочет взять слово? Пожалуйста». И начались выступления. Экспромтом. Без бумажек, тезисов. Сначала Лигачев. Отвел обвинения. Пауза. Потом Горбачев обращается к залу: «Может, кто-то из членов ЦК возьмет слово?» Встал С. И. Манякин, за ним выступили: Бородин, Шалаев, Богомяков, Моргун, Месяц, Коноплев, Арбатов, Рябов, Рыжков, Сайкин.

Сидя за столом, я, как и другие коллеги, поймал взгляд Горбачева, ну что, мол, надо определить и вам свои позиции.

Посоветовались с В. М. Чебриковым, надо, действительно, высказаться, как-то искать выход из этой ситуации. И стали выступать члены Политбюро, секретари ЦК, другие товарищи. Выступления были разные. Одно мягче, другое резче, острее, но все осуждали позицию и выводы, прозвучавшие в словах Ельцина. Вот некоторые конспекты выступлений.

Лигачев: «В работе секретариата и моей действительно есть

недостатки. Но я не могу согласиться, что неуважительно отношусь к партийным работникам. А требовательность есть. Была и будет. О славословии — як этому числу не принадлежу. О том, что в народе падает вера в перестройку, — это принципиально неправильное политическое заявление».

Арбатов: «Б. Н. Ельцин не проявил чувства ответственности, политической зрелости, которые требует наше время. Единство — вот что особенно необходимо сейчас. Сегодня он нанес ущерб делу».

Рыжков: «Б. Н. Ельцин бросил серьезные обвинения, что мы скатываемся к прошлым методам руководства. Разве можно сравнить работу прошлых и нынешнего Политбюро. Он вбивает клин в Политбюро, что там нет единства, там занимаются словоблудием. Это неправда. У самого Ельцина стал развиваться политический нигилизм. Он решил дистанцироваться от Политбюро. На заседаниях молчит, даже когда речь идет о делах Москвы».

Воротников: «В Политбюро принципиальных разногласий нет. Каждый волен излагать свою позицию. Есть споры. Это естественно. Я давно знаю Бориса Николаевича. Но здесь, в МГК, с ним происходит какая-то трансформация. Излишняя самоуверенность, амбиция, левацкие фразы. На Политбюро он пассивен. Постоянная неудовлетворенность, отчужденность. И вот сегодня… это неожиданно. Я даже не знаю, чем закончить. Надо обсудить, найти выход из этого положения».

Яковлев: «Наверное, Борису Николаевичу кажется, что он выступил смело и принципиально. Ни то, ни другое. Выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Да, на Секретариате идут споры, дискуссии, но что же здесь ненормального. Ельцин перепутал большое дело, которое творится в стране, с мелкими своими обидами и капризами, что для политика недопустимо».

Шеварднадзе: «Борис Николаевич, Вы очень многое поставили под сомнение. Да, нам не все удается. Вы это знаете. То, что вы сказали, это безответственность перед партией, перед народом, перед коллегами — товарищами по Политбюро. Вы хотели нам навязать другой стиль. Наш стиль действительно коллективный, ленинский. Но это вам не удастся, не пройдет».

Громыко: «Первое — ЦК отбросит всякие попытки пошатнуть нас, бросить тень на курс перестройки, поколебать уверенность. Второе — единство. Партия не позволит расстроить свои ряды».

В таком примерно духе выступали и другие.

* * *

Затем Горбачев обратился к Ельцину: «У тебя есть что сказать? Давай».

Ельцин: «Школа для меня суровая. За всю жизнь. На тех постах, где я работал, где доверяла мне партия. Несколько уточнений. У меня не было никаких сомнений ни в стратегической, ни в политической линии партии в том, что касается перестройки. Говорил о волнообразном отношении людей в период от январского до июньского Пленумов ЦК. Видимо, мы мало проводили разъяснительной работы и поэтому допустили спад. Имел я в виду не страну, а московскую организацию. Я не хотел вбить клин в единство ЦК и Политбюро. Также и в отношении членства в Политбюро. Есть моя записка, я считаю, что в этом случае они как бы выводятся из зоны критики. (Он вел речь о тех секретарях ЦК КП республик и Ленинградского обкома, которые были в составе ПБ.) О славословии — я имел в виду, есть 2–3 члена Политбюро, которые, по моему мнению, говорят много положительного. Я верю, это от души, но тем не менее…»

(Горбачев и другие из зала репликами несколько раз перебивали Ельцина, уточняли его выступление и фактическую обстановку.)

Горбачев: «Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей?» (То есть он подводил его к позитивному исходу.)

Ельцин: «Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. Что я подвел ЦК и московскую парторганизацию, выступив сегодня, — это ошибка».

Горбачев: «У тебя хватит сил дальше вести дело?» (Спасательный круг.)

Ельцин: «Я сказал, что подвел ЦК, Политбюро, МГК. Повторю: прошу освободить меня от кандидата в члены Политбюро и от руководства московской парторганизацией». И сошел с трибуны.

Горбачев: «Давайте сначала возвратимся к основному вопросу. Если есть предложения, замечания по докладу, прошу передать их А. Н. Яковлеву, Е. К. Лигачеву или мне. Вношу предложение — одобрить основные положения доклада. Поручить выступить на торжественном заседании Генеральному секретарю ЦК». Голосует. Принято единогласно.

Потом Горбачев дал ряд пояснений к выступлению Ельцина. Он сказал, что «Ельцин прислал мне письмо на юг (где Горбачев находился в отпуске), в котором выразил эти мысли и просил решить вопрос о его пребывании в Политбюро. По возвращении из отпуска был с ним разговор. Условились обсудить этот вопрос позже, после 70-летия Октября. Но Борис Николаевич не выдержал. Я не думал, что он так поступит. Поэтому о наших

беседах даже не информировал членов Политбюро». (Но и на Пленуме он не зачитал письмо Ельцина, не раскрыл полностью его содержания. Ограничился самим фактом — было письмо. И, значит, подталкивая Ельцина к трибуне, он знал, о чем тот будет говорить!)

Затем Горбачев более спокойно дал оценку выступлению Ельцина: «Видимо, Б. Н. Ельцин оказался не подготовленным к такому посту, и ему сейчас трудно. Но я бы не сказал, что эта работа непосильна ему в перспективе, если он сможет сделать выводы. Но я не услышал от Ельцина ответа на прямой вопрос: способен ли он взять себя в руки и уверенно повести дело. Поэтому я сейчас в трудном положении. Давайте не будем сгоряча решать этот вопрос. Предложение: первое — признать выступление товарища Ельцина политически ошибочным. Второе — поручить Политбюро, МГК рассмотреть вопрос о заявлении Ельцина, с учетом состоявшегося обмена мнениями на Пленуме». Голосование. Приняли.

Сейчас, по прошествии времени, анализируя ход Пленума и поведение Ельцина, Горбачева, возникают некоторые вопросы. Прежде всего, не ясно о чем писал Ельцин в письме Горбачеву. Почему Горбачев, имея якобы договоренность с Ельциным, по сути «вытащил» его на трибуну (Ельцин просил слово неуверенно). Чем вызвана была необходимость организации «массового» отпора Ельцину, продемонстрированного Горбачевым? Думаю, что Ельцин не ожидал такой реакции со стороны Генсека. Он, считаю, не хотел «бить горшки» с ним и т. п. Все это не простые вопросы. Вывод — Горбачев сам создал себе оппозицию в лице Ельцина. Чем больше он наносит ему урон, тем быстрее рос авторитет Ельцина. А если учесть самолюбие, властность, жесткий характер Бориса Николаевича, непомерное честолюбие, то эта публичная «порка» нанесла Горбачеву большой вред. Здесь горбачевский маневр дал отрицательный эффект. Ельцин «закусил удила».

* * *

31 октября. Политбюро.

Обсуждение доработанных разделов доклада к 70-летию Октября.

О заявлении Б. Н. Ельцина на Пленуме.

Горбачев информировал Политбюро о разговоре с ним: «На Пленуме Борис Николаевич оценил свое выступление как ошибочное. Вопрос — надо ли изменять решения Пленума? Как

развивались события после Пленума.

Был обстоятельный разговор. Каждый мог высказать свое мнение. Второй секретарь МГК передал об их отношении к нему (Ельцину), что бюро осуждает выступление и заявление об отставке, выразило претензию, почему предварительно не посоветовался с ними о своих намерениях. Бюро полностью согласно с решением ЦК, но если спросят Бюро МГК, то оно выскажется, чтобы Ельцин заявление об отставке забрал. Надо не капитулировать, говорят они, а работать. Предложили ему написать заявление и отозвать прежнее».

«Вот такой был разговор, — подытожил Горбачев. Складывается, с его слов, ситуация, что Ельцин в принципе остается на своих позициях, но Бюро-де просит, и если надо, то он подчинится. Давайте сегодня ничего не будем пока менять. Есть поручения Пленума рассмотреть на Политбюро и МГК. Надо спокойно и серьезно разобраться с учетом разговора с Ельциным». Согласились.

9 ноября, понедельник. В 13.30 срочно пригласили в Кремль.

В кабинете Горбачева собрались члены Политбюро: Лигачев, Громыко, Рыжков, Воротников, Чебриков, Шеварднадзе, Соломенцев, Яковлев.

Сообщение Лигачева. Ему позвонил второй секретарь МГК (по-моему, Белянин) и сказал, что у них ЧП. «Госпитализирован Ельцин. Что произошло? Утром он отменил назначенное в горкоме совещание, был подавлен, замкнут. Находился в комнате отдыха. Примерно после 11 часов пришел пакет из ЦК (по линии Политбюро). Ему передали пакет. Через некоторое время (за пакетом с визой Ельцина) зашли к нему в комнату и увидели, что Ельцин сидит у стола, наклонившись, левая половина груди окровавлена, ножницы для разрезания пакета — тоже. Сразу же вызвали медицинскую помощь из 4-го управления, уведомили Чазова, сообщили Лигачеву.

О факте знают несколько человек в ГК».

Дополнительно нас информировал и Чебриков. Подтвердил сказанное. Сообщил, что «в больнице на Мичуринском проспекте, куда привезли Ельцина, он вел себя шумно, не хотел перевязок, постели, вырывался. Ему сделали успокаивающую инъекцию. Сейчас заторможен. Спит. Там находится Е. И. Чазов. Что он говорит? Был порез (ножницами) левой стороны груди, но вскользь. Незначительная травма, поверхностная. Необходимости в госпитализации нет. Сделали обработку пореза, противостолбнячный укол, дали успокаивающее».

Вывод: «Факт сам по себе беспрецедентный. Что это? Случайность или срыв? Форма протеста или малодушие? Не

похоже на Бориса Николаевича. Может быть, стремление привлечь внимание?!»

Все эти соображения высказали Горбачев, другие члены Политбюро. Однако что же делать? Факт скрыть не удастся. Станет известно в Москве. Надо принимать решение. Пленум МГК намечен или нет? Дата уже известна. Необходимо решать вопрос, откладывать нельзя. Однако следует подождать дополнительной информации о состоянии здоровья. Новые сообщения врачей — состояние удовлетворительное. Возбуждение после сна пройдет.

Возвратились к факту заявления об отставке на октябрьском Пленуме ЦК. Чем действительно было вызвано это выступление? Неужели только обида, амбиции? Неудовлетворенное стремление к популярности? Члены Политбюро, секретари ЦК стали рассуждать. Обстановка в Москве, особенно в активе, сложилась в последние месяцы не в пользу Б. Н. Ельцина. Взялся он за дело по обыкновению активно, круто. Тезис «все плохо» было при В. В. Гришине сначала срабатывал. Шли разнос и замена кадров. «Закручивание гаек». Хождения в народ — на заводы, стройки, в магазины. Выслушивал, критиковал старые порядки, давал обещания и авансы. Но, видят, время идет, прошло почти два года, а дела не поправляются. Стали спрашивать, где обещанное. Да тут и в ЦК не только помогают, но и критикуют, требуют более результативной работы. К этому не привык Борис Николаевич! (Во время заседания вновь позвонил Е. И. Чазов. И еще раз подтвердил, что порез небольшой, можно 2–3 дня подержать? А вообще — это амбулаторная обработка.)

Опять стали обсуждать, как поступить? Горбачев, другие члены Политбюро склонились к выводу, что налицо депрессия. А может, расчет на сочувствие. Тянуть с решением нельзя, надо вносить вопрос на Пленум МГК, как было поручено Пленумом ЦК. Итоги обсуждения подвел Горбачев. «В принципе решение о том, что Ельцина надо освобождать от работы, как он и сам просит, в Политбюро уже созрело и раньше. Иначе — беспринципность. Сегодняшний день еще раз подтвердил правильность оценок на Пленуме. Убежден, что мы верно поступили, не став (хотя было сильное давление членов ЦК) решать этот вопрос на Пленуме ЦК. Но сейчас откладывать уже нельзя. Надо будет встретиться с секретарями РК, обсудить предварительно на бюро МГК, а затем на Пленуме МГК. Видимо, необходимо поручить это Генеральному секретарю. Как считаете? (Реплики — конечно, ведь это Москва). Хорошо. Будем действовать».

На другой день, 10 ноября, М. С. Горбачев вновь собрал у себя в ЦК членов Политбюро.

Горбачев: «Вопрос один. О кандидатуре на пост первого

секретаря МГК. Нужен известный в партии человек. Я долго думал, с некоторыми членами Политбюро советовался. Есть двое: Л. Н. Зайков и В. И. Воротников. Давайте обсудим».

Я молчу, со мной предварительного разговора не было. Готовлюсь к решительному отказу. Причины: я давно вжился в дела РСФСР. Зачем двоим осваивать новое дело — в Москве и России. Потом, Москву я мало знаю и т. п.

Заговорил Л. Н. Зайков. Стал рассуждать, что надо все взвесить, много дел в оборонном комплексе, но дело Политбюро, если надо, то… (Чувствую, что ему импонирует предложение.)

М. С. Горбачев стал рассуждать о близости проблем Москвы и Ленинграда. «Это два самых крупных центра страны. Бывшая и нынешняя столицы государства. Структура промышленности, наука, творческая интеллигенция. Опыт есть у Льва Николаевича. В то же время надежна кандидатура Виталия Ивановича — такт, умение работать с кадрами, выдержка — это за него. Однако возникает проблема Совета Министров РСФСР, это задача не меньше, а больше Москвы. Туда просто не подберешь человека. Вывод — рекомендовать Л. Н. Зайкова, внести вопрос на Пленум МГК. Что касается оборонных отраслей, то кураторство его над оборонным комплексом сохранить. Оставить его и секретарем ЦК. Как смотрите?»

Выступили члены Политбюро, тоже поразмышляли о мнении Горбачева, активно поддержал это предложение и я. Сошлись, что такое решение верное. Л. Н. Зайков: «Ну, если надо, то… но прошу поддержать и помочь, если изберут». Это предложение было принято затем и на заседании Политбюро.

* * *

18 ноября. Беседа у Рыжкова. Обсудили с ним положение с торговлей и производством винно-водочных изделий. Ситуация все более осложняется. Сказал, что имел беседу с Горбачевым. Он вроде понял меня, что нужно затормозить эту «кампанию», поручил подготовить записку. Зная отношение Рыжкова к этому делу, его позицию на Политбюро, предложил: может быть, подготовим вместе? «Нет, — сказал Николай Иванович, — давай ты, а я поддержу».

Во второй половине дня мне позвонил Горбачев. Повел разговор о трудоустройстве Ельцина. Коротко рассказал, как прошел Пленум МГК: «Есть мнение — назначить заместителем председателя Госстроя СССР. Думаю, не стоит его списывать, строительство он знает, надеюсь, что эта встряска пойдет ему на

пользу. Товарищи поддерживают, как твое мнение?» Согласен. «Ну ладно, буду вносить на Политбюро». Еще раз Горбачев вспомнил происшедшее 9 ноября: «Надо ж додуматься до такого поступка! Сколько с ним возились! Беседовали, обсуждали. Вот характер!»

23 ноября. У М. С. Горбачева в ЦК КПСС.

Еще раз информировал его о состоянии производства и торговли винно-водочной продукцией. Больше медлить с решением нельзя. Предложил обсудить на Политбюро. Он позвонил помощнику, В. Болдину: «Встревожен информацией, о которой говорит Воротников. Так ли это?» Тот подтвердил ситуацию. Я передал Горбачеву записку с предложениями — не планировать дальнейшего снижения производства алкогольных напитков на 1988 год. Он почитал, потом говорит: «Согласен, давай направляй ее официально в Политбюро». (После беседы я доработал текст записки и 27 ноября направил в Политбюро.)

Потом Горбачев заговорил о Ельцине: «Назначили его в Госстрой, там работы масса, а он пока делом не занимается. Ищет сочувствия. Идут встречи с различными группами недовольных, дает интервью».

27 ноября направил в ЦК КПСС записку «О последствиях антиалкогольной кампании в РСФСР». Вот вкратце ее содержание:

«Постановлением Совета Министров от 7 мая 1985 г. определено, начиная с 1986 г., снижать ежегодно производство ликеро-водочных изделий на 21 млн. дкл. и низкосортных крепленых вин на 11 млн. дкл., то есть за 12-ю пятилетку уменьшить их производство соответственно на 105 и 55 млн. дкл. Фактически это задание уже перевыполнено за 2,5 года! Продажа водки и винно-водочных изделий сократилась в 2.1 раза, вина — в 3,3 раза. Потребление спиртных напитков на одного жителя в пересчете на алкоголь (абсолютно), по данным ЦСУ, снизилось с 10,45 литра в 1984 г. до 4,23 в 1987 году.

По данным ЦСУ, снизилось потребление алкоголя, закупаемого в системе госторговли. Но выявились и серьезные негативные процессы. Сокращение числа магазинов (в 10–15 раз) привело к многочисленным очередям. Бурно выросла спекуляция винно-водочной продукцией. Самогоноварение захватило не только сельское, но и городское население. Реализация сахара в 1987 г. выросла с 1985 г. почти на 1 млн. тонн, или на 25 %. Остатки сахара сократились в розничной торговле в три раза. В большинстве областей торговля сахаром идет с перебоями, установлены дневные лимиты, вводятся талоны. Вырос значительно спрос на конфеты, карамель, пряники, используемые, как и сахар, на самогоноварение.

По расчетам ЦСУ, основанным на выборочном обследовании, только в 1986 году на самогоноварение было израсходовано более 400 тыс. тонн сахара, из которого произведено 500 млн. литров спиртного, что на 80 % восполнило продажу водки, не считая самогона, браги, произведенных из других видов сырья. Так что снижение потребления винно-водочных изделий является мнимым. Особо следует подчеркнуть рост продажи спиртосодержащих и химических товаров. Продажа одеколона, лосьонов увеличилась в 2,2 раза, парфюмерных лаков — в 1,5 раза, зубной пасты — в 1,3 раза, предметов бытовой химии (дихлофос, «Лана», клей «БФ» и др.) — в два с лишним раза. Нет в продаже ацетона. Значительно (на 70 %) выросло количество выявленных наркоманов и токсикоманов, в том числе среди несовершеннолетних в 2,3 раза.

Приведенные факты требуют более глубокого анализа и корректировки принятых мер. Очевидно, что нам не удалось обеспечить комплексный подход к решению этой задачи. Усиление экономических, запретительных мер и санкций административного характера не дали желаемых результатов. Считаю необходимым обсудить этот вопрос в ЦК КПСС».

* * *

24 декабря. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Записка В. И. Воротникова от 27 ноября о состоянии выполнения постановления по борьбе с пьянством. Заслушали мою информацию о негативных процессах, сопровождающих эту борьбу: «Надо сделать глубокий анализ состояния проблемы. Необходимо остановиться, не планировать дальнейшее снижение производства винно-водочных изделий на 1988 год».

Стали обсуждать. Большинство поддержали оценку «борьбы» и выводы записки. Что говорили Рыжков, Зайков, Лукьянов, Никонов, Шеварднадзе? «Резко увеличилось самогоноварение. Привлечено к ответственности более 500 тыс. человек, изъято один миллион самогонных аппаратов. Самогонщиков лишают премии, очереди на квартиру и т. п., но и эти меры эффекта не дали. Продолжают пить всякую сивуху, масса фактов отравления. Около винных магазинов давка, их охраняют десятки тысяч милиционеров. Возмущение населения выше всяких пределов. Проиграли потому, что набрали небывалые темпы, перешли «критическую массу», что и обострило обстановку, дезорганизовало торговлю. Органы КНК, КПК увлеклись разносом, наказанием кадров местных органов власти,

работников торговли. Неоправданно идет уничтожение виноградников старинных винных сортов. Не учитываются веками сложившиеся традиции на юге страны. Таким образом, пьянство не снизилось. Потери бюджета за один 1987 год составят 6 млрд. руб. Надо остановиться. Не планировать дальнейшее снижение производства винно-водочных изделий».

Громыко: «Нужно активнее использовать воспитательные меры: поднять общественность, печать. Но нельзя и не реагировать на возмущение народа».

Лигачев: «Застойные явления укрепились в пьянстве. Потери в товарообороте из-за того, что не выполняются планы производства товаров. То же и виноградники — медленно идет обновление на столовые сорта. Людей тревожит другое — ослабление борьбы с пьянством. Мы столкнулись с трудностями. Да, это так. Надо собрать совещание руководителей, обсудить, наметить меры».

Соломенцев: «Не согласен с оценками ситуации. Считаю, что надо продолжать борьбу, «драться» за трезвость».

Горбачев: «Решение было правильное. Принципиальную линию менять не будем. Но не учитывать ситуацию нельзя. Самогоноварение приобрело колоссальные размеры. Пить стали не меньше, так как пьют домашнее зелье, которое не учитывает ЦСУ. Растет наркомания, токсикомания. Видимо, мы переоценили успех на первом этапе. Одни административные меры эффекта не дадут, пьянка загнана в быт. Неоправданно сократили вино, пиво. Надо полнее использовать в антиалкогольной кампании печать. Думаю, следует на 1988 год не давать дальнейшего снижения. Пиво, шампанское, сухое вино, может быть, даже чуть поднять. Открыть дополнительные магазины. Навести порядок».

Приняли протокольное решение.

* * *

31 декабря. Политбюро, скорее беседа в ЦК у М. С. Горбачева.

Горбачев: «… Вновогоднем обращении надо быть объективным. Продвижения есть, но не равномерно. Экономика далеко не удовлетворяет наши потребности. Много проблем.

Этот год вывел нас на новый уровень демократизма. Крепнет уверенность народа, что этот путь надо продолжать и укреплять. В столкновении мнений, в острых ситуациях нигде не стоял вопрос об отходе от курса перестройки, о власти, о социализме. Наоборот — приверженность нашим ценностям, стремление сделать лучше. Есть, конечно, и явные противники политической

системы, желающие смены строя. Но это единицы. (Кто они? Покажет время.)

Вывод. Партия, кадры не должны отставать от позиций и интересов народа. Необходимо своевременно реагировать, не ожидать обострения. В демократических условиях будет борьба, подсчет, кто что стоит, и т. д. Надо спокойно разбираться, принимать решения, но не паниковать.

Политбюро показало свою способность вести перестройку. Но многие старые болезни не изжиты. Слово не всегда выражает дело. Нужна обстановка товарищества, взаимодействия, но и требовательности, ответственности. Раз мы говорим о революции, то речь идет о борьбе. О борьбе с консерватизмом, с забеганием вперед. Все эти процессы обостряют восприятие общества в идеологической сфере. Необходимо идеологически обеспечивать перестройку. Как уйти от догматизма, осваивать новое, но не допускать и буржуазной либерализации, исходить из наших, социалистических ценностей.

Таким образом, 1987 год создал большие заделы, надо реализовать их. Надо двигаться вперед».

Затем высказались члены ПБ. Говорили о недостатках, проблемах, ошибках. Уже стали проявляться сомнения, беспокойство за будущее.

Этим разговором завершился 1987 год.

1988 г. Политическая реформа. Удар по «нервным центрам» советской системы

Особенность 1988 года заключалась в том, что он обозначил, я бы сказал, надлом в самом перестроечном процессе, в его направленности, в его восприятии обществом.

Надлом, последствия которого оказались драматическими.

В 1988 году стали острее ощущаться трудности в экономике, вышли наружу национально-территориальные проблемы, ранее проявлявшиеся подспудно. В этом году был сделан упор на политических преобразованиях, реформах в государственных структурах, в партийном строительстве. На первый план вышли идеология, «новое мышление» в делах внутренних и внешних, стали звучать глуше социалистические лозунги. Еще раз хочу повторить, что наши внутренние проблемы носили не только экономический, но и политический характер.

Расширение прав предприятий обернулось ведомственным, а кое-где и местническим эгоизмом. Тенденция развития договорных отношений не укрепила, а ослабила связи между предприятиями, особенно расположенными в различных республиках. Нарастали требования экономической самостоятельности.

Причем, интересная вещь, каждая союзная республика считала именно себя обделенной в рамках Союза ССР. Но, спрашивается, кто же тогда выиграл? Пошли намеки и упреки в адрес России. Она-де своими имперскими действиями «обирала» другие республики. Явно антисоветскую, сепаратистскую позицию заняли «народные фронты» в Прибалтике, им потакали лидеры Компартий этих стран. Обострялись межнациональные отношения в Прибалтике, в закавказских и среднеазиатских республиках.

Так что эйфория первых лет перестройки стала не только идти на убыль, а в 1987 и, тем более, в 1988 году уже появилась озабоченность, беспокойство за судьбу перестройки в том виде, в котором она намечалась изначально. Высказывания и вопросы по этому поводу, звучавшие на Пленумах ЦК, различных совещаниях, слова о том, не отклоняемся ли мы от выбранного курса, туда ли идем, вызывали резкую, грубую реакцию со стороны Горбачева. Возникал вопрос: что делать? За какой конец нити браться, чтобы распутать этот сложный клубок?

Горбачев и близкие к нему члены Политбюро настойчиво утверждали: путь дальнейшей демократизации, гласности, самоуправления лежит через немедленные политические реформы. Тезис, что развитие экономики тормозится консерватизмом политических структур, что необходима радикальная политическая реформа, стал во главу угла. И разгорелся «пожар» говорильни. Митинги, съезды, конференции, совещания, собрания и т. п. Острее стали проходить заседания Политбюро. Горбачев все больше, особенно после марта 1988 года, отходит от Лигачева, других «консерваторов». Его все плотнее окружали новые люди, более приверженные к радикальным «демократическим» изменениям. Что они понимали под этими изменениями, стало ясно позже. Горбачев провел серьезную перетряску кадров в ЦК и Политбюро.

Именно в 1988 году он окончательно стал на путь переориентации перестройки, что и привело к известным крутым переменам в 1990–1991 годах.

* * *

7 января. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Подвели итоги деятельности Секретариата и Политбюро за 1987 год. Горбачев выступил за сокращение числа заседаний Секретариата. Не брать в повестку хозяйственные вопросы. Больше внимания — организации исполнения решений ЦК.

Он чувствовал, что Секретариат начал «подпирать» не только Совмин, но и Политбюро. Лигачев в силу своего властного характера прибирал к рукам все больше власти. На Политбюро часто возникали острые стычки между ним и Рыжковым, который сначала деликатно, а потом все более резко стал отбивать эти попытки. Безапелляционные заявления Лигачева нередко возмущали членов Политбюро. Были у него споры и со мною. Причем иногда он «дергал» людей по мелким вопросам. Так что предложение Горбачева, вроде и обоснованное, преследовало, на мой взгляд, основную цель — ослабить позиции Лигачева в Политбюро.

Уважая бесспорную честность, порядочность, высокую работоспособность Егора Кузьмича, я, как и ряд других товарищей, не мог мириться с практикой постоянного нажима. С разного рода накачками, проверками, отчетами. Причем он всегда был убежден в правоте своего мнения. Часто это было верно, но нередко было неверно или не совсем верно. В определенной мере Лигачев восстановил против себя ряд товарищей, чем преотлично

сыграл на руку своим настоящим идейным противникам, в частности Яковлеву. Что тот использовал в марте 1988 г. Но об этом ниже.

24 марта. Заседание Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

О ходе выполнения постановления ЦК о мерах по повышению устойчивости зерновых хозяйств, увеличению хлебофуражных ресурсов в 12-й пятилетке. Докладчик В. П. Никонов.

За повесткой, после того как ушли приглашенные, Горбачев поднял вопрос о статье Нины Андреевой в «Советской России» от 13 марта «Не поступиться принципами» (таким, кажется, было ее название). Спросил, читали ли? Кто сказал — читал, кто — не читал, кто — читал невнимательно. Горбачев повел речь о том, что «Эта статья не простая. Она носит деструктивный характер, направлена против перестройки. Не ясно, как она появилась в газете. Кто смотрел или нет ее в ЦК? Насколько меня информировали, смотрели, — подчеркнул Горбачев, — даже, мол, после опубликования рекомендовали обсудить статью в партийных организациях. Что же это такое?!»

Он все более накалял обстановку. У многих товарищей, в том числе и у меня, — недоумение, чем вызван такой эмоциональный всплеск. Только ли материалами статьи как таковыми или ситуацией вокруг статьи, поддержкой ее тезисов кем-то из руководства ЦК.

«Давайте обсудим. Нельзя накапливать недопонимание, — продолжал Горбачев, — на нас лежит огромная ответственность, меня взволновала не только статья, а реакция некоторых товарищей, вроде кто-то признал эту статью как своего рода эталон. С этим я согласиться не могу».

Вот такими словами Горбачев предварил обсуждение. Признаться, я был несколько озадачен. Почему такие резкие оценки, необычная взволнованность, напор? Потом стало понятно, что дело не только в статье, хотя, конечно, и она несла в своих выводах характер, контрастирующий с проводимой Горбачевым линией перестройки. Дело было в том, чтобы, во-первых, гласно и резко поставить «на место» Лигачева, учитывая его «причастность» к появлению статьи. Во-вторых, а может и во-первых, выступить всеми средствами массовой информации, в том числе в «Правде», в поддержку перестройки по Горбачеву, ударить по все более громким в последнее время голосам критики, по тем, кто сомневался, туда ли мы ведем перестройку, не отошли ли от ранее провозглашенной линии. «Консерваторы» — так называл их Горбачев. Был или нет до Политбюро разговор с Лигачевым — не знаю.

Реакция Лигачева — смягчить ситуацию: «Да, статья была в

ЦК, написана не вчера. У редактора Чикина лежала несколько дней. Он советовался. Ему сказали — решай сам. Никаких установок никто не давал. Редакция сама решила напечатать. Что касается обсуждения в парткомах, то здесь также ЦК не вмешивался. Отметаю всякие домыслы на этот счет. Что касается содержания статьи, то с ней можно согласиться или нет…».

Примерно в таком духе, сжато, коротко выступил Лигачев.

Подал реплику и я: «Статью смотрел, правда, прочел «по диагонали». Давайте не накалять страсти. Почему сразу такая реакция? Какая-то шоковая ситуация складывается. Надо всем прочитать внимательнее и потом обсудить. Верно, нельзя ее обойти молчанием, но надо спокойно и глубоко разобраться в статье и ситуации вокруг нее. Мне неизвестна предыстория ее публикации, а также то, что были какие-то поручения и обсуждения статьи. Мы уже давно решили дать свободу публикации редакциям».

Моя миротворческая реплика только подлила масла в огонь. Горбачев «завелся»: «Нельзя так спокойно реагировать на эту подстрекательскую статью. После февральского Пленума идут дискуссии. Я выступил там по идеологическим вопросам — с согласия Политбюро. Статья же направлена против перестройки, что можно, мол, обойтись и без нее! Если и мы так думаем, то надо все менять? Так ведь выходит!»

После реплик некоторых других членов Политбюро решили пока на этом остановиться. Почитать. И завтра обсудить обстоятельно.

* * *

25 марта. Заседание Политбюро. Продолжение обсуждения статьи Нины Андреевой. Для анализа статьи Горбачев предоставил слово Яковлеву.

Именно Яковлев сделал примерно 20-минутный разбор статьи. Спокойно, рассудительно, менторским тоном.

Основываясь на вчерашних оценках Горбачева, он еще более резко, буквально по пунктам «разбил» базу и выводы статьи, показал ее вред для перестройки. Как неприкрытую попытку обелить прошлое, стремление, опираясь на Маркса, Ленина, обосновать неприемлемость ряда перестроечных новаций и т. д. Яковлев считал, что «такая» статья не должна была появиться в печати. (А как же плюрализм?!) Что необходима публичная реакция, ответ Андреевой. «И вообще, — заявил он, — есть ли в жизни такой автор — Нина Андреева? Уж больно хлестко

написана статья». Горбачев подал реплику: «В Ленинграде есть химик Нина Андреева. Если она автор, то кто ей помогал?» (Вот даже такие были учинены розыски, в духе худших времен. Но для «демократии» — все доступно.)

Так началось обсуждение. Многих из нас после внимательного прочтения статьи действительно насторожил ряд явно двусмысленных положений, стремление автора с марксистско-ленинских позиции «разделать», в принципе, перестроечный процесс. А мы же верили в него. Тем более, мы (и я в том числе) полагали тогда, что все, или почти все, мы делаем правильно. Поэтому выступавшие не могли во всем согласиться с Н. Андреевой. Некоторые считали необходимым дать обоснованную отповедь ей. В то же время многих, и меня также, несколько озаботила такая «ударная» реакция Яковлева. Причем было ясно, что она направлена не столько против статьи Н. Андреевой, сколько против Лигачева.

При всем своеобразии характера Егора Кузьмича, его настырности, напористости, безапелляционности суждений, вряд ли его тогда нужно было выставлять человеком, противодействующим перестройке (по сути) и избравшим якобы для этого статью Н. Андреевой как пробный шар. Статья стала отличным поводом для укрепления позиции Яковлева в борьбе с «консерватизмом» как «основным тормозом перестройки». Это позволило убедить Горбачева в необходимости дальнейшего развития демократического движения, политических реформ и одновременно скомпрометировать Лигачева, что было нужно Яковлеву, да и Горбачеву.

Вот такие у меня сложились впечатления тогда. Весь ход дальнейших событий подтвердил это. Горбачев стал все более приближать к себе Яковлева. Он сопровождал его в поездках и ранее, но теперь большинство, если не все основные вопросы он предварительно обсуждал не только с Лигачевым и Рыжковым, как раньше, но и с Яковлевым. В дальнейшем Горбачев значительно ограничит деятельность Секретариата ЦК, то есть Лигачева. Хотя до сентября проводил заседания по инерции Лигачев. Затем работа Секретариата заглохла. За год провел два-три заседания сам Горбачев, а потом, с октября 1989 года, очень редко — В. Медведев. Поручив Лигачеву (вместе с Никоновым) вести вопросы сельского хозяйства, Горбачев отодвинул его в сторону от важнейших политических дел.

* * *

Но вернемся к заседанию Политбюро.

После информации Яковлева выступил Рыжков: «Период сейчас ответственный и сложный. Наш принцип — не уходить от острых и трудных вопросов, анализировать и решать их. Статья определяет отношение к перестройке. В ней просматривается идея, что все раньше шло нормально, зачем же перестройка. Вроде бы это был искусственный шаг. Затем — не далеко ли мы зашли в демократизации и гласности. Я не согласен с такими взглядами. Именно гласность помогает вскрывать недостатки. Но я также считаю, что поддаваться панике по поводу какой бы то ни было статьи недопустимо. Что же мы призываем зажать все? (Жест в сторону Яковлева.) Это тогда будет гибель перестройки. Дело партии, Политбюро управлять политическим процессом. Идет поляризация политических сил в оценках прошлого, личности, избранного пути сегодня и т. д. Необходимо усилить идеологическую работу. Это дело партии. Надо подумать о расстановке сил в Политбюро. У нас двойственность в руководстве идеологической сферой (Лигачев и Яковлев) и сельским хозяйством (Никонов и Лигачев). Надо Михаилу Сергеевичу разобраться с расстановкой сил в Политбюро». (Вот здесь, по моему мнению, Николай Иванович покривил душой. Предложение это — не по просьбе ли Горбачева?)

Чебриков: «Настроения в обществе разные. Ожидание перемен. Негативные оценки не носят устойчивого характера. Советологи берут на вооружение т. н. эффект нереализованных ожиданий. Цель — накалить обстановку в стране. Поэтому на сегодня главное — практические дела. Необходимо единство в Политбюро. В прессе всего много. Есть хорошие, есть плохие публикации, есть кощунственные спектакли — «Брестский мир», где образ В. И. Ленина искажен. Партийная печать втягивается в групповщину. Появляются легковесные статьи, с подачи родственников, свидетелей (через журналистскую призму). Многое ведь и «тайна», поэтому вовсю развенчивают Кремль. На февральском Пленуме говорилось: «плакальщики по социализму». Это в определенной мере относится и к этой статье. Все трудности впереди. Все только начинается. Мы не вправе шарахаться из стороны в сторону. На Политбюро огромная ответственность не подвести людей. Достаточно ли мы делаем для нового этапа перестройки?»

Зайков: «В московской печати много публикаций разного толка. В отношении указаний в горкомы изучать ее. Не знаю, таких указаний мы не давали. Обстановка в партийных организациях сложная, есть примеры взрывной реакции на необъективные оценки и действия, имевшие место при Ельцине.

Считаю, что нам надо дискутировать, но крепить единство. Упрямство — это не метод. Надо бережнее относиться друг к другу».

Воротников подчеркнул, что «в статье, действительно есть двусмысленности и неприемлемые вещи. Но в то же время — ведь редакция вправе печатать, что считает нужным, и отвечать за это. Мы давно отошли от просмотра и согласования в ЦК и Политбюро всяких материалов. Хотя раньше все выступления членов Политбюро предварительно рассылались, рассматривались. А сейчас — на свою ответственность. Меня в определенной мере беспокоит такая нервная реакция на статью. Чего только не читаешь! Согласен, что нельзя оставить статью без внимания. Как это сделать, давайте обсудим».

Медведев: «Восприятие происходящего в стране и его отражение в прессе не может быть однозначным. Это естественно, так же как и стремление обсудить, поспорить. Это и есть социалистический плюрализм мнений. К этому надо привыкать и способствовать тому, чтобы он приводил к желаемым результатам. Но вести дело правдиво, честно, искренне, без злорадства и передергивания. В статье не нашлось ни одного слова о перестройке по существу. Просматривается негативное отношение к ней. Она отражает позицию догматических, консервативных сил. Нужно дать аргументированный ответ в печати».

Щербицкий в основном поддержал оценки. Обратил внимание на необъективные, непроверенные выступления печати, привел ряд примеров.

Соломенцев стал пространно рассуждать о серьезных недостатках в идеологической сфере (спектакли, кино, эстрада, бульварная пресса) в нравственноэтическом плане: «Они развращают молодежь, пропагандируют низменные инстинкты. Теперь о статье. Что же можно сказать…» тут Горбачев резко перебил его: «Дело не в статье. Дело в том, что ее представляют как эталон, рекомендуют изучать, перепечатать! Вот в чем суть, вот что встревожило нас! А вы все статья, статья…» Соломенцев не стал продолжать и сел.

Долгих: «Все мы за перестройку — альтернативы нет. Но дискуссии — это ведь неизбежно, от этого не уйти. Сегодняшнее обсуждение — в русле такой политики. Должна быть культура дискуссии. Демократия, коллегиальность начинаются с Политбюро. У нас именно «новое единство». Гласность и демократия неотделимы от наших целей и задач, но не беспредельны».

Никонов: «Короткий разговор, две-три минуты, о статье был

перед Секретариатом 15 марта. Что статья необычная, что следует вчитаться. Никакого обсуждения на Секретариате, поручений и т. п. не было. Но ведь сколько негативных материалов другого плана в печати, оплевывается все святое, и молчим. Надо принципиально разобраться со всем, что мешает перестройке».

Шеварднадзе: «Статья примитивная. Но если это социальный заказ — вот что опасно. Обстановка осложнилась в социалистических странах, в рабочем и коммунистическом движении. На них отражается и то, какова ситуация у нас в стране. Нам надо помнить всегда, у руля чего мы стоим. Всегда помнить». Затем он повторил высказывание Рыжкова о недопустимости параллелизма в руководстве, в кадрах ЦК: «То же в Верховном Совете — комиссии возглавляют секретари ЦК. Надо упорядочить».

В общем, выступили все члены Политбюро, секретари ЦК.

Лигачев на этот раз не проронил ни слова.

Горбачев: «Я высоко ценю сегодняшний разговор. Все выступления проникнуты заботой о судьбе перестройки, хотя не все сказанное бесспорно. В главном, в основном — единство. Что хочу отметить. Мне как Генсеку надо быть ближе к аппарату ЦК, к Секретариату ЦК. Необходимо самокритично сказать. Надо, видимо, бывать и проводить заседания Секретариата.

О статье. Сама по себе она могла быть. Но как она появилась? Ведь это попытка подправить Генсека и решения февральского Пленума. Кто здесь инициатор? Или редактор, или кто-то его вдохновляющий. Автор не способен ее написать. Я уверен». (Вот так считал Горбачев). «Нужен ответ в «Правде». Все, что сегодня сказано, надо связать во всем контексте, не обелять культ личности. Сказать шире о теории, психологии и т. п., то есть о концепции. Выходит, что все было хорошо, нужна ли была перестройка. Не слишком ли далеко ушли мы в демократии и гласности. Вот о чем речь в статье. Отступление от линии перестройки — самое большое предательство. Так стоит вопрос. Великое счастье, что мы участвуем в ней.

Как решить задачи перестройки? Ведь были и раньше попытки. Почему не реализованы? Потому, что не был включен народ, а это возможно через демократию и гласность, через нравственную атмосферу, поставив в центр человека. Кого мы боимся? Своего народа! Не верим в его опыт и ответственность?! Даже в событиях в НКАО никто не выступает против перестройки, против социализма. Хорошо, что идет дискуссия. Именно этим мы привлекаем на свою сторону людей. Но наши кадры во многом не умеют решать вопросы по новому. Главная задача для нас — овладеть политическими методами руководства. Это дело всей

партии. (Реплика в мою сторону: «Виталий Иванович, мы тебя освободим от озабоченности!) О статье в «Правде» — надо ее серьезно подготовить».

Так завершился этот принципиальный разговор. Подтекстов много. Они потом проявились явственнее. Произошли и организационные выводы, перемещения.

* * *

8 апреля. Встретился с Леонидом Максимовичем Леоновым по его просьбе. Состоялась интересная, продолжительная беседа. Он говорил о своем восприятии перестройки: «Дело необходимое, нужное. Но процесс идет противоречиво. Всколыхнул много дремавших негативно настроенных сил. Задачу руководство страны взяло на себя чрезвычайно ответственную. Как бы не ошибиться, — сказал он. — Образно выражаясь, «не пришлось бы менять мотор в полете». Нельзя отрекаться от прошлого. Оно сидит в нас, нужен такт, осмысление, очищение, надо отделить хорошее от плохого. Общество стало менее интеллигентно. Идет жестокая борьба в творческой среде. Это чрезвычайно волнует. Дрязги, групповщина погубят художника, творца. Нужен обстоятельный разговор с Горбачевым. Вы, пожалуйста, вникните в проблемы России».

Я пытался как мог успокоить Леонида Максимовича — живого классика русской литературы.

5 мая. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

О некоторых вопросах советско-германских документов 1939 года, касающихся Польши.

Информация Л. Ф. Ильичева — МИД, Г. Л. Смирнова и В. А. Медведева.

Они подтвердили, что данных о наличии оригинала протокола к договору нет. На Западе распространена копия. Подтвердить или отвергнуть ее — нет оснований. Смущает даже то, что подпись под этим документом В. М. Молотова латинским шрифтом. Так он никогда не подписывался.

Громыко: «Имел две беседы с В. М. Молотовым. Он не подтвердил и не отверг наличия секретного протокола (публикации в печати на этот счет были). То же и в беседах с Н. С. Хрущевым — ни да, ни нет. Возникает вопрос, знал ли он или нет? Некоторые считают, что документы были и одобрены двумя сторонами. Должен подтвердить — я был ответственным за публикацию всех документов, но этих не было, я их не видел.

Предлагаю дать публикацию о том, что «копии» есть.

Оригиналы — не ясно, сохранились или нет. Продолжить поиск».

Горбачев вел себя весьма сдержанно. Не стал, по обыкновению, рассуждать, анализировать все «за» и «против», не вступил в полемику, а заявил так: «Ограничимся обменом мнениями. Если будут документы, вернемся к обсуждению».

О мерах по обустройству мест захоронения польских и советских граждан в Катыни. Горбачев ограничился одной фразой: «Есть необходимые поручения смоленским властям и Минобороны».

12 мая. Заседание Политбюро.

В «Ореховой». Горбачев: «Осложняется обстановка в Эстонии. Нарастает критика В. Вайно. Был разговор с ним. Необходимо рассмотреть их экономические проблемы. Демократические преобразования в ходе перестройки идут активно. Беспокоит национальный вопрос. Нужно туда поехать кому-то из членов Политбюро. Пошлем Слюнькова».

По повестке.

О консервации строительства Кавказской перевалочной железной дороги.

Это была настоятельная просьба Грузии. Они экономически обосновали в свое время необходимость такого строительства, чтобы сократить железнодорожный путь по побережью. Разработали проект, создали специализированную строительную организацию, обустроили базу. И уже проделали немалый объем работы. Сейчас — резко отрицательное отношение к этому в республике. Возникли опасения, что таким путем объединятся Северная и Южная Осетия. Дорога идет через Северную Осетию к Южной Осетии и Грузии. (Так национальный вопрос перекрыл путь экономике). Решили поручить Совету Министров и Госплану, Академии наук, МПС совместно с ГССР рассмотреть и дать заключения.

23 мая. Пленум ЦК КПСС.

Повестка. Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции.

Докладчик М. С. Горбачев. Он доложил кратко.

Обосновал необходимость обсуждения на конференции вопроса о том, как сделать необратимой революционную перестройку. Сказал, что публикация тезисов открывает дискуссию в обществе по принципиальным вопросам перестройки.

На Пленуме Генсек их доложил с некоторыми дополнениями. Выступления были активными, мнения противоречивыми. Тема

задела за живое. Смысл тезисов был не всеми понят и поддержан. Многие были не согласны с обоснованием предлагаемых преобразований. Таким образом, даже члены ЦК оказались не готовыми к восприятию таких реформ.

Горбачев не стал вдаваться в разъяснения: «Считаю, что тезисы в основном поддержаны. Замечания, правда, есть. Надо кое-что уточнить и опубликовать. Согласны? Да. Теперь, о резолюциях конференции. Видимо, надо принять их несколько. Согласны? Тогда все».

Быстро провернул Михаил Сергеевич этот Пленум, а зря. Конференция показала, насколько поспешно был внесен на обсуждение этот радикальный вопрос, касавшийся реорганизации политической системы в стране.

* * *

20 июня. Внеочередное Политбюро. Ведет М. С. Горбачев.

Обсуждение проекта доклада на XIX Всесоюзной партконференции. Он был предварительно разослан по Политбюро. Приняли за основу. Выступили все.

Лигачев: «Реформа политической системы впечатляет своими новаторскими идеями. Цель конференции не только неотвратимость перестройки, но и углубление ее. Но нужна не только реформа политической системы, но и экономическая реформа. А взаимосвязи их в докладе нет. Следует сильнее сказать о социальных проблемах, особенно на селе. Советы. Совмещение постов первого секретаря и председателя Совета — сомнительно. Это значит возложить на первых секретарей политическую ответственность за деятельность Совета. Согласовывается ли это с разделением партийных и государственных функций? Нет, не согласовывается. А мы об этом говорили. О печати, так называемое «литературное наездничество» налицо. Нужен закон о печати».

Чебриков: «Самовыдвижение кандидатур в депутаты — непривычно это. Может быть навал безответственных говорунов. О национальных районах, поселках, сельских Советах — предлагаю это опустить».

Воротников: «Многие вопросы требуют дополнительной проработки. Например. Съезд один раз в год — это же видимость демократии. Нужен ли он? Ведь 2250 депутатов — много, будет митинговщина, а не деловое обсуждение. Да это и еще одна бюрократическая надстройка власти. Теперь, Верховный Совет, по сути, избирают выборщики. Как бать с представительством

национальных и территориальных образований — нужна квота. Иначе в Верховном Совете может не быть представителя какой-то области, округа.

О функциях Председателя Верховного Совета: формирует Совет Министров, подготавливает законы, возглавляет Совет обороны и другие «традиционные» обязанности. Таким образом, это, в сущности, Президент, как сейчас Генсек. Надо подумать, не многовато ли прав и обязанностей. О структуре власти в союзных республиках — «можно иметь съезд или не иметь». Это правовое неравенство республик. Таким образом, предлагается коренное изменение политической и государственной структур власти в стране. Для такого решения необходим всенародный референдум. Готовы ли мы к нему? Кто затем подведет итоги референдума — чрезвычайный съезд? Вывод — надо все осмыслить. Много неясного, не проработанного, а осталась неделя! Спешим!

О Советах. Необходимо развивать правовые нормы в АССР и в областях. Но они должны иметь и различия. У АССР — больше полномочий. Еще одно. Президиум Совета — обладает правом контроля над исполкомом. Это значит — постоянные конфликты и вмешательство в функции исполкома. Председатель Совета — первый секретарь обкома, через бюро обкома может воздействовать на исполком. Считаю, что никто не может вмешиваться в действия исполкома, если они, эти действия, в рамках закона. О финансовых ресурсах Советов — не ясно, где их брать? Никакие права без экономических условий ничего не дадут.

О структуре Советов в РСФСР — надо рассмотреть отдельно. У нас же нет своей партии, кто будет объединять функции в руководстве республики? Также не ясно, что меняется в организационной структуре. О разграничении функций — декларация, «ни одного государственного, хозяйственного, социального вопроса партийные комитеты не могут решать помимо Совета». Возможно ли это? Да и вообще предлагается везде объединить государственные и партийные функции (секретарь — он же председатель). Согласен с Егором Кузьмичом. Говорим о разделении функций партии и Советов, а должности объединяем? Нелогично.

О принятии Советами на себя всей полноты власти. Готовы ли государственные структуры сегодня к этому? (Правовая база, кадры, состояние экономики, общественное мнение и т. п.) Дело не в том, чтобы скорее реорганизовать, а в том, чтобы политические преобразования переварить. Получить положительный экономический и политический эффект.

Вывод. Вопросов много. И принципиальных, и, может быть,

наивных. Проблема политического реформирования назрела, но какова должна быть глубина реформы, масштабы, сроки проведения и т. п. Надо все это осмыслить, чтобы дошло до сознания. Времени нет. Может быть, не все предложения по реорганизации выносить на XIX партконференцию? С чем-то повременить?»

Горбачев: «Давайте в принципе согласимся с тезисами доклада ЦК на XIX партконференции. Поступившие принципиальные предложения рассмотреть и доклад доработать». (Как можно доработать за неделю?).

2. О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества.

3. Докладчик по обоим вопросам М. С. Горбачев.

Материалы конференции известны. На председательском месте находился А. Н. Яковлев. Это уже определяло его новое положение в Политбюро. Скрытое становилось явным.

Выдержки из некоторых выступлений.

Г. В. Колбин: «Как действовать партийным работникам в новых условиях разделения прав с Советами? Не все к этому готовы. Последнее время идут откровенные нападки на партийные кадры. В дискуссиях — попытки подавить инакомыслие. Надо развивать и укреплять партийное товарищество».

В. В. Карпов: «Появился ряд книг известных писателей. Они работают на перестройку. Наряду с серьезными статьями в критике поднялся крик, как на коммунальной кухне. Групповщина. Статьи пишутся «на уничтожение». Интриги, доносы, клевета! Здесь — борьба за власть. Карьеризм и национализм. Но игра идет «в одни ворота». Попробуй отмыться. Гласность — это всеобщее достояние, и ее нельзя отдавать в одни руки».

Ю. В. Бондарев: «Наступила пора осмысления перестройки. Самолет подняли в воздух… А где посадочная площадка? Мы против разрушения прошлого. Нужно согласие в нравственных целях перестройки. И муху, и человека можно газетой прихлопнуть. Часть печати использует перестройку как ревизию веры и нравственности. Гласность и демократия, это высокая нравственная дисциплина, а не произвол. Травят писателей: Белова, Астафьева, Распутина. Проскурина, Алексеева. Клевещут на Сергея Бондарчука. Я еще надеюсь, что консолидация литературы возможна».

П. Я. Бакланов стал корить других писателей. Выступил взволнованно, обидчиво. Его грубый, обличительный тон не понравился конференции. Собственно выступление было

скомкано. Основной тезис — отповедь Ю. Бондареву. Затем резкие слова в адрес аудитории, которая «захлопала» его выступление.

Б. И. Олейник: «Побивая культ, мы в своем не всегда благородном гневе бросаем камни и в народ. Забывать, что наша победа — это заслуга народа — великий грех. На беспамятстве вырастает чертополох. О национальном вопросе. Есть надуманные проблемы. Нет школ на родном языке, книг — разве это трудно».

Б. Н. Ельцин: «Перестройка пошла в худшую сторону. Ее надо было начинать с партии. О политической системе — избежать ошибок прошлого, избежать вождизма. Выборы должны быть прямыми и тайными. Если уходит лидер, то уходит и руководство. Некоторые члены Политбюро должны ответить за состояние партии. Народ должен знать о жизни партии и ее лидеров. Нехватки должен ощутить каждый, а то тайные пайки для «голодающей» номенклатуры. Прошу конференцию политически меня реабилитировать, снять с меня обвинения, вынесенные на Пленуме ЦК. Это будет демократично». (Следовательно, он в то время еще стремился сохранить себя в партии, да и в ее руководстве.)

Очень взволнованно выступил Е. К. Лигачев. Сказал, что это он рекомендовал Бориса Ельцина в ЦК и несет ответственность за это. Объяснил свои подходы к перестройке и дал оценку прошлой работы. (Кроме него никто из состава Политбюро на конференции не выступал.)

Заключительное слово М. С. Горбачева.

«Конференция показала, как за период после апреля 1995 года вырос уровень демократизма. По всем вопросам выработана принципиальная позиция. В центре — о роли партии как политическом авангарде общества. Партия располагает четкой программой действий, она не допустит отката перестройки.

Важно не затянуть реализацию принятых сегодня решений. Немедленно приступить к работе. На осенней сессии 1988 г. — обсудить вопросы реорганизации Советов. В апреле 1989 г. — провести выборы народных депутатов. Осенью 1989 г. — в Верховные Советы союзных республик. Реформа политической системы — новый импульс перестройки, обеспечивающий ее углубление. Таким образом, с главной задачей конференция справилась».

Затем М. Горбачев остановился на выступлении Б. Ельцина: «В определенной части оно совпало с положениями доклада и дискуссии. Он здесь критиковал тезисы за поспешность, а на Пленуме промолчал. Мы рекомендовали его в МГК — был

необходим требовательный, энергичный работник. На первых порах многое делал. Но на определенном этапе, когда надо было выполнять решения, обещания, ситуация обострилась. Стал сбиваться на окрик, на команды, на перетасовку кадров — замены по второму, третьему кругу. Сделали замечания. Обиделся. Драма в том, что сбился на громкие фразы, а практическая работа тормозилась. Мы продолжали его поддерживать. Вдруг в августе 1987 г. присылает мне письмо (в отпуск). Поговорил с ним, и решили обсудить его проблемы после празднования 70-летия Великого Октября. (Затем Горбачев объяснил ситуацию на октябрьском Пленуме ЦК в 1987 году и результат.) Это урок для всех нас. Необходимо возрождение ленинских принципов работы с кадрами».

* * *

Доклад М. С. Горбачева произвел впечатление. Был он размашист, достаточно конкретен, с теоретическими изысками, изобиловал свежими, нестандартными формулировками, открывал заманчивую перспективу. Чувствовалось, что к нему приложило руку острое (в меру) перо. Хлесткие, витиевато оформленные фразы, раздумья и, прикрытая этим туманом, однозначность выводов, что только немедленная коренная политическая реформа спасет перестройку и социализм.

Главный его довод заключался в том, что экономические законы только тогда будут действовать эффективно, когда в их осуществление включатся массы. И именно для этого, в целях активизации масс, и необходимы демократические преобразования — радикальная политическая реформа.

Как потом показала практика, политическая реформа действительно «включила массы», но не в экономические преобразования, а в политическую борьбу, в противостояние. Резкая политизация общества отвлекла людей от решения конкретных экономических задач. Политические страсти, стихийность, митинговщина охватили людей. В шуме и треске общих критических разглагольствований, призывов, деклараций тонули трезвые, рассудительные голоса. Трибуны собраний, митингов, места на радио и телевидении были безропотно отданы в руки экстремистов, радикалов, различных «народных фронтов», которые под лозунгами перестройки, реформ протаскивали свои идеи, свою антисоциалистическую, демагогическую политику.

Выдвинутый Горбачевым основной, принципиальный тезис о необходимости радикальной политической реформы, как

важнейшей гарантии необратимости перестройки, был обдуманным (или спонтанным?) маневром политика. В этом предстоит разобраться. Во всяком случае, это была очередная уступка напору радикал-демократического окружения, ставившего перед собой иную задачу. По словам Яковлева (выступление в январе 1993 года в Тартуском университете), «…в предложенном Горбачевым курсе на демократизацию не было ничего нового. Но развивалась демократизация не через демократические институты… Это в прямом смысле разрушило тогда общество… Мы ставили целью уникальный исторический эксперимент — сделать ненасильственную революцию… без всякого внутреннего зазрения».

Вот здесь и возникает вопрос. Кто же это «мы»? Входил ли Горбачев тогда, в июне 1988 года, в это «мы» или нет. Думаю, что если не входил, то, по существу, он уже встал или вставал на путь, прокладываемый ими, этими «мы». То есть на путь отказа от первоначальных идей перестройки, от всех своих многочисленных заявлений и клятв в верности социализму, Ленину, Октябрьской революции.

Именно отсюда, от XIX партийной конференции, можно вести отсчет его предательства идеалов социалистических преобразований общества. Все остальное, как говорится, стало уже делом техники. В ходе реализации этапа за этапом лозунгов «нового мышления, общечеловеческих ценностей, деидеологизации» и т. п. социалистическая перестройка под «руководством» Горбачева трансформировалась в свою противоположность.

* * *

Но вернемся к записям в дневнике.

29 июля. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

Вопросы очередного Пленума ЦК. Замечания членов Политбюро к докладу. Пленум завтра, а замечания обсуждаем сегодня. Всегда не хватает времени.

Вообще, чувствуется, что Горбачев очень торопится, не все вопросы как следует обдуманы. Идет наступление по всему фронту проблем, а нужны определенные приоритеты. Все завязли в дискуссиях. Такие опасения высказывались на Политбюро. Генсек успокаивал, возмущался — нельзя медлить, терять время и т. п. Короче, все замечания повисли в воздухе. Он уже без обычных уговоров, объяснений стал отметать многие предложения напрочь. Некоторых товарищей просто обрывал, не

давая высказаться. Уверовал в реформу, рвался в реформу, — так мне казалось тогда.

Н. И. Рыжков поднял вопрос о необходимости защиты органов управления: «Идет волна нападок, давления на кадры. Аппарат министерств пребывает в панике, ждет сокращений и не работает. Авторитет министров надо укреплять, нельзя их постоянно одергивать, поучать, иначе как им работать!»

Я поддержал Николая Ивановича, сказал, что «он прав, то же происходит и в областях. Секретари обкомов периодически испытывают грубый нажим со стороны прессы».

Наши призывы вызвали резко отрицательную реакцию Горбачева: «Это попытки снизить критический накал, пресса права…» Рыжков эмоционально прореагировал: «Что, теперь и на Политбюро нельзя сказать ничего?» Громыко и Лигачев хотя и смягчили ситуацию, но поддержали Рыжкова, не сдержался вторично и я. Обстановка несколько неловкая. Другие члены Политбюро постарались успокоить обе стороны.

К слову, уже около двух месяцев у меня не было личных встреч с Горбачевым. Кроме дискуссий на Политбюро и короткого обмена мнениями (до или после Политбюро) по конкретным вопросам текущей работы. Мартовское Политбюро крепко запало у него в памяти. Да и обсуждение вопросов накануне XIX партконференции, мои резкие возражения по сути политической реформы не прошли, видимо, мимо его внимания.

18 августа. Политбюро. Вел Е. К. Лигачев. М. С. Горбачев в отпуске.

Об очередных Пленумах. В ноябре — о концепции экономического и социального развития до 2005 года. Февраль 1989 г. — об аграрной политике партии на современном этапе. Июнь 1989 г. — о совершенствовании межнациональных отношений в стране.

Информация А. Н. Яковлева об итогах поездки в Прибалтику. Удовлетворен поездкой, встречами: «Движение народных фронтов — в поддержку перестройки. ЦК КП республик контролируют ситуацию. Есть неоправданные панические настроения. В основном все развивается нормально, демократично и гласно».

Информация прошла спокойно, принята к сведению, обсуждения не было.

2. Перевести В. М. Чебрикова из КГБ — секретарем ЦК. Он будет курировать административные и правоохранительные органы. (Я знал, что Горбачев был недоволен тем, как в свое время по линии МВД — Федорчука, частично якобы и КГБ — Чебрикова, шла проверка отдельных моментов его работы в Ставрополе. Он как-то с возмущением упоминал об этом. Как-де

они могли! Значит — помнил.)

3. А. П. Бирюкову — заместителем председателя Совета Министров, Н. В. Талызина на место А. К. Антонова, а того на пенсию. А. И. Лукьянова — вместо П. Н. Демичева в Верховный Совет, и избрать его кандидатом в члены Политбюро.

4. В. А. Медведева — избрать членом Политбюро и поручить идеологию, А. Н. Яковлеву — международные вопросы. Е. К. Лигачеву и В. П. Никонову — аграрный комплекс, «там обоим работы хватит», подчеркнул он.

5. В. И. Воротникова — председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. «Останешься членом Политбюро. Сам понимаешь — как возросла роль Советов, Председателем Совета Министров РСФСР — может быть, А. В. Власова, избрав его и кандидатом в члены Политбюро. Вот такие дела».

Разговор шел в спокойном тоне. Горбачев держался свободно, уверенно. Говорил серьезно, без обычного юмора. «Ты должен правильно понять». (Я, конечно, не имел предлога для отказа.) «Если так надо, то буду работать». «Ну и хорошо. Все это следует обговорить на Пленуме».

Определенный осадок от разговора и предложений у меня остался. Я привык к оперативной, хозяйственной работе в Совете Министров, да и секретарь обкома — это тоже работа, отличающаяся от законотворческой деятельности в Верховном Совете. Но поскольку шла перегруппировка сил, может быть, в этом и есть смысл?!

Не были мне понятны также мотивы отставки В. И. Долгих и А. Ф. Добрынина. Была совершенно ясна причина переброски Е. К. Лигачева «на ответственный участок — сельское хозяйство». Так Горбачев фактически отводил ему второстепенную роль. Предполагал я, что он отправит в отставку и Никонова. Тот последнее время, преодолев рубеж покорности, часто и остро, нервно спорил с Горбачевым по сельскохозяйственным делам, в которых был истинным специалистом, да и человеком глубоко порядочным.

3 октября состоялась сессия Верховного Совета РСФСР.

М. С. Горбачев предложил освободить от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В. П. Орлова и рекомендовал на этот пост В. И. Воротникова.

Сессия приняла эти предложения.

Я коротко выступил со словами благодарности и предложил назначить председателем Совета Министров РСФСР А. В. Власова.

Сессия приняла такое решение.

Так с 3 октября 1988 года я перешел на работу в Верховный Совет РСФСР.

* * *

24 ноября. Политбюро. Вел М. С. Горбачев.

В «Ореховой». Острое обсуждение обстановки в Закавказье и Прибалтике. Столкновение Лигачева и Медведева, который начал рассуждать, что необходимаде «отдушина». «Какая отдушина — возмутился Лигачев, — нужна честная партийная позиция. Не потакать экстремистам и националистам. Иначе дело кончится войной. Хватит быть миротворцами». Общее мнение. Необходимы действенные, радикальные меры политического урегулирования, но и непримиримая борьба с провокационными действиями националистически и экстремистски настроенных лиц.

28 ноября. Пленум ЦК КПСС.

«О мерях по осуществлению политической реформы в области государственного строительства». Доклад М. С. Горбачева.

Он подвел итоги всенародного обсуждения проектов законов, связанных с изменениями и дополнениями Конституции, выборами народных депутатов СССР. Изложил позицию Политбюро по отношению к этим вопросам.

Началось обсуждение.

Я на первых порах выступал против ряда новаций. Но, слушая своих коллег на Политбюро, стал задумываться, может, я что-то недопонимаю. Возможно, реформа Горбачева даст определенный эффект. Укрепится власть Центра, расширятся права республик и местных Советов. В этом плане я и выступил на Пленуме:

«Интерес в народе к политической реформе, большой. Оценивая политические подходы, которые выявились в ходе дискуссии, необходимо стоять на принципиальных позициях. Они должны служить укреплению нашего строя, упрочению единого государства. Однако проявились и негативные моменты. Стремление увести общественное мнение в сторону от обсуждаемых проектов. Имели место преднамеренные попытки нанести удар по «нервным центрам» советской политической системы, вызвать разлад в государстве. Стали открыто провозглашаться антисоветские лозунги, замешенные на национальном сепаратизме.

Распространяется вирус недоверия между людьми различных национальностей. Зазвучало давно забытое, позорное слово «инородцы», заговорили о «мигрантах». Появился и такой термин: «русскоязычное население». Мне лично не ясно, к какой категории наций он относится. Дело дошло до принятия отдельными республиками антиконституционных актов, выдвижения ультимативных требований в адрес Центра. И все это

происходит якобы во имя и на благо перестройки?!

Да, проблем накопилось много. Они вызваны и прошлыми, и нынешними причинами. Есть и неравномерность экономического развития отдельных регионов, есть и национальная специфика, проблемы языка, культуры и т. д. Но что будет, если начнем предъявлять ультиматумы, отгораживаться друг от друга, возьмем курс на самоизоляцию? Это ли не абсурд!

В дискуссиях по проекту звучали голоса о его недемократичности. Но авторы таких заявлений своеобразно понимают демократию. Так как провозглашают в то же время лозунги о дискриминации граждан по языковому признаку, пытаются разделить нации на более и менее достойные, добиваются введения ценза оседлости, стремятся к экономической изоляции, созданию республиканских армий, собственной валюты и т. п. И это преподносится как отстаивание демократических идей?!

Беспокоит не только крайне негативное содержание платформ мнимых «сторонников перестройки». Нельзя принять и методов, которыми они «пробивают» свои идеи: откровенный шантаж несогласных, пикетирование, дезинформация. Сейчас мы переступили порог, отделяющий стратегические цели перестройки от конкретных практических дел. Перед партией и страной сложнейшая, многотрудная задача. Она требует единства».

После меня выступили: Щербицкий, Везиров и другие.

Затем Горбачев: «Дискуссию приветствую. Партия должна быть готова к действиям в новых условиях, при непредвиденных обстоятельствах, которые могут сложиться в тех или иных местах. Защищая перестройку, развивая ее ценности, давать отпор демагогам, экстремизму, авантюризму, беззакониям. Раздаются голоса, вот-де до чего довела перестройка! Это паникеры, их надо ставить на место».

Пленум поддержал положения доклада Генсека.

1989 г. Развал государства. «Процесс пошел»…

Шел пятый год перестройки, а жизнь людей не баловала. Успехи первых трех лет забылись, а нынешнее время не радовало. Проблемы в производстве и повседневной жизни людей нарастали. Нарушались налаженные производственные связи между предприятиями, ухудшалось снабжение населения продуктами и товарами. Что, собственно, и вызывало недовольство, возмущение людей.

Это недовольство постоянно и умело подогревалось растущими как грибы различными неформальными общественными организациями: союзами, группами, народными фронтами и т. п. Стремление лидеров этих организаций к власти уже и не скрывалось. Авторитет партийных, государственных органов снижался. Призывы к единству, солидарности, совести, патриотизму не срабатывали. Люди уже не верили в эффект перестройки.

На этом фоне разрастались и другие, опасные для Союза, тенденции. Под лозунгами роста национального самосознания, расширения экономической самостоятельности союзных республик все более крепли сепаратистские настроения, националистические тенденции. Наряду с экономическими требованиями все громче стали звучать и политические. Это было особенно характерно тогда для прибалтийских республик. Нарастали межнациональные конфликты в Закавказье, в республиках Средней Азии, в Молдавии.

Стремление экстремистских, националистических сил обвинить во всех грехах и проблемах «Советскую империю» по сути, были направлены в адрес РСФСР. Это обстоятельство вызывало, естественно, соответствующую реакцию и со стороны русского народа.

* * *

10 января. Пленум ЦК КПСС.

О выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС.

Докладчик М. С. Горбачев.

Он говорит о принципах выдвижения кандидатов в депутаты: основные предложения поступили с мест, одновременно

подбирали кандидатов в депутаты и в Центре. Рассказывает о списке, в котором представлено ровно 100 человек. (Как и кем он готовился, мне не известно, на Политбюро его при мне не обсуждали.) Горбачев отмечает, что из состава Политбюро в список кандидатов включены только те, кто работает в ЦК и Верховном Совете Союза, таких 12 человек. Представители союзных республик в Политбюро будут баллотироваться по одномандатным округам в своих республиках.

В кулуарах разговоры — целый ряд фамилий в списке вызвал недоумение. Почему, за какие творческие, научные, производственные достижения они удостоены такой большой чести? Но на Пленуме все молчат, не хотят вносить сейчас разлад. Опять сработала дисциплина: раз вносит Генсек, значит, состав проработан в Политбюро.

Задал вопрос академик А. А. Логунов: «Почему предложили список на 100 человек, точно по числу депутатов, а не больше?»

М. С. Горбачев: «Учитывая особенности тайного голосования, можно и больше. Но следует ли нам затевать такие «игры»? Думаю, нет».

Причем Горбачев использовал хрущевский опыт — предложил, чтобы участие в голосовании приняли и приглашенные на Пленум. Да, такую «демократию» можно позволить, коль нет альтернативы кандидатам.

1 февраля. Принял посла США Дж. Мэтлока по его просьбе. Как идет перестройка? Подготовка к выборам в Верховный Совет. Приветлив, оживлен, тактичен, хитер. Ведет беседу вроде бы очень искренне и доверительно, но ничего нового не говорит и приглашает собеседника к «такой же» откровенности.

2 марта. Политбюро ЦК.

Горбачев. В «Ореховой». Ходят разные слухи о «борьбе» Бориса Ельцина на Пленуме в 1987 году. Они обрастают нелепыми подробностями о том, чего и не было. Надо опубликовать стенограмму октябрьского Пленума ЦК. Ошибка, что мы не сделали этого раньше. Согласны. Дать в «Известиях ЦК КПСС».

Об итогах поездки М. С. Горбачева на Украину.

«Общая оценка процессов — перекликаются с теми, что идут и в других республиках. Партийная организация в целом работает активно, осваивает свое место в перестройке. Тревожит судьба Донбасса, шахт, поселков. Запасы угля иссякают. Условия работы тяжелые. Боль всенародная — Чернобыль. Социальные проблемы: жилье, газификация, здравоохранение. Договорные отношения между предприятиями освоены плохо. Срываются поставки. Расцветает шантаж. Обострился национальный вопрос. Много

попыток отдельных экстремистов осложнить ситуацию. Но ЦК КПУ держит этот вопрос в руках».

Решили подготовить проект постановления Политбюро.

За повесткой. Мнение Горбачева: «Запад, правые силы на 180 градусов меняют свою позицию по отношению к перестройке. Они считают, что перестройка не вредна. Политики-демократы всеми средствами дискредитируют процесс, советского лидера. Почему? У них нет ответа на наши политические шаги». (Итак — Горбачев в восторге от поддержки правых. Что это? Наивность? Или радость, что реализуются задумки?)

Приняли за основу. Затем выступления.

Воротников: «В докладе идет речь о возможной ликвидации колхозов. Надо ли в принципе так ставить вопрос, даже гипотетически? Тем более Генсеку сейчас, в такое время? Я категорически против. Второе — необходимо определить этапы перехода от административных к экономическим методам управления агрокомплексом. Это особо подчеркнуть, чтобы партия и советские органы не отошли в сторону. Финансово-ценовые проблемы проработать детальнее. Требуется их одобрение Пленумом».

Слюньков: «Необходимо скорее решить вопрос с розничными ценами! Нельзя дальше тянуть». (Горбачев: «Нет, пока не время».)

Чебриков: «За 2–3 года снять остроту продовольственной проблемы, как сказано в докладе, — это нереально. Зачем будоражить народ».

Бакланов: «Территориальный хозрасчет — это химера. Нельзя рекомендовать его развитие».

С критическими замечаниями, поправками выступили: Никонов, Зайков, Лукьянов, Маслюков, Лигачев.

Горбачев: «Что отразить: механизм заготовок, поставок, цен. Взаимодействие Советов с органами АПК. Стабильность всех цен, кроме картофеля, овощей и фруктов. Их реализовать по договоренности, но в предельных объемах — не выше 50 % от государственных».

Остальные замечания товарищей по Политбюро Генсек оставил без внимания.

15–16 марта. Пленум ЦК КПСС.

1. О проведении выборов в народные депутаты СССР от КПСС.

В. А. Коптюг — председатель избирательной комиссии.

Информировал о выдвижении и регистрации 100 кандидатов. Прошли их встречи в трудовых коллективах. Неудовлетворенность тем, что в списке кандидатов мало рабочих, много творческих работников. Выражают несогласие, что на 100 мест и выдвинуто 100 кандидатов.

Горбачев: «Есть ли вопросы? Кто желает выступить? Прошу».

Тихомиров, рабочий Московского завода им. Владимира Ильича: «В ходе предвыборной кампании повсеместно сократилось в составе депутатов число рабочих и крестьян. Некоторые высказывают взгляды, порочащие Советскую власть и государство. В их числе Б. Н. Ельцин. 12 марта был митинг «Демократической России» (ДР), там лозунги: «Октябрьский переворот был контрреволюцией», «Отняли у народа свободу», «Не верьте лидерам государства» и другие. Вопрос: за какую власть вы, Борис Николаевич, боретесь?»

Горбачев: «Действительно, в избирательной кампании потеснили рабочих и крестьян. Это так. Для ЦК это урок на будущее. Митинг ДР с антисоветскими и антипартийными лозунгами «Долой самодержавие КПСС», призыв к Февралю — это вызов!»

После нескольких выступлений слово берет Ельцин. «Высказаны серьезные замечания и обвинения в мой адрес. С ДР не имею никакой связи. Не знаю, что это за организация. Листовки — это провокация против меня. В отношении моих выступлений. Моя программа была изложена на XIX партконференции. Я от нее не отхожу, она не противоречит Программе партии. Я выступаю за перестройку, за демократизацию, за оздоровление общества».

Ряд членов ЦК, из рабочих, предложили дать оценку некоторым вступлениям Б. Н. Ельцина, которые, по их мнению, противоречат политическим установкам ЦК и партийной этике. Поручили комиссии (В. А. Медведеву) изучить данный вопрос и доложить выводы на очередном Пленуме ЦК. Однако это поручение комиссия заволокитила, и ЦК так и не получил ответа.

Затем было проведено тайное голосование. Участвовал 641 человек. Наибольшее число голосов против получили: Лигачев, Яковлев, Ульянов, Абалкин, Медведев. Все 100 кандидатов были избраны.

2. Об аграрной политике КПСС в современных условиях.

Докладчик М. С. Горбачев:

«Наша цель и задача. В ближайшие годы снять остроту продовольственной проблемы. А в течение 13-й пятилетки вывести сельское хозяйство на широкую дорогу. Основной смысл новой аграрной политики — возродить крестьянина как хозяина на земле. Коренным образом преобразовать экономические отношения на селе, перестроить систему управления сельским хозяйством. Перейти на договорные отношения в рамках района и области. Причем контракты на продажу продукции заключаются с хозяйствами на добровольной основе. В то же время республикам

и областям устанавливается госзаказ на поставки сельскохозяйственной продукции». (Это явная нестыковка, что и вызвало серьезные возражения участников Пленума.)

На Пленуме были розданы проекты документов ЦК, Верховного Совета, Совета Министров, в которых определялись меры практической реализации этой Программы. Дискуссии были страстные и продолжительные, многие ораторы доказательно отвергали намеченные в докладе меры. О чем говорили.

«На село недостаточно выделяется капитальных вложений. В зарубежных странах доля инвестиций в сельское хозяйство значительно выше. Осуществление многоукладности должно быть на добровольной основе. Не разрушать специализированные хозяйства. Непонятна медлительность в реформе цен — необходима комплексная реформа ценообразования, упорядочение налоговой системы во всем народном хозяйстве. Категорически против отдельных призывов к ликвидации колхозов. Нужен Закон о земле. Из-за нерешенных социальных проблем из села уходят кадры, особенно учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства».

Однако в заключительном слове Горбачев заявил: «Доклад находит поддержку. Есть справедливые замечания. Но они не спорят о главном, о коренной перестройке отношений на селе. Пленум должен принять политический документ. На его основе будут действовать крестьянство, ведомства, партийные органы и Советы».

Проект приняли. Поручили Политбюро доработать с учетом замечаний.

Но принятые решения, не подкрепленные организаторской работой, остались на бумаге. Да это и понятно. Сельскохозяйственные органы были дезорганизованы, партийные комитеты отстранены от хозяйственных дел, а Советы — бесправны.

* * *

21 марта. ЦК КПСС. Беседа у М. С. Горбачева.

Обсудили возможные сроки проведения выборов в Верховный Совет РСФСР — примерно в марте 1990 года.

Информировал его о состоянии работы с проектом Закона о местном самоуправлении. Материал сдан в ЦК, надо рассмотреть на Политбюро, затем в комиссии и направить в Верховный Совет СССР.

Долго говорили о принципиальных вопросах формирования

состава депутатов Верховного Совета РСФСР. Убеждал его, что «необходимо выдвинуть кандидатами в депутаты нескольких возможных дублеров на Председателя Верховного Совета и Совета Министров. Не «пожалеть» наиболее авторитетных и известных людей. (В частности, предлагал Рыжкова, Лукьянова, Маслюкова, Бакатина, Бакланова). Нужно иметь представителя руководства ЦК в Президиуме Верховного Совета. О депутатах от общественных организаций. Считаю, что в России не следует их избирать. О съезде — надо его иметь, иначе вдвое, втрое сократится представительство депутатов от автономий и территорий, так как в работоспособном Верховном Совете не должно быть более 300 человек». Горбачев: «Все обдумаем, пока не торопись».

(К этому вопросу потом я возвращался не раз, но Горбачев все тянул, и к моменту избрания Председателя ВС РСФСР у нас была, по сути, одна кандидатура. А на Предсовмина — не было вообще!)

28 марта. Политбюро.

О предварительных итогах выборов народных депутатов СССР.

Горбачев: «Пока — предварительный политический анализ. Ясно, что выборы 26 марта показали высокую политическую активность общества. Формирование новой политической системы проявляется в той мере, в которой мы и развивали демократические преобразования.

Очень внимательно надо отнестись к оценке выборов в Москве и Ленинграде. В число депутатов наряду с достойными людьми избраны и те, кто спекулирует на перестройке, есть обещалкины, есть наглые и демагогически настроенные люди.

Сильно прозвучала в предвыборной кампании критика в адрес партии. Есть попытки объяснить это демократией и гласностью. Конечно, в этом деле издержки есть. Но не только в этом причина. С демократических позиций сходить нельзя. Люди поддержали перестройку, но не приемлют медлительности в решении мелких, будничных проблем.

Есть у нас и ошибки.

Не вовремя оценили сложную финансовую ситуацию: недобор от р>еализации нефти — 40 млрд. руб., более 36 млрд. руб. потерял бюджет от антиалкогольной кампании. Все это удары по народному хозяйству, а значит и по возможности улучшения жизни людей.

Таким образом, не одни объемы, темпы и т. п. «должны мутить наши головы». Это Центр. Но многое зависит и от местных организаций. Может быть, большая часть проблем. Атам все

катится по-старому. Конечно, надо поддержать, защитить хороших, активных, творческих работников, но и спрашивать, требовать и менять тех, кто стоит на старых позициях. Сейчас требуется повышать потенциал партии. Правительству, советским органам ориентироваться на организацию дела, на реализацию всех задач. За спину парткома не спрячешься.

Выводы. Проблемы решать на путях перестройки. Народ нас опережает, партия вынуждена обороняться. Исключить шараханье из стороны в сторону, запугивание народа. Движитель — только партия».

* * *

В выступлениях звучали и иные доводы.

Соловьев: «Результат таков, потому что голосовали не против кандидатов, а против перестройки. Падает авторитет первичных парторганизаций. Они напрямую работают в коллективе, и все беды валят на них».

Воротников: «Итоги выборов, мягко говоря, неожиданные. Партийные органы в регионах, в том числе Секретариат и Политбюро, не насторожили негативные тенденции, развивавшиеся в части общества. Мы привыкли к работе в комфортных условиях, методы предвыборной борьбы не освоили. Это поучительный урок».

Чебриков: «Партийные комитеты не оказывали влияния на СМИ. Некоторые газеты, журналы, особенно в Москве, вели контрпропаганду против кандидатов, которых поддерживали парткомы. В числе избранных депутатов немало лиц негативно настроенных к КПСС».

Медведев: «О прессе. Она отражает процессы, происходящие в обществе! (Я возмутился: «Ты что, Вадим! Пресса не только отражает, а в большей мере формирует общественное мнение! И делает это умело. С подачи определенных сил!)

Пуго: «Снижается авторитет партии в народе. Этому способствует не только печать, но и некоторые равнодушные, утратившие авторитет секретари парткомов. Падает прием в КПСС. Немало примеров выхода из партии».

Яковлев: «Итоги выборов — это поддержка перестройки! Мы нервничаем. Почему? Это неоправданно».

Горбачев: «В сложной, переломной ситуации перестройки мы выиграли крупную политическую кампанию. Через выборы выявилась реальная картина, сложившаяся в обществе. Не могу согласиться с тем, что голосовали против КПСС. Надо взвешивать

слова. Нам необходимо единство партии на базе демократии и гласности. Только так! Но не перегибать, не «пасти» коммунистов, как было раньше. Директивами авторитет не нарастишь. Только делом. Отрытой политикой, близостью к людям. Выборы показали, что перестройка, демократия нуждаются в защите. Как и экономика, идеология. Многое в перестройке упирается в кадровый вопрос. Посмотрите состав ЦК. Произошло обновление кадров во многих сферах. Но эти люди вне ЦК. В то же время в составе ЦК свыше 100 пенсионеров. Надо ли ожидать до очередного съезда КПСС? Может быть, переговорить с ними?»

Выводы Генсека не убедили многих из нас. Его философствования уже нудно было слушать. Итоги выборов, конечно, обескураживали. Он явно валил ответственность за это на «консерваторов».

* * *

11 апреля. Утром беседа с А. В. Власовым. Он рассказал о вчерашнем заседании Политбюро. Рассмотрели обстановку в Грузии, в связи с событиями 9 апреля.

Коротко дело заключается в следующем. В течение нескольких дней (то ли с 4, то ли с 5 апреля) на центральной площади Тбилиси, перед Домом правительства непрерывно проходили многотысячные несанкционированные митинги. Содержание выступлений, призывов, носило националистический, антисоветский, антирусский характер. Попытки органов власти навести порядок — эффекта не дали. В ночь на 9 апреля решили вытеснить митингующих с площади с помощью милиции и отрядов внутренних войск. Произошли стычки, возникла давка, есть жертвы и много пострадавших. Туда вылетели Шеварднадзе и Разумовский.

Лишь позже я узнал, что о накале обстановки в Тбилиси сообщали Горбачеву, находившемуся тогда в Лондоне, товарищи из КГБ. В день его прилета в Москву, 7 апреля, в аэропорту в беседе с Лигачевым, Шеварднадзе и другими членами ПБ было решено направить в Тбилиси Шеварднадзе. Но он туда не улетел, убедив Горбачева. И уже после того как произошли трагические события 9 апреля, он вместе с Разумовским отправился в Грузию. Думаю, есть повод для раздумий.

Затем Власов рассказал, что обострилась обстановка в некоторых районах Москвы. Есть и негативные проявления на ряде шахт, на металлургических предприятиях (Кемерово, Норильск, Череповец.)

13 апреля. Заседание Политбюро ЦК.

В «Ореховой». Информация Горбачева: «Обстановка в Грузии осложняется. Подогревают настроения народа в Тбилиси с националистических позиций. В событиях 9 апреля просматриваются провокационные, экстремистские действия. Готовят Пленум ЦК КП Грузии. Там находится Шеварднадзе».

О событиях 9 апреля в Тбилиси. Информация Шеварднадзе:

«Основные моменты. Непродуманность шагов руководства Грузии в реакции на действия экстремистских, националистических элементов и митинги. В чем причина? События назревали и были известны. Меры — стандартные, формальные. Не было диалога! Использовали средства Министерства обороны сами. Центр не уведомили. Оправдано ли? Считаю, что нет. Необходимо учитывать специфику Грузии, ее народа. Они не приемлют насилия. Вспышка началась 4 апреля — абхазское собрание, требование автономии. Это вызвало возмущение грузин — «делят землю республики!» Патиашвили с опозданием доложил это ЦК. Со стороны руководства республики был административный нажим, не было контакта с интеллигенцией. Это главная беда».

Немного уточнил события Разумовский. Приняли к сведению.

«Состав ЦК избран XXVII съездом, который разработал курс на перестройку. Но жизнь не стоит на месте. Произошли большие кадровые изменения. Многие — на пенсии (83 члена ЦК, 27 кандидатов в члены ЦК, 12 членов Ревизионной комиссии). В то же время многие секретари ЦК компартий, обкомов не входят в состав ЦК. Обратилось 110 человек».

Выступления. Сначала уходящие говорили об обосновании своего решения, высказывали благодарность за доверие, поддержку ЦК прошлой деятельности, высказывали пожелания и т. п.

Но потом высказывания стали более острые, критические. Причем слова просили в большинстве своем не те члены ЦК, которые уходили в отставку, а остающиеся. Речь пошла о самых жгучих проблемах перестройки, позиции ЦК, методах работы и т. п.

Р. С. Бобовиков: «О чем свидетельствуют итоги выборов? Экономическая реформа осуществляется с издержками. Все упреки за сбои — в адрес партийных органов. В печати поддерживают только негативное. Огонь на партаппарат. Сейчас никто не идет на работу в партийные комитеты. Развернули дискуссии об армии. Рассекретить все секреты, открыть все границы. Что это за тема для обсуждения! Идут митинги, но на них не видно ни Медведева, ни Яковлева, чтобы они дали отпор

демагогам. Если Запад хвалит перестройку — то этот факт надо оценивать с ленинских позиций».

А. П. Мясников, экскаваторщик: «Стали злоупотреблять демократией, разжигать националистические настроения. Демократия нуждается в правовой защите. Партийному руководству надо быть ближе к народу. Что говорят о Ленине…» (не закончил, ушел с трибуны со слезами.)

П. Н. Федосеев: «Я за обновление. Но нельзя это мотивировать необходимостью пополнения ЦК должностными лицами (это не ленинский принцип). Мы против единомыслия, но мы единомышленники. Необходима большая забота о единстве партии, укреплении ее рядов».

Ю. Ф. Соловьев: «Мы часто торопимся, спешим в принятии решений. Механизм выборности руководителей предприятий, например, сработал в другую сторону (рвачество, потребительство). Люди озабочены, что в нашей богатой стране живем мы плохо. Сейчас вольготно ловкачам, авантюристам. В партии оказались люди идейно рыхлые, выступающие против принципиальных позиций КПСС».

В. Т. Сайкин: «Некоторые радетели народа спекулируют на трудностях и проблемах. Выдвигают нереальные прожекты. Выше всего ставят личные амбиции, готовы ради честолюбивых планов пожертвовать Советской властью. Нельзя перестройку отдавать из рук партии. КПСС — шире опираться на рабочих».

И. К. Полозков: «Идет оголтелая кампания. Присваивают идеи и дела партии. Когда появляются призывы к расчленению СССР, вешать коммунистов и т. п., то ясно, что мы зашли далеко. Нельзя все сваливать на печать. В самих парткомах, парторганизациях и в ЦК КПСС во всем этом еще не разобрались. Старые методы отбросили, а новых не приобрели. Нет ответа на многие философские и идеологические вопросы. А ЦК молчит».

А. Г. Мельников: «Надо разобраться с идеологическими проблемами. Кто у нас в ЦК занимается средствами массовой информации, кто национальными вопросами и т. п. Кто работает в аппарате ЦК, насколько это компетентные и преданные партии люди».

Так что многие выступавшие высказали свою неудовлетворенность методами работы ЦК, его руководства. Проявилась обеспокоенность, искренняя озабоченность тем, что перестройка идет под уклон, осуществляется не так, как было определено XXVII съездом.

Затем выступил Горбачев. Сначала он поставил вопрос о том, чтобы удовлетворить просьбу товарищей—110 человек — о снятии с них полномочий членов ЦК, кандидатов в члены ЦК,

членов ревизионной комиссии. (Проголосовали единогласно.) Выразил им всем благодарность за работу и пожелал успехов.

Затем он высказал свое мнение о выступлениях. «Я за тех, кто не впадает в панику, а пытается вникнуть, осмыслить, сделать выводы. Выборы сказали «да» перестройке. Нельзя оказаться в путах эмоций и обид. Необходим анализ ряда аспектов, которые прозвучали и сегодня. Есть принципиальные недостатки, объективные причины, но есть и ошибки. Надо совершенствовать работу партии. Но я не согласен, что партия теряет авторитет. Если на первых порах процесс шел сверху, то сейчас перестройка идет внизу. Политизация масс меняет обстановку в стране. А у нас живо старое мышление. Надо, чтобы партия брала в свои руки эти процессы. Защищала демократию. Должен работать закон».

Так прошел этот беспрецедентный в истории партии Пленум.

Горбачев очистил ЦК от «балласта», но не только. Из состава ЦК ушло немало умных, опытных, принципиальных людей. Достаточно назвать: А. К. Антонова, Н. К. Байбакова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, Н. В. Огаркова, В. Н. Лолякова, А. П. Филатова и др. Стоит сказать, что многие из нас (в том числе и я) тогда не совсем восприняли эту потерю. Она стала яснее и виднее позже.

* * *

Не знаю, к месту или нет, но считаю нужным сделать отступление от хроники дневниковых записей. И охарактеризовать М. С. Горбачева. Рассказать, какое я, в некоторой мере тогда, в большей степени сейчас, по прошествии времени, могу составить о нем мнение.

Что же представлял собою Горбачев? Как политик, государственный деятель, специалист-профессионал. Каковы его личные, человеческие качества, характер?

Длительное, а по существу постоянное, сразу же после окончания МГУ, пребывание на комсомольской и партийной работе всех уровней выработало в нем качества аппаратчика. Он приобрел негативные по своей сути качества аппаратного ловкача, интуитивно чувствующего ситуацию и умело использующего ее в своих личных целях. Общительность, коммуникабельность, приветливость, даже, я бы сказал, своего рода обаяние безотказно действовали на окружение. На всех этажах власти. Умение к месту и вовремя потрафить мнению начальства, ненавязчиво «попасть на глаза», проявить инициативу, как правило, срабатывало — руководство замечало молодого, активного работника и брало его на заметку.

Общительный нрав, своего рода панибратство (до поры) влияло и на нижние, подвластные ему чины, поддержку которых он также умело использовал.

Постепенно скрываемые до поры честолюбие, тщеславие, склонность к интриге стали проявляться в нем даже внешне, когда он стал во главе страны. Он постоянно демонстрировал на Политбюро, на совещаниях с партийным активом, а затем с представителями крестьян, рабочих, средств массовой информации и даже с творческими работниками напористость в достижении поставленных целей, заверял о своей принципиальности, способности «стоять до конца». Все это было, конечно, на словах.

Помощники и авторы, готовящие для Горбачева тексты речей, потакали его устремлениям, стремились дать новые, броские и многозначительные лозунги и призывы. Так родилось не только само слово «перестройка», давно известное и понятное русскому человеку, но ему, этому слову, придавался новый, более глубокий, всеобъемлющий смысл. Было забыто всем известное — «ускорение социально-экономического развития страны», с чего, собственно, начинался апрель 1985 года. Пошли одно за другим — «демократизация и гласность», «плюрализм мнений», «больше демократии — больше социализма», «новое мышление», «революционные преобразования». Затем — «правовое государство», «цивилизованное общество», «общечеловеческие ценности», «европейский дом», «гуманный демократический социализм», «деидеологизация» и т. д. и т. п.

Горбачев был чрезмерно пристрастен к внешним проявлениям внимания и почитания. Он буквально «купался» в лучах популярности, славы. Любил комфорт, обслуживание, заботился о престиже личности и умел подать себя, особенно за рубежом. Но нередко попадал под влияние более сильных личностей, особенно если оказывался у них в каком-либо долгу. Отдавая долг, жертвовал спонтанно не только личным престижем, но и экономическими и политическими интересами страны.

Был весьма подвержен влиянию супруги — Р. М. Горбачевой, женщины неглупой, расчетливой, властной…

Прослеживая годы перестройки, явно замечаешь трансформацию Горбачева в глазах общественного мнения не только как политика, государственного деятеля, но и как человека, как личности. От восторженного почитания к равнодушию, недовольству и осуждению.

Входе его правления страна катилась вниз, разрастался экономический кризис, ширились военные конфликты на межнациональной, религиозной, мафиозно-экстремистской

основе. В этой связи хотелось бы еще раз обратиться к роли личности Горбачева в развале нашего государства. Я часто размышляю сейчас, насколько Горбачев искренен, утверждая в своих интервью (начиная с середины 1992 года), что все происходящее в «демократической России» было им изначально, с первых шагов перестройки, задумано. Но он скрывал это, двигаясь этапами, шаг за шагом, по пути «демократических реформ». «Если бы я тогда провозгласил конечную цель, то меня немедленно бы свергли…» Он хочет сказать, что был настолько мудр и прозорлив, что сумел словами и призывами к «обновлению социализма» и действиями своими (и своих ближайших соратников) так запутать, усыпить, обмануть противостоящие ему «консервативные силы» (а по существу весь народ советский), что медленно поворачивал и повернул страну в итоге от социализма к дикому капитализму.

Мне кажется, что «чистосердечное признание» Горбачева — это примитивная уловка. Да, он обманул ожидания своего народа. Бросил в трудный момент наших друзей из стран социалистического содружества. Вверг Советский Союз и страны Восточной Европы в хаос, разруху и развал. Но не благодаря своему уму или заведомо ложной стратегии, а вследствие настойчиво внушаемой ему внутренними и внешними «советниками» его особого предназначения в возрождении демократии и развитии государства. Уверовав в свою «историческую миссию», он вел страну по, казалось, идеальному пути обновления, очищения, возрождения, а привел к разрухе, разложил великую и могучую державу — СССР.

Если же представить себе, что смену общественно-политического строя и развал Союза он задумал с самого начала «перестройки» в СССР и действовал сознательно, то какой же это чудовищный цинизм по отношению к своей стране, своему народу?!

* * *

Продолжим хронологию событий.

27 апреля. Политбюро.

Об итогах апрельского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС.

Горбачев сначала дал высказаться всем. Ход Пленума встревожил Политбюро. Предполагалось, что он пройдет спокойно, так как внесли только один организационный вопрос. Со всеми членами ЦК, которые подписали обращение о сложении полномочий, беседовали (кто — я так и не понял), они вроде бы

понимали такую надобность. Да и среди партийного актива назревали настроения, что нельзя допускать, как это было раньше, стагнации кадров, тем более в составе ЦК. И вдруг такой взрыв эмоций на Пленуме. Причем из 20 выступавших только 8 выходили из состава ЦК.

Но это было не вдруг. Обстановка действительно накалялась. Перестроечные процессы затормозились, в обществе все сильнее проявлялось неудовлетворение. Прошло четыре года, а ситуация не только не становилась лучше, но за последнее время даже ухудшалась. Мы чувствовали это. Тешили себя благими надеждами, и в то же время становилось ясно, что принимаемые меры не дают эффекта, что необходимо пересмотреть многие принятые уже в ходе перестройки решения, которые были скороспелыми, не продуманными до конца. Нужно было не допустить раскола общества, так как объединявшая его идея перестройки уже не срабатывала.

На Политбюро высказывались различные мнения. Одни выражали серьезную озабоченность, другие, наоборот, считали, что все идет нормально, надо-де пережить этот переходный период, и политическая реформа, экономические преобразования сработают. Говорили не только об экономических проблемах. Речь шла о нарастании националистических, экстремистских выступлений. Пример Эстонии, объявившей о своей самостоятельности, вызвал цепную реакцию в других республиках — заговорили о суверенитете, независимости. Беспокоило негативное отношение к армии — пресса настойчиво возвращалась к событиям в Тбилиси, внутри-армейским проблемам. Многие критиковали неудовлетворительное состояние идеологической работы, разрушительные последствия гласности. Подчеркивали ошибочность проталкивания политических реформ в ущерб экономике.

Заметок о выступлении членов Политбюро я не вел. Мои тезисы тогда были такими:

«Обсуждение проблем перестройки на Пленуме было спонтанным. Значит, они действительно есть, созрели, что и побудило членов ЦК высказаться. Выступления разные. Но от них нельзя отмахнуться. Согласен, что требуется глубже осмыслить и определить роль Политбюро, ЦК, аппарата в новых условиях, а также и местных органов. Явно просматривается разрыв в отношениях республиканских и областных комитетов партии с Центром. Думаю, что это подтвердили и выборы, их результаты. Следует серьезно заняться идеологическими проблемами. Пресса, информационные органы демонстрируют не только гласность и плюрализм мнений. Много передержек, полуправды,

предвзятости, целевого негативизма. В народе растет недовольство. Налицо многочисленные факты отхода от основополагающих принципов социализма. Об оптимизме, звучавшем и сегодня. Его следует умерить. Очень ответственный этап — съезд. Встречи с депутатами проходят очень остро, настроение наступательное».

Горбачев: «Пленум вышел за рамки организационных вопросов. Сложение полномочий — верный шаг — сделан в духе товарищества. Атмосфера рабочая, открытая. Это большое завоевание в работе ЦК. Мы получили очень важный срез мнений о происходящих в обществе процессах. Нужен анализ. Соприкосновение концепции с реальностью. Идет трудно этот процесс, но по-другому и не может быть.

Согласен, что стоит и идеологический вопрос. Это требование жизни. И реализовать наши позиции не просто. Концепция, ориентиры у нас есть. (Так ли это?!) Необходимы наступательные, принципиальные действия. В идеологической борьбе выявились и люди, которые не приемлют социализм, призывают к хаосу, к анархии. Методы — объяснение, дискуссии, спор.

Надо очень ответственно готовиться к съезду. Необходимо ответить на все вопросы, которые там возникнут. Нужно продумать возможности изменения экономической политики, о чем также речь пойдет на съезде».

* * *

11 мая. Заседание Политбюро вел М. С. Горбачев.

Заслушали А. И. Лукьянова о том, как идет подготовка к съезду народных депутатов СССР: «На прошедших собраниях и совещаниях народных депутатов в различных регионах и Москве, где обсуждалась примерная схема съезда, высказан ряд критических замечаний. Предлагается принять Временный регламент — раздать его в региональные группы. Президиум съезда сформировать так: Председатель Верховного Совета, его заместители, представители союзных республик, председатель Центризбиркома.

Судя по обсуждению, есть намерение вынести на съезд ряд других вопросов помимо, предлагаемых в повестке. Со стороны депутатов-демократов идет подготовка различных акций на съезде. Стремление обострить там борьбу с «консервативными» силами. Намечаются и такие шаги, как возможный демонстративный уход с заседаний съезда».

Всю эту информацию выслушали, но серьезного значения не

придали. Там, по ходу съезда разберемся.

Выступления.

Яковлев: «Не согласен с делением депутатов на группы (имелась в виду рассадка в зале по территориальному принципу). Заседания Верховного Совета не будут прежними. Надо исходить из реальности».

С ним не согласились. Это же съезд, а не сходка, нужен четкий порядок.

Медведев: «Надо решить вопрос о том, как освещать работу съезда. Считаю, надо все транслировать».

С серьезными предостережениями о необходимости подготовки вариантов возможных различных действий против выпадов со стороны т. н. «демократических сил» выступил Рыжков и другие члены ПБ.

Горбачев: «Ситуация ясна. Основная масса депутатов активна и заряжена на дело. Но есть и люди с нереализованными амбициями. Обстановка в Москве известна. В Ленинграде — сложно. Соловьев — паникует. Следует направить в Ленинград Воротникова. Встретиться там с людьми. Снять всякие подозрения».

О политической ситуации в республиках Прибалтики, сложившейся после выборов народных депутатов СССР.

Информация Медведева:

«Выборы там прошли под флагом сил оппозиции, противостоящих как политическая сила Союзу, Москве. Происходит сближение «фронтов» с экстремистскими группировками. Сейчас они усиливают свои действия. Есть те, кто считает нужным сразу ставить вопрос о выходе из СССР. Некоторые — что нужно подождать 5–6 лет. Третьи — что надо вести работу постепенно. Пока предлагают строить отношения с СССР на договорной основе, как международные. Нарастают националистические настроения и действия. Воссоздаются политические партии времен буржуазной республики».

Бразаускас — первый секретарь КП Литвы:

«Выборы мы проиграли. Народ не видит результатов от перестройки в партии. Социологический опрос показал, что поддерживают партию в Вильнюсе 17 %, а «Саюдис»— 70 %. Их аргументы. Чем литовская компартия отличается от обкома? Вами водит Москва. Надо ЦК КПСС посмотреть концепцию повышения статуса республиканских компартий. Необходимо исследовать общественное мнение, без этого сейчас нельзя. Одной интуиции явно недоставало. И еще очень важный вопрос — экономический. Требуют независимость, полный хозрасчет республики. Он превращается и в политический вопрос».

Вагрис — первый секретарь ЦК КП Латвии:

«Надо дать больше самостоятельности союзным республикам. Ведь по Конституции они государства. Состав «народного фронта» неоднороден. Дать четкую и правдивую информацию о исторических событиях 1939 г. Истинную роль пакта Молотова — Риббентропа. Факта «вхождения» в СССР! Эта проблема сидит у латышей крепко. Беспокоит и то, что идет раскол народа по национальному признаку, а в республике лишь 40 % латышей».

Вяляс — первый секретарь ЦК КП Эстонии:

«Уже весной 1988 г. мы потеряли инициативу. Были наказаны те, кто разрабатывал хозрасчет, кто определял необходимость развития и укрепления национальной культуры и языка. На эту акцию последовала отрицательная реакция в народе. Да и потом, когда партия провозглашала лозунги, но ничего не делала на практике. Нужно идти на хозрасчет, на эксперимент. Надо нам включать в работу и представителей «фронта». Пусть они не только критикуют, но и покажут себя в деле. О языке. Живешь в Эстонии — изучай эстонский язык. Мы потеряли эстонский рабочий класс, среди руководителей промышленности нет эстонцев».

Горбачев: «Нужно точно видеть корни ситуации в Прибалтике. Идет, конечно, бурный процесс самосознания. Он дает и позитивные результаты, но сопровождается и резко негативными явлениями. Есть проблемы и исторического плана. Ясно, что накопилось много недостатков объективного и субъективного характера. Но многие проблемы приобрели явно националистический характер. Попытки переложить все на Центр. Он-де повинен. Дело в нашей слабости, инертности, недостатке инициативы, наступательной работы по всем направлениям. Требуется более глубокий анализ и выработка мер».

Вот так «спустили на тормозах» этот наиважнейший вопрос. Опять в потоке правильных, справедливых слов утонули практические задачи.

* * *

16 мая. В соответствии с поручением я вылетел в Ленинград.

Из аэропорта сразу на Кировский завод. Вместе с Ю. Ф. Соловьевым. Пошли по цехам. Директор говорит, что сокращается танковое производство. Конверсия требует средств, а их нет. В коллективе обеспокоенность. У одного из корпусов взволнованный разговор с группой рабочих (около 150 человек).

Возмущены — в городе нет порядка, растет преступность, кооператоры дерут бешеные деньги, а торгуют государственной продукцией, то есть спекулируют. По городу всякие слухи, листовки — будоражат народ. От перестройки толку мало.

Собрались в актовом зале. Встреча с представителями СТК, парткома, рабочих, специалистов завода (около 650 человек). Выступление. Ответы на многочисленные вопросы. Эмоциональные требования к руководству страны. Неудовлетворенность ходом перестройки. Жалобы на пассивность заводской парторганизации и обкома. Выступление ряда лиц с провокационными вопросами, грубыми репликами. К концу беседа вошла в спокойное русло. Проговорили более 2,5 часа. Страсти утихли, но обеспокоенность людей понятна. Авансы перестройки не реализованы.

17 мая. С утра побывали в новом жилом районе, в магазинах, на фабрике «Ленвест». Везде беседы, дискуссии о жизни. Ленинградцы озабочены — когда же будет улучшение. Город полон слухами.

Днем встреча с работниками партийных и советских организаций города и области, депутатами Советов. Говорят о том, что наболело. Резко критикуют Политбюро, секретарей ЦК за слабое внимание к парторганизации. Не согласны с Генсеком, что перестройка тормозится на местах. Обвиняют Центр в медлительности, в слабой защите авторитета Советов и т. п.

Вечером Смольный. Встреча с членами бюро обкома и горкома, заведующими отделами, секретарями райкомов, членами обкома.

Рассказал о проблемах текущего дня. Сразу начались выступления. Были еще более острые, порой несдержанные выпады в адрес Политбюро, Горбачева, действий Центра. Во многих выступлениях тема — Политбюро и ЦК не дают отпора экстремистским, оголтелым выступлениям различных движений антисоветского характера. Пресса необоснованно атакует партийных работников. Центр не защищает местные партийные комитеты. Уходят кадры из аппарата. Нет материального интереса — зарплата низкая, а работа трудная. Союзные органы не защищают Россию. Необходимо делить РСФСР на зоны — из центра не управиться. Проиграли выборы, так как плохо со снабжением, люди недовольны руководством. Куда смотрит Политбюро? Почему ЦК валит вину на местные органы? Рабочие ничего от перестройки не получили.

Ответил, как мог, на вопросы. И уже к ночи вылетел в Москву.

18 мая. Информировал Медведева, Лукьянова и Разумовского

об итогах поездки в Ленинград. (Горбачев в КНР.) Обстановка в городе напряженная. Партийные органы не ожидали таких негативных для них результатов выборов. Ищут причину. Пытаются разобраться по сути. Думаю, что во многом правы, предъявляя претензии к Центру. Но есть и внутренние проблемы: недовольство снабжением, наглым разгулом кооператоров, ростом преступных проявлений. Идеологические службы в городе слабы. Телевидение в руках определенной группы. Они только подливают масла в огонь. Области и особенно городу необходимо серьезное внимание со стороны ЦК.

Не успел он внести предложение о необходимости избрания президиума, как на трибуну вбежал депутат, с лицом окаймленным окладистой бородой (тогда носили броду редко), как потом оказалось, врач из Риги В. Ф. Толпежников и заявил: «Прежде чем начать заседание, я прошу почтить память погибших в Тбилиси». Это было совершенно неожиданно. Зал вразнобой, но встал. Молчание. Только депутаты сели, как Толпежников делает депутатский запрос: «Кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов в Тбилиси 9 апреля 1989 года и применении против них отравляющих веществ?» Сказал и, не ожидая реакции председательствующего, сошел с трибуны.

В. П. Орлов справился с волнением и предоставил слово депутату В. П. Лукину. Тот от имени собрания представителей предложил в состав президиума съезда избрать Горбачева, Лукьянова, Орлова и представителя от каждой союзной республики: Азизбекову, Айтматова, Амбарцумяна, Бразаускаса, Воротникова, Горбунова, Ишанова, Киселеву, Кожахметова, Курашвили, Липпмаа, Мухабатову, Нишанова, Патона и Ротарь. Президиум избрали, и председательство на съезде взял М. С. Горбачев.

По повестке дня. Первым слово взял А. Д. Сахаров. Предложил принять Декрет Съезда (право принятия им законов, утверждения Правительства и т. п.). Для чего необходимо внести изменения в Конституцию. Начать съезд не с выборов председателя Верховного Совета, а с дискуссии по политическим вопросам и необходимых докладов, видимо, Горбачева, а если будут, то и других альтернативных кандидатов на пост Председателя Верховного Совета. Он стал довольно пространно обосновывать свои предложения.

Горбачев пытается прервать его. Но Андрей Дмитриевич закончил речь. В зале стало шумно. Горбачев успокоил депутатов, что надо-де дать возможность товарищам высказать свою точку зрения. Дело съезда — принять или не принять ее. И предоставил слово Г. Х. Попову, хотя в зале уже поднято было много рук.

Попов стал анализировать предложения Сахарова об изменении порядка рассмотрения вопросов повестки дня. То подтверждая, то логически отвергая предложения Сахарова, так и не сказав четко, что же он сам предлагает. Затем подверг сомнению порядок формирования Верховного Совета по территориальному принципу (по квоте), хотя и заявил, что это соответствует Конституции. Но, учитывая особенности Москвы, столицы СССР, попросил увеличить квоту для депутатов этого города в Верховном Совете.

Выступившие в прениях депутаты не согласились с доводами Сахарова и Попова. Проголосовали. Повестку дня утвердили.

Не менее активно шло обсуждение временного регламента, порядка ведения съезда, трансляции заседаний, о приглашенных. Наконец, избрали мандатную комиссию.

Особую активность с первого же дня работы съезда проявили Ю. Болдырев, В. Ландсбергис, С. Станкевич, Ю. Боярс, А. Себенцов, Г. Попов, А. Адамович, К. Лубенченко, И. Заславский и другие.

После перерыва заслушали доклад мандатной комиссии (Гидаспова). Съезд утвердил ее полномочия. По предложению депутата Шенгелая — поручили президиуму съезда подготовить предложения о персональном составе комиссии по рассмотрению событий в Тбилиси 9 апреля с.г.

Затем слово предоставляется Чингизу Айтматову. Он вносит предложение избрать председателем Верховного Совета СССР М. С. Горбачева.

Довольно длинно и витиевато говорит о достоинствах кандидата — «он растревожил спящее царство застоя… отважился на революцию умов… не из тщеславия, а потому, что узрел прогрессирующую болезнь общества. Он стоит на крутом ветру перестройки… И пока этот человек полон энергии, пока его мысль объемлет глобальные проблемы мира и повседневные нужды народного бытия… пока он способен на озарения и крупные политические обобщения… мы должны быть с ним рядом».

Снова возникла дискуссия. О совмещении постов. Кто — «за», кто — «против». Затем Горбачев ответил на многочисленные вопросы.

Депутаты Бурбулис и Бирюков внесли предложение о кандидатуре Б. Н. Ельцина. Тот взял самоотвод. Но одновременно заявил, что «признавая перестройку, я мог бы согласиться на какое-то предложение». (Значит, хотел быть рядом с Горбачевым.)

Тайным голосованием Председателем Верховного Совета СССР избирается М. С. Горбачев.

Заседание закончилось в 23.20.

* * *

26 мая. Съезд пошел своим чередом.

Обсуждение порядка избрания в Верховный Совет. Различные противоположные предложения. Состав Верховного Совета по квоте вроде согласован с каждой делегацией. Предложение по Совету Национальностей не вносили, а раздали список кандидатов, сколько надо было избрать. При обсуждении республики внесли некоторые коррективы — заменили одни кандидатуры на другие.

Делегация Москвы решила увеличить число мест в Совет Союза. Их квота — 29, а включили 55 человек. (Москвичи собрались, долго обсуждали, но к согласию не пришли и оставили все 55.)

Вечером провели голосование.

На другой день, 27 мая, объявили результаты голосования. В Совет Национальностей от РСФСР избрано 11 депутатов, в том числе и я, не прошел — Б. Н. Ельцин. Он получил меньше всех голосов из числа «12» по России. Таким образом, настаивая на альтернативных кандидатурах, будучи абсолютно уверен в своем рейтинге, он сам оказался за чертой.

Сильно проиграли москвичи, так как не были избраны 26 человек, в том числе многие из наиболее активных и «популярных» депутатов, такие как Г. Попов, В. Тихонов, И. Заславский, С. Станкевич, А. Мурашов М. Полторанин, Ю. Черниченко, Т. Заславская и др. Это возмутило московскую делегацию.

Сразу же резко и грубо выступил Ю. А. Афанасьев: «Сталинско-брежневский Верховный Совет… агрессивно-послушное большинство, которое завалило вчера те решения съезда, которые ждет народ!» Его выступление вызвало возмущение зала. Шум.

Горбачев дает слово Г. Х. Попову. «Мы, депутаты демократической ориентации, хотели конструктивной работы на съезде. Считали, что плюрализм позволит прислушаться и к меньшинству. Но вчера запустили машину голосования. Мы вынуждены изменить позицию, сформировать межрегиональную независимую группу депутатов. Приглашаем всех народных депутатов подумать…»

Так на съезде, а затем в Верховном Совете стала активно, наступательно действовать МДГ, по существу — оппозиция.

29 мая. Рассмотрели вопрос о первом заместителе председателя Верховного Совета. Открытым голосованием на этот пост избирается А. И. Лукьянов.

Затем произошло следующее.

Активных сторонников Б. Н. Ельцина, конечно, обескуражило то обстоятельство, что он не прошел в состав Верховного Совета. Это путало их планы. Стали искать выход. И надо отдать им должное — оказались прямо-таки мастерами своего дела — нашли.

Просит слова Г. Х. Попов. Он говорит, что при голосовании в состав палаты национальностей Верховного Совета СССР от РСФСР депутат Б. Ельцин оказался последним — двенадцатым по числу голосов, поданных за него, и таким образом не был избран, так как РСФСР имеет, как и любая другая союзная республика 11 мест в палате национальностей. И вот депутат от Омского национально-территориального округа А. И. Казанник, вошедший в число 11 избранных депутатов, просит рассмотреть вопрос о снятии своей кандидатуры в пользу Б. Н. Ельцина, чтобы тот вместо него вошел в состав Совета Национальностей.

Председательствующий Горбачев как-то сразу оживился и обратился с вопросом к Казаннику (доценту Омского университета). Тот вышел на трибуну. Начал с того, что «сам трижды обращался с просьбой на совещании представителей, чтобы его включили в список для голосования. Очень хочу работать в Верховном Совете. Юрист. Имею опыт. Но, когда увидел, что съезд «зарубил» многих видных ученых, политиков, принял решение о том, чтобы в Верховном Совете работал Б. Н. Ельцин. Однако, снимая свою кандидатуру, ставлю условие — включить Б. Н. Ельцина в состав Верховного Совета без голосования. Так как опасаюсь, что если будет голосование, то Б. Н. Ельцина опять завалят».

Горбачев, верный своей тактике, стал рассуждать. Сначала предложил президиуму и секретариату съезда изучить варианты (но с мест послышались голоса протеста). Тогда он заявил: «Мне думается, что в принципе мы настроены благожелательно. Я поручу юристам прикинуть возможности… Сначала решим о сложении полномочий Казанника…»

Тут Казанник резко возразил: «Нет, я не могу снять своих условий. Если я снимаю свою кандидатуру, то автоматически мое место занимает Б. Н. Ельцин».

Опять пошли реплики, предложения, варианты. Цель их была одна: ввести Ельцина в Верховный Совет. Попытки некоторых депутатов облечь эту проблему в законные формы, обсудить с правоведами и т. п. — прерывались шумом сторонников Ельцина.

А. Собчак стал приводить примеры из «мировой практики», что сам съезд-де вправе принять любое решение. И далее — в том же духе.

Горбачев делает следующее заявление: «Основываясь на том, что Б. Н. Ельцин хотя и не прошел в Верховный Совет, получил меньше всех голосов, но все же более 50 %, то переголосования тайного не требуется. Поэтому ставлю на голосование процедурный вопрос. Суть: если выпадает один из избранных депутатов, то его место занимает следующий, набравший большее число голосов. В нашем случае он один, больше никого нет».

Открытым голосованием принимается. Затем голосует о сложении полномочий А. И. Казанника — принимается. Так Б. Н. Ельцин стал членом Верховного Совета СССР. «Демократы» ликуют! Ай да Горбачев!

Хотя знатоки утверждали, что съезд должен был в такой ситуации по-иному действовать, если освобождается вакансия в Верховном Совете. Но Горбачев, по-моему, был доволен тем, как решился этот вопрос.

* * *

30 мая. Доклад М. С. Горбачева «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР».

Доклад был в меру аналитическим, в меру критическим, изобиловал общими оптимистическими прогнозами обновления общества, развития перестроечного процесса. В нем явно слабо, без учета истинного, реального положения дел и настроения людей, звучала тема озабоченности надвигавшимися и, вернее, уже проявившимися негативными тенденциями в экономике, социальной сфере, политике, в отношениях республик к Союзу и между собой. Горбачев не решился анализировать крупные недостатки четырех лет перестройки, ушел от этих проблем.

Однако депутаты в своих выступлениях сразу подняли эту тему. Еще не остывшие от острых предвыборных дебатов, заряженные критическим настроем избирателей, они выплеснули народную обеспокоенность с трибуны съезда. Первые выступавшие говорили о необходимости развивать и углублять перестройку, поддерживали тезисы доклада. В то же время подвергли сомнению теорию регионального хозрасчета. Она разрушает весь народнохозяйственный комплекс страны, нанесет вред экономике, приведет к разобщенности республик. Серьезная озабоченность высказывается состоянием культуры, отношением к работникам искусства, учителям, врачам, о недопустимости

коммерциализации медицины и образования. Взволнованно говорилось о том, что в бурных волнах демократизации тонут такие понятия, как «ответственность» и «дисциплина». Формируются силы, сознательно выбравшие путь конфронтации, дестабилизации. Резкие слова были сказаны по поводу экологических проблем.

После перерыва продолжались прения по докладу М. С. Горбачева. Очень эмоционально, с резкими обвинениями в адрес военных, которые совершили «беспрецедентное, массовое избиение участников мирного митинга в Тбилиси 9 апреля», выступил депутат Гамкрелидзе. Привел примеры преднамеренной жестокости, убийств, использования химических средств и т. п. Он считает, что командование Закавказского военного округа несет ответственность за происшедшую трагедию, в результате которой погибло 16 ни в чем не повинных людей. Его выступление вызвало всплеск возмущения в зале. Стали требовать, чтобы генерал Родионов дал необходимые объяснения съезду.

Выступил генерал-половник И. Н. Родионов (командующий ЗакВО).

Он заявил: «То, что произошло в Тбилиси, было провокационной акцией, носившей антисоветский, антигосударственный, экстремистский характер. Разжигались националистические, антирусские настроения. Сеяли раздор, смуту, оскверняли памятники, останавливали движение транспорта, били стекла. Эти беспорядки организовали лидеры общества «Церетели». На митинге перед Домом правительства распространялись призывы, лозунги: «Долой русских — коммунистов», «Русские — вон из Грузии», «СССР — тюрьма народов». Страсти на площади были накалены. Возникла угроза расправы над коммунистами, всеми, кто не приемлет этих националистических лозунгов.

Руководством республики было принято решение освободить от митингующих уже несколько дней площадь перед Домом правительства. Для этих целей использовать органы МВД, внутренние войска, были подтянуты и части министерства обороны. Нам поставлена задача вытеснить людей без какого-либо применения оружия. Стали объяснять по мегафонам, просили разойтись. Подготовленные отряды боевиков оказали жестокое и упорное сопротивление. Возникли столкновения, давка. Толпы людей двинулись с площади, но она была заблокирована транспортом. В давке и погибли, и пострадали многие. Никаких химических отравляющих средств не применяли, использовалось средство слезоточивого действия

«черемуха». В столкновении получили ранения и увечья немало солдат и офицеров».

Зал воспринял выступление в целом с пониманием.

В перерыве в комнате Политбюро очень взволнованно вел себя Э. А. Шеварднадзе: «Обсуждение такой трагедии нельзя вести так упрощенно. Выступление генерала Родионова возбуждает людей. Что он говорит?!» М. С. Горбачев: «Ну, послушай. Не надо форсировать напряженность. Разберемся».

* * *

31 мая. Продолжение обсуждения доклада Горбачева.

Оживление в зале вызвало умное, ироничное выступление поэта Б. Олейника, который остро высмеял попытки ряда депутатов покрасоваться на трибуне и у стола президиума. Он также поставил ряд принципиальных вопросов национального языка, межнациональных отношений, неоправданных конфликтов, состояния экологии.

После перерыва выступил Б. Н. Ельцин. Его речь изобиловала рядом резких оценок и «смелых» предложений. Заявил, что «активизировались антиперестроечные силы, прогрессирует теневая экономика, коррупция, растет преступность… Углубляется расслоение общества по имущественному признаку. Растет число бедных… Народные массы не вовлечены в управление государством. Дезорганизован внутренний рынок, растет инфляция… Программа и обещания, данные за 4 года, не выполнены».

Затем Ельцин изложил свои представления о том, что следует предпринять: «Решительно провести децентрализацию власти и экономики. Землю — крестьянам… Обеспечить гарантии широчайшей демократизации и гласности. Решить вопрос о роли партии в обществе. Ждать нельзя. Поправить положение в партии может XXVIII съезд. В экономическом отношении: изъять из оборота деньги, не обеспеченные товарной массой. Предоставить больше политических прав, экономическую и финансовую самостоятельность союзным республикам. Дать им территориальный суверенитет. Принять законы о пенсиях, о бедности, о формах собственности. Социально защитить наименее обеспеченные слои общества. Ежегодно проводить референдумы о доверии Председателю Верховного Совета СССР».

Перечитать бы Борису Николаевичу позже, когда он стал главой «демократической» России, то свое выступление!..

В последующие дни на съезде продолжалось обсуждение

доклада Горбачева. Дискуссии шли необычно. Было много шума, эмоций, взаимных обвинений. Но были и дельные речи, взвешенные, аргументированные предложения о том, как преодолеть кризисные явления в экономике, улучшить жизнь людей.

Приняли решение о создании комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года. По предложению Горбачева в состав комиссии включен А. Н. Яковлев.

6 июня. Первое заседание Совета Национальностей. Открыл его вступительным словом М. С. Горбачев.

Председателем палаты избран Р. Н. Нишанов. (Председателем Совета Союза накануне избрали Е. М. Примакова.)

7 июня. Совместное заседание палат Верховного Совета. Н. И. Рыжков сложил полномочия Правительства СССР. По предложению Горбачева Председателем Совета министров СССР назначен Н. И. Рыжков.

Председателем КНК назначен Г. В. Колбин, председателем Верховного суда — Е. А. Смоленцев, Главным государственным арбитром — Ю. Г. Матвеев, Генеральным прокурором — А. Я. Сухарев. (Эти решения были, затем утверждены на съезде.)

9 июня. Решили прения прекратить (всего выступили 78 человек).

После настойчивой просьбы слово получил А. Д. Сахаров. Выступил эмоционально, несколько сумбурно, длинно, зачитывал документы (Декрет о власти, полномочия Верховного Совета и др.). Горбачев несколько раз прерывал его. Было как-то неловко и за Сахарова, он очень нервничал, и за несдержанную реакцию съезда, и за бестактное поведение Горбачева. Или бы не предоставлял слово, тем более вечером, когда все устали, или, если уж дал, так не мешай.

Съезд завершил свою работу уже поздно. Состояние было такое, что наконец-то завершился тяжкий, изнурительный пеший переход. Собрались накоротке в комнате Политбюро в КДС. Кто сидит, кто ходит, какое-то отрешение. Вроде бы съезд закончился, все основные вопросы решили, а удовлетворения сделанным нет. Находимся под гнетущим впечатлением этой шумной, сумбурной, крикливой, с проявлениями нетерпимости и противостояния, политизированной атмосферы съезда. Во всяком случае, у меня, думаю, и у других товарищей было такое ощущение.

* * *

14 июля. Политбюро ЦК.

О платформе КПСС «О путях гармонизации межнациональных отношений в СССР». (Материал — доклад был разослан по Политбюро заранее.) Выступления.

Воротников: «В обществе растут проявления местничества, группового эгоизма, национальной замкнутости, сепаратизма. Став на путь демократизации и гласности, партия. Политбюро в чем-то идеализировали эти процессы. Этим обстоятельством воспользовались негативные силы. Не было и четкой идеологической концепции проведения перестройки. Серьезные промахи в организаторской работе ЦК и т. п. Национальные проблемы надо рассматривать через призму политических и экономических изменений, происходящих в обществе в ходе перестройки. Проявились неоправданные претензии и нападки в адрес РСФСР, которую все республики отождествляют с союзными структурами. Это, бесспорно, вызвало реакцию со стороны российского населения. Законны требования о повышении правового статуса России, сейчас нарастают тенденции создания РКП, даст ли это положительный импульс в объединении Союза? Думаю, что наоборот. Необходим к Пленуму обстоятельный, правдивый анализ прошлого и настоящего состояния межнациональных отношений и четкая программа на будущее».

Щербицкий: «Необходимо уточнить, что такое суверенитет? Толкуют, кто как хочет. Двуязычие — обязательно. В УССР неформальные объединения в своем большинстве — откровенно националистического толка».

Шеварднадзе: «Имеющаяся ситуация в национальных отношениях неоправданно преподносится как новая. В Материалах критикуется индустриализация — так ли это плохо? Центральный вопрос — о праве выхода из Союза. Да или нет? Не ясно. Об идее нового договора — в докладе говорится расплывчато».

Медведев: «Процессы идут, и мы уже не можем отмалчиваться. Надо определиться и сказать, что происходит на самом деле. Объяснять нынешнюю обстановку только ошибками и недостатками прошлого — это неправильно. О РСФСР — если сделать так, то есть дать ей большие права, то центростремительные силы разрушат Федерацию. Что-то надо сделать, в том числе и Бюро по РСФСР, но в определенной мере ограничить права не только РСФСР, но и других республик».

Яковлев, как всегда, коротко, лаконично, безапелляционно: «Считаю документ стоящим. К РСФСР нужен аналогичный подход, как и к другим республикам. Никакого старшего брата. Если есть серьезные замечания, то, может быть, отложить Пленум

(обиделся, так как он один из авторов проекта). Обстановка сейчас действительно сложная».

Рыжков: «Документ для обсуждения на Пленуме не готов. Ведь если ошибемся — развалим государство. О Центре — нужен каркас, обязательно. Дело идет к ликвидации Центра! Не очень понятно — о гражданстве. Язык — обязательно двуязычие в каждой республике. По РСФСР сложно — надо идти по этапам». (А у Яковлева — просто, как у всех, без «старшего брата» — и все!)

Лукьянов: «Сейчас в республиках явный всплеск национализма. Прошлое оценено необъективно. РСФСР — это не унитарное государство. Движение за суверенитет в России — это ответ на нажим извне. Слабо сказано о партии как гаранте единства. Таким образом, нужны четкие принципиальные позиции. А их в докладе нет».

Крючков: «Документ должен быть отточен. Пленум можно провести и через месяц, полтора — не беда. Дать объективную оценку по положительным моментам и недостаткам. Более четко сказать о русском народе. Не допустить размежевания. За интеграцию. Не давать простор дезинтеграции России, этого ждут некоторые республики. Им нужен повод».

Выступили еще: Пуго, Чебриков, Никонов, Власов, Бакланов, Язов.

Горбачев: «Ситуация требует выработать партийную платформу по национальному вопросу. Необходимо занять прогрессивные позиции, но реалистические, соответствующие перестройке. Это критический путь, который мы обязаны пройти. Уклоняться мы не можем. Но нельзя и ошибаться. Процесс идет, нарастает. За 70 лет Федерация так сплелась, что требуется разобраться и определить пути движения дальше. Дать ответы на вопросы, поставленные жизнью. Конечно, не все поддержат это. Будет размежевание. Станет ясно, кто с нами, кто нет». (?!)

Поручить: Чебрикову, Яковлеву, Медведеву, Воротникову, Маслюкову, Разумовскому, Пуго в десятидневный срок внести предложения. Пленум — в сентябре». Согласились.

* * *

18 июля. Кремль. Свердловский зал.

Совещание секретарей ЦК КП, обкомов и крайкомов КПСС.

«О деятельности партии на нынешнем этапе перестройки». Доклад М. С. Горбачева был опубликован, и нет смысла его повторять.

Выступления участников на этот раз были раскованными, в большинстве откровенными, резко критическими. Не обошлось и без крайних точек зрения в оценке обстановки. Вот тезисы некоторых из них:

С. К. Арутюнян. Привел слова рабочего: «Партия обманула надежды отца и мои. Что ждет моего сына? В Армении растет влияние неформальных организаций. Мы пока не имеем целостной концепции КПСС в перестройке. Считаю, что осенью 1990 года необходим съезд. ЦК принял много поспешных решений, но проявляет медлительность в реализации того, что декларируется по принципиальным вопросам».

Л. Ф. Бобыкин: «В экономике идут отрицательные процессы. Так называемая самостоятельность, самофинансирование не дают результата. Кооперативы разлагают людей, так как Центр не решает проблему налогообложения. Осложнилась идеологическая ситуация, противоправные проявления, особенно среди молодежи. Забастовки, преступность. Опять образовались зоны, закрытые для критики, — печать не тронь. Она всегда права. ЦК не имеет твердой линии в идеологии. Роль Секретариата ЦК утрачена, потеряна. Нужен второй секретарь ЦК. М. С. Горбачев часто отсутствует. Не с кем решать вопросы в ЦК».

Н. И. Рыжков: «Партия теряет авторитет. А некоторые товарищи говорят, что ничего особенного не происходит, нечего волноваться?! (Это в адрес А. Н. Яковлева, он всегда на Политбюро успокаивает.) В стране развиваются конфедеративные тенденции со стороны ряда республик. Концепция перестройки партии от первичных организаций до ЦК не выработана. А эти товарищи опять-таки считают, что все само собой образуется. Самоочищение партии часто сводится к самобичеванию. Средства массовой информации тянут куда хотят. Так продолжаться дальше не может. Необходимо рассмотреть распределение обязанностей в Политбюро и Секретариате. Освободить М. С. Горбачева от многих обязанностей, чтобы сосредоточиться в ЦК. У нас немало попыток миротворчества, желания ладить и с левыми, и с правыми. Народ не видит, не понимает нашей позиции — кого мы осуждаем, а кого поддерживаем».

В. А. Медведев: «Озабоченность и тревога неурядицами в экономике, расстройством рынка, национальными конфликтами обоснованы. Возникли сомнения — туда ли мы идем? Так ли действуем? Но мы вступили на этот путь и сможем решить проблемы, которые остались нам от прошлого. Идеологическая ситуация очень сложная, так как в ней отражаются и свои, и другие проблемы. Но я не согласен с тем, что не выработана линия в идеологической работе. О прессе. Партийное влияние на

прессу ослабло, но идти против гласности — значит потерять доверие народа».

М. С. Горбачев в заключение, как и всегда, порассуждал вокруг крайних позиций, прозвучавших в выступлениях, призвал к обновлению партии — «чтобы люди видели, что партия не отступает от перестройки». И сделал упор на то, что главное сегодня — кадры: «Подбирать, обновлять, учить, помогать — на всех уровнях, вплоть до Политбюро».

Как доклад, так и заключительное слово не продвинули нас вперед ни на шаг. Озабоченность, тревога многих руководителей партийных комитетов не пробивает стену горбачевской самоуверенности. Разошлись… и ничего не изменилось.

Выступили: И. Х. Тооме — председатель СМ Эстонии и К. Д. Прунскене — заместитель председателя СМ Литвы. Они стремились во что бы то ни стало обосновать экономическую целесообразность проекта. (Все, что на ее территории, — это собственность республики.) Подчеркивали значение этого закона не только с экономической, но и с политической точки зрения.

Ю. Д. Маслюков: «Не могу согласиться с толкованием республиками положения о передаче в их ведение всей союзной собственности на территории. Это ставит в ложное положение страну и ущемляет права других республик. Таким образом, сейчас из политических соображений принимать такие «горячие» решения преждевременно».

«Демократы» Фильшин, Бунич — целиком «за». Были выступления и в поддержку, и против. Попросил слова и я. Что говорил?

«Товарищи из Литвы и Эстонии считают, что такое решение экономически выгодно и будет способствовать политической стабилизации. Однако проект не дает ответа на многие важные вопросы. Авторы исходят из целостности советской экономики, из гармоничного развития каждой республики и Союза в целом. Но, в то же время, создают преимущественные условия для двух своих республик по отношению к другим. Таким образом, их предложения должны быть скорреспондированы с общими законами.

Второе. Говорят, что путь Эстонии, Литвы — это взаимовыгодные рыночные отношения с другими республиками. А в проекте поручается Госплану СССР централизованно обеспечивать поставки в эти республики продукции в соответствии с планами, которые они будут разрабатывать. Какой же это рынок? Они, с одной стороны, за рынок, критикуют план, а себе требуют исключительных привидегий. Или о безвозмездной передаче всего, что на территории республики, в ее ведение.

Опять-таки анархический подход. Да, трудно определить, кто где больше сделал и кто кому больше должен. Но делать это надо.

Нужно учитывать и конкретные экономические условия, в которых находится та или иная республика не по своей воле. Из-за отсталости ценовой политики базовые отрасли (а они в основном расположены в РСФСР) все убыточны. Как же можно устанавливать эквивалентные отношения, не приведя в порядок цены? Таким образом, проект можно поддержать лишь в тех рамках, в которых он не выходит за пределы существующих законов. Не более».

Обсуждение этого вопроса продолжалось весь день и было перенесено на 27 июля. Но Горбачев провел на сессии проект закона. И республикам Прибалтики был дан, как он сам выразился, «зеленый свет» на пути к экономической самостоятельности. Это было начало движения к независимости политической и отделению их от СССР.

* * *

19 сентября. Пленум ЦК КПСС. Участвовали секретари обкомов, министры, председатели комитетов и комиссий Верховного Совета, руководители союзных республик, командующие военными округами.

1.0 созыве очередного XXVIII съезда КПСС.

Доклад М. С. Горбачева. Согласились.

2. «Национальная политика партии в современных условиях».

Доклад М. С. Горбачева опубликован.

Каковы основные ключевые вопросы доклада? Суть Платформы КПСС по национальному вопросу.

«Речь идет об обновлении национальной политики. Ее философский смысл заключается в том, чтобы определить оптимальные формы соотношения интернационального и национального… Ключевой вопрос — самоопределение наций. Необходимо рассматривать это не только как право на отделение, а как сложный многоплановый процесс утверждения национального достоинства, развития языка, культуры, укрепления политической самостоятельности, экономического и социального прогресса.

Платформа предусматривает ряд мер для выравнивания экономической обстановки в республиках. Намечена децентрализация управления экономикой, внедрение разнообразных форм собственности. Все это мы и намерены обсудить на Пленуме».

Тезисы некоторых выступлений:

Ю. Н. Ельченко (УССР): «Политические экстремисты на Украине развили активную деятельность. Проявляется оголтелый национализм. РУХ — его программа нацелена на отделение Украины от Союза».

А. И. Вольский (Комитет ИКАО): «Идет соревнование — чья нация древнее, культурнее и т. д. Национал-патриоты подталкивают, но сами не идут на улицы. Те, кто страдает от проявлений национализма, в правовом отношении не защищены. Люди возмущаются, почему о своих правах больше и громче всех вопят бендеровцы, лесные братья, ОУНовцы и т. п. Милиционер и солдат вообще бесправны. В ИКАО формальные и неформальные лидеры Армении и Азербайджана постоянно накаляют обстановку. Область на грани войны».

И. А Каримов (Узбекистан). Говорит о роли России в развитии среднеазиатских республик. Это пресса нагнетает обстановку. Против попыток создать конфедерацию. Призывает к сотрудничеству и терпимости в отношениях.

В. И. Воротников: «Становится ясным, что те преобразования, на которые направлена перестройка, требовали более четкой концепции. Мы действительно «ввязались в бой», а потом начали разбираться, какими путями идти. Игнорируя очевидную политическую логику, кое-где стали раскачивать идеологический фундамент, на который опирается наше многоликое общество.

Конфликтные ситуации в ряде районов возникли не только в результате неверного подхода к конкретным проблемам межнационального сожительства, но и являлись следствием ослабления социалистической духовно-идеологической основы нашего общества. Именно в этом заключается причина болезненных проявлений в сфере национальных отношений.

И на этом фоне надо рассматривать действия политиканствующих кругов, националистических элементов.

Сейчас у народов России вызывают обиду и недоумение негативные проявления по отношению к русским в Прибалтике и других республиках. Есть у нас и внутренние трудности.

Высказываются предложения об образовании РКП в КПСС. При этом следует учитывать, как скажется создание РКП на единстве КПСС. Думаю, что отрицательно. Нельзя упрощенно толковать взаимосвязь между политической и экономической демократией, когда речь идет об отношениях республик».

Что следует сказать. Этот Пленум, вопреки намерениям его организаторов, не только не снял напряжение в межнациональных отношениях, но, более того, явился стимулом, катализатором еще более активного движения по развитию

сепаратизма, национализма в большинстве республик. Что в итоге после новых непродуманных действий, а вернее, бездействия, лидера партии и государства, под нажимом определенных сил приблизило распад СССР.

«Обстановка на совещании сложная. Выступления разноречивые. Степень согласия — меньше, чем раньше. Высказывания острые, несдержанные. Особо дистанцировались ПНР и ВНР. Кто слева — в позе учителей, «делай как мы». С другой стороны, например, Румыния выступала как непримиримый борец «за чистоту идей социализма». Весьма раздраженно выступил Фойтик — КПЧ. Согласия все меньше».

О просьбе Л. Н. Зайкова освободить его от работы первого секретаря МГК. Причину не обсуждали. Но у него явно нет поддержки со стороны Горбачева. Генсек стал часто и без оснований осаживать попытки Льва Николаевича высказываться даже на Политбюро. Предложение — перевести Л. Н. Зайкова в Совет обороны — заместителем председателя Совета. А кого в МГК? Думать.

Затем Горбачев рассказал, что «28 сентября (четверг) в дачном поселке Успенское на пост милиции пришел Б. Н. Ельцин. Было около полуночи, весь мокрый. Согрели его, дали коньяку, вызвали дочь и зятя. Они приехали и увезли его. Б. Н. Ельцин просил не предавать этому факту огласки. Милиция — сообщила в МВД. Надо разобраться».

5 октября. ЦК КПСС. У А. Н. Яковлева. Беседа с руководителем находящейся в Москве, по приглашению Верховного Совета РСФСР, делегации Национального Совета Чехии Й. Кемпны.

А. Н. Яковлев принимал Й. Кемпны, по сути, как второе лицо в партии. Говорил в основном Й. Кемпны. Информировал о нарастании негативных процессов в ЧССР, межнациональных противоречиях, экономической и политической обстановке. Александр Николаевич слушал спокойно. Реагировал сдержанно. Особо беседу не поддерживал. По существу, он превратил беседу в чисто протокольную. Чехи это поняли и вскоре распрощались.

* * *

Небольшое отступление. Несколько слов о А. Н. Яковлеве. До прихода в ЦК я его лично не знал. Отзывы о нем слышал еще в начале 70-х годов, когда он работал первым заместителем заведующего. Какие — я рассказал об этом выше. Но в 1973 г. его вдруг направили послом в Канаду. Это вряд ли была «ссылка»,

скорее всего, намерение прибавить ему опыта во внешнеполитической сфере. Хотя были и слухи, что М. А. Суслов остался недоволен одной публикацией Яковлева в печати накануне 50-летия образования СССР.

Не без помощи Горбачева он в 1983 году был отозван в Союз и назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Став Генсеком, Горбачев отправил Б. И. Стукалина послом в Венгрию, а на его место 5 июля 1985 г. заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС на Политбюро был утвержден А. Н. Яковлев.

Как с заведующим Отделом пропаганды ЦК мне с ним общаться по каким-либо вопросам не приходилось. Не было и телефонных разговоров. А. Н. Яковлев в первое время держался в тени. В этот период секретарем ЦК, ведавшим вопросами идеологии, науки и культуры, был М. В. Зимянин. Опытный газетчик, поработавший и на дипломатическом поприще. Человек эрудированный, открытый, скромный, контактный, несколько эмоциональный. К нему относились с уважением.

С ним в основном я и обсуждал возникающие проблемы. Причем чаще звонил мне он по различным вопросам. Так было до марта 1986 г., когда на Пленуме секретарем ЦК был избран А. Н. Яковлев.

Сложилась парадоксальная ситуация. Два секретаря — Зимянин и Яковлев — курировали идеологические вопросы. Но на первый план все больше выходил Яковлев, так как Зимянин часто болел, и было видно, что Горбачев приближает своего протеже. В январе 1987 г. на Пленуме М. В. Зимянина освободили от работы в связи с уходом на пенсию. Было очевидно, что определенную роль в подготовке идеологических основ этого важного Пленума сыграл А. Н. Яковлев. С этой поры он все более сближался с Горбачевым. Во все зарубежные поездки Горбачев стал неизменно брать с собой Яковлева.

А. Н. Яковлев в 1986 г. был на Политбюро скромен. Выступал редко. Всегда кратко, образно, с позиций безусловной поддержки перестройки, подчеркивал ее прогрессивный, социалистический характер. Затем, после января 1987 г., он стал более настойчиво продвигать тезис демократизации, гласности, раскрытия потенциальных возможностей социализма в борьбе за обновление общества. В июле 1987 г. он стал членом Политбюро.

Особенно выросли его роль и влияние на Горбачева после XIX партконференции. Уже как член Политбюро он стал более весомым, уверенным в себе. Не говорил, а вещал. При спорах, дискуссиях занимал чаще не конфронтационную, а примирительную позицию с непременным уклоном к

радикальным преобразованиям, против косности и консерватизма. Отвечая на обеспокоенность, тревогу товарищей, что в обществе зреют и идут негативные процессы, проявляются левацкие загибы, необоснованно охаивается в прессе все прошлое, он обычно уверял, что ничего в этом страшного нет. Все идет нормально. Демократический процесс не надо стерилизовать, загонять болезнь внутрь. Надо вскрывать негативные явления. Создаются разные общественные неформальные организации и народные фронты — это хорошо, поддержка перестройки. Националистические проявления тоже объяснимы, так как растет национальное достоинство народа. Если чудачит пресса, то это плюрализм мнений и т. д.

В марте 1988 г., когда «Советская Россия» опубликовала статью Нины Андреевой, А. Н. Яковлев отнесся к этой публикации резко критически. Его возмущение, ярость были необычны. Перед нами предстал не миротворец, а страстный борец — Александр Яковлев. Он буквально разнес статью, автора, да и тех, кто пытался как-то смягчить обвинения, утверждая, что от нашей прессы можно ждать всего. Мне запомнилось также очень агрессивное выступление А. Н. Яковлева на Секретариате в мае 1989 г., когда речь шла об организации «Память». Он обрушился на всех и вся. И возникшие ранее по различным причинам разногласия с Е. К. Лигачевым стали разрастаться.

Как уже говорилось, Горбачев принял упреждающие меры. С его точки зрения, ловко развел соперников. А по существу грубо перетасовал людей в Политбюро, переменив сферы их деятельности. Отстранив Лигачева с фактической роли второго секретаря ЦК, поручил ему «самое сложное — сельское хозяйство». Идеологию — Медведеву, Яковлеву — международные вопросы. Собственно, поставил последнего рядом с собой. С этой поры фактически прекратил работу Секретариата ЦК, стала утрачиваться связь с местными партийными комитетами. Так, по-моему, человеческие симпатии и антипатии Генсека привели к значительному ослаблению организационной структуры и затруднили работу Политбюро и Секретариата ЦК. Ну а Яковлев стал незаменимым советником и другом Горбачева.

* * *

Вернемся к дневнику. Октябрь 1989 года.

7 октября. В 23.40. М. С. Горбачев возвратился в Москву из Берлина, где был на торжествах, посвященных 40-летию ГДР.

Продолжительная беседа в аэропорту. Он «заряжен»

впечатлениями. Массовое шествие молодежи, факелы. Крики, приветствия в мой адрес, скандирование «Горби»! Э. Хонеккер несколько напряжен, но непоколебим». Обстоятельный разговор был с членами Политбюро о перестройке. Чувствуется, отметил Горбачев, что ранее Э. Хонеккер не все рассказал своим коллегам о наших беседах. Я сказал им прямо: «Кто опаздывает, того наказывает жизнь». Но Э. Хонеккер не чувствует осложнившейся обстановки вокруг него. Настроение в народе и активе сложное. Можно ожидать непредвиденных событий». (Мы слушали его оживленный рассказ с обеспокоенностью.) Но он продолжал, как бы об уже решенном деле: «Возможная опора — Ханс Модров и Эгон Кренц».

16 октября. Меня вызвали к М. С. Горбачеву в ЦК.

Там уже были: Яковлев, Медведев, Крючков, Рыжков, Шеварднадзе.

Горбачев: «Обстановка в ГДР развивается быстро. В эти дни имели разговоры с отдельными товарищами из руководства ГДР. Э. Кренц информировал, что сегодня может быть демонстрация в Лейпциге. Э. Хонеккер 13 октября подписал приказ, если будет демонстрация и агрессивные действия/ то привлечь полицию. Но без применения оружия. Позиция министра обороны Кейслера не ясна (его нет в ГДР). Э. Хонеккер не видит остроты положения. Сегодня в Москву прибыл Тиш. Он имеет полномочия (Штофа, Кренца, Мильке). Они намерены на Политбюро ЦК СЕПГ предложить Хонеккеру сложить полномочия. Или на Пленуме 18 октября. Если он откажется — то снять.

Наши позиции. Вопросы назрели и надо решать. Иначе, если потеряют инициативу, то сметут всех (Мильке считает, что они уже опоздали). Нам следует реагировать в СМИ — спокойно, без уклона в ту или иную сторону. Во-первых, предупредить о сдержанности ФРГ, чтобы они не вмешивались. Второе. Надо войти в контакт с руководством социалистических стран, после событий. (Почему — после событий?!) Также и с европейскими странами. Объяснить нашу позицию на дальнейшее. Как мы видим это. Социализм должен защищаться, эти перемены должны быть в рамках социализма. Наша печать должна информировать так, как печатают они. Надо сказать и Д. Бушу — могут же быть нюансы! В особенности если речь пойдет о возможном объединении Германии. Их отношение. Их тактика. О наших военных — вести себя спокойно. Без демонстрации».

Обсуждение он не открыл. Просто информировал нас, небольшую группу членов Политбюро. И это в такой тяжелейшей ситуации, когда дело касалось целой страны, ее народа!

Затем Горбачев информировал нас по второму вопросу. Он

рассказал, что «Бакатин (МВД) уточнил истинные факты «мокрого» события 28 сентября с Б. Н. Ельциным. Тот был у кого-то на даче в Успенском. Шел с цветами (их нашли у калитки), говорят на дачу Башилова. Машину отпустил раньше. Что там произошло, в какой пруд или ручей упал или столкнули — не известно. Явился на проходную ночью. Попросил помощи у милиции и так далее. Учитывая, что пошли депутатские запросы, считаю — не скрывать и информировать на Президиуме и сессии Верховного Совета».

14.00. Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Вел М. С. Горбачев. «В связи с запросом депутатов и населения о якобы имевшем место покушении на Б. Н. Ельцина: давайте заслушаем министра внутренних дел В. В. Бакатина».

Он сказал: «Было устное заявление Б. Н. Ельцина представителям милиции о покушении. Он ехал на дачу. Отпустил машину, шел пешком. Его догнала другая машина. Одели мешок. Втащили в машину, отвезли к реке и сбросили с моста в реку. Он в воде освободился, выплыл и пришел на пост охраны дачного поселка Успенское, где изложил эти факты. Затем приехали родственники и увезли его. Что же касается версии Ельцина (ехал, отпустил машину, шел пешком, его нагнали, одели мешок, повезли и сбросили в реку), то никто: ни его водитель, ни пост ГАИ, мимо которого якобы шел Борис Николаевич, ни фактическая обстановка (высота моста — около 15 метров), ни время происшествия это не подтверждают. 29 сентября Ельцин позвонил мне (Бакатину), просил не проводить расследование, отозвал свое устное заявление. Но так как факт стал известен не только сотрудникам МВД, то я сказал, что доложу руководству».

Попросили Б. Н. Ельцина дать объяснение.

Ельцин говорил коротко, сбивчиво: «Это шутка, мало ли что бывает. Это моя частная жизнь. Но попытки угроз и шантажа в мой адрес были. Приходил какой-то полковник КГБ и т. п.» На вопросы отвечать отказался. Горбачев не стал комментировать этот акт, а предложил принять сообщение к сведению.

16.00. Заседание палат Верховного Совета.

После обсуждения вопроса повестки дня Горбачев сказал:

«В связи с тем, что по Москве распространяются слухи об якобы имевшем место покушении на Б. Н. Ельцина, этот вопрос сегодня разбирал Президиум ВС. Предоставляю слово Бакатину».

Бакатин повторил, еще более детально, все, как и на Президиуме. Буквально несколько слов сказал Ельцин: «Претензий к МВД у меня нет. Никакого нападения не было.

Никаких заявлений я не делал. Это частное дело».

М. С. Горбачев: «Принять к сведению, что никакого покушения не было. Пошутил. Все».

Так и закончился этот фарс.

* * *

17 октября. ЦК КПСС. Совещание у В. А. Медведева.

О политической структуре в РСФСР.

Воротников: «Я против образования самостоятельной компартии в РСФСР. Это будет способствовать взаимоизоляции компартий республик. В то же время многие партийные организации, движения в России требуют образования Компартии и ЦК в РСФСР. Об этом пишут в письмах, говорят на встречах, принимают резолюции. Критикуют за слабую связь ЦК с местными партийными организациями. В союзных республиках связь парткомов со своим ЦК значительно лучше. Ощущаем и мы необходимость координации работы.

Предложения. ЦККП России не создавать. Образовать в рамках ЦК, его аппарата, — подразделения по РСФСР (как подотделы в отделах ЦК. Во главе — первые заместители заведующих отделами). Иметь Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Председатель — Генсек. Первый заместитель председателя — секретарь ЦК КПСС. Члены бюро: 2–3 секретаря ЦК, Председатель Верховного Совета и председатель Совета Министров РСФСР. Ввести в состав Бюро также 2–3 первых секретарей обкомов, представителей рабочих, крестьян, интеллигенции. То есть это должен быть политический, организационно-идеологический орган».

На совещании высказывались противоречивые мнения, но в основном все за то, что в РСФСР необходима какая-то политическая структура. Но кто и как правомочен решить эти вопросы? Пленум ЦК или представители РСФСР в его составе? Решили доложить на Политбюро.

19 октября. Заседание Политбюро ЦК. Вел Горбачев.

Об образовании Российского бюро ЦК КПСС и некоторых изменениях в структуре отделов. Информировал В. А. Медведев.

Затем говорили члены Политбюро. Вопрос назрел, отношение к предложениям неоднозначное. Но надо принимать решение.

Горбачев: «В рамках ЦК нужен политический орган руководства российскими партийными организациями. Это мнение едино. Какой, кто в его составе? Надо продумать. Второе — функции аппарата, его структура. Сейчас не будем менять

отдельскую структуру. Мы идем к съезду. Мнений разных много. Предлагаю согласиться с внесенными предложениями». Приняли.

9 ноября. Заседание Политбюро.

Информация о работе по переводу на хозрасчет Литвы, Латвии, Эстонии. Докладчик С. Н. Ситарян. Зам. председателя Госплана СССР.

Он сказал: «Представители республик ведут в Госплане жаркие споры. Разногласия — о собственности. Требуют безвозмездной передачи в республики всех союзных предприятий. Что невозможно, так как союзная собственность составляет там около 75 %. Далее республика определяет сама всю налоговую политику! А что союзному бюджету? Свободу в денежном и кредитном отношениях. То есть свою национальную валюту! То же и банки! Формирование плана. Они требуют договорных отношений с Союзом! Этого нельзя допустить».

Стали обсуждать. Вот некоторые тезисы.

В. С. Павлов: «Требования республик неприемлемы. Необходимо сначала решать вопросы о ценах (оптовых, закупочных), тарифах на перевозки. Определиться с налогами и т. д. Тогда будут сняты дотации Центра и ответственность возложена на республики. Без этого, ни о каком хозрасчете не может быть и речи».

В. А. Медведев категорически выступил за расширение полномочий республик. Их экономическую самостоятельность: «Они готовы». (Я возмутился: «И ты готов! А что последует дальше? Это тебя не касается?»)

Н. И. Рыжков: «Сначала республики активно обсуждали все вопросы экономической реформы. Затем все изменилось. Главное — в их предложениях явно просматривается политический интерес. Сейчас нам дальше, чем условились, отступать нельзя. Только после принятия союзного закона можно было бы обсуждать эти вопросы».

* * *

16 ноября. Заседание Политбюро ЦК.

О положении в Компартии Литвы. (Участвовали члены Бюро ЦК КП Литвы.)

Сообщение первого секретаря ЦК КПЛ А. К. Бразаускаса:

«Сейчас «Саюдис» выступает за перестройку, а по существу ведет активную борьбу за восстановление государственности Литвы, которую она имела до 1940 года. Эта линия находит поддержку у большинства общества. Идет атака на партию, Бюро

ЦК, на правительство. Средствами массовой информации мы по существу не владеем. Они являются рупором «Саюдиса» и других негативно настроенных неформальных организаций. КП Литвы как составная часть КПСС испытывает на себе давление этих сил. Надо учитывать и соотношение в партии, где около 70 % литовского населения, как нам выдержать?!

Ряд наших решений, мы понимаем, расходятся с позицией большинства. Они требуют самостоятельности КП Литвы. В их составе основная интеллектуальная сила. Мы вынуждены маневрировать, может быть, и не очень правильно. Вы вправе предъявить нам требования. Но что дальше? Мы понимаем, что будет обновление КПСС, но какое — мы не знаем. В то же время мы не можем сдержать силы, выступающие за досрочное проведение съезда в декабре. Потому опубликовали документы, решили не ожидать Программы и Устава КПСС».

Выступили литовские товарищи: В. А. Березов, В. С. Астраускас, В. В. Сакалаускас, Ю. К. Ложела, С. А. Гедрайтис, А. М. Масдонис и другие.

Высказывания разные, от безоговорочной поддержки Бразаускаса, попыток как-то найти компромисс до резкой критики и неприятия политики и действий лидера КПЛ.

Выступления членов Политбюро.

Разумовский раскрыл тактические потери КПЛ, необратимость процесса утраты авторитета и отхода от КПСС. О роли Бразаускаса.

Рыжков: «Стратегическая установка «Саюдиса» на выход из СССР сейчас осуществляется тактически. Правовой статус, экономическая самостоятельность. Затем политический шаг — партия. И все! Республика вне Союза!»

Воротников. «Бразаускаса слушаем не впервые. Он все нас успокаивал. Сейчас — открыл, что иного пути нет. Что дальше, спрашивает нас. Ведь история Литвы началась не с 1940 года? Почему эта дата берется в отсчет, когда речь идет о государственности, о национальном сознании. Но ведь такое осознание проявляется везде, в том числе и в России. Где же выход? Национальные интересы необходимо увязать с интересами других народов. Какая участь ожидает Литву — как быть с Клайпедой, Вильнюсом. Тысячелетнюю историю нельзя сейчас нарушить. И речь не может идти об отторжении Литвы от Союза, это немыслимо».

Лигачев: «Дело зашло в тупик. Налицо открытая борьба за власть. Причины не только внутренние, но и внешние. Координация действий направляется из-за рубежа».

Горбачев: «Надо все обдумать. Съезд проводить. Никуда

теперь не деться. Но все сказать. Где была, есть и куда идет Литва. КПЛ ответственна за судьбу народа. Решение Политбюро надо принять. Спокойное, политическое. Направить обращение — письмо Генерального секретаря к коммунистам Литвы. Речь о недоверии к Бюро ЦК КПЛ, к первому секретарю это не относится».

Итак, М. С. Горбачев спокойно, сдержанно завершил обсуждение этого наипринципиальнейшего вопроса. Увы, то была его обычная тактика — уйти от сложной проблемы.

России, а сами ярые националисты. Не меньшее зло — насаждение национальной спеси в российских автономиях. Расширение их прав по отношению к крупным областям России вряд ли оправдано». Долго говорили о проблемах творческих союзов, о распрях, всяких группировках в писательской среде.

18 ноября. Совещание в ЦК КПСС (участвовали члены Политбюро, секретари ЦК, секретари обкомов, председатели облисполкомов, Советов Министров и Верховных Советов АССР).

«О работе партийных комитетов и советских органов РСФСР по подготовке и проведению выборов в Верховный Совет и местные Советы РСФСР».

Короткое вступительное слово М. С. Горбачева.

Доклад сделал Ю. А. Манаенков.

Совещание носило скорее инструктивный характер. Касалось только организации выборов, но вышло за рамки повестки. Речь пошла о положении в промышленности, на транспорте, о национальных проблемах, о партийной структуре. После семи или восьми ораторов я попросил слова. Меня подстегнули и доклад, и некоторые выступления, в которых делался упор на отход партии от решения экономических вопросов, о невмешательстве в предвыборную дискуссию и т. д.

Говорил я горячо, взволнованно. Вот тезисы:

«От выборов зависит судьба перестройки. Это не драматизация. Предстоит настоящая борьба с противостоящими политическими силами — правыми и левоцентристскими. Они постепенно росли по ходу перестройки и сейчас образуют серьезный политический поток. Для них характерны: грубый нажим, демагогия, цинизм. Они неплохо организованы, ведут активную подготовку, разработана стратегия и тактика. Их задача — внедриться в органы власти. Это нам надо иметь в виду. Нельзя быть наивными, поддаваться звучавшим здесь успокоительным ноткам — «ничего-де страшного, все идет нормально, демократическим путем».

Для успеха необходимо добиться изменения соотношения сил и методов работы в организационном плане, в идеологической

сфере. Немало средств массовой информации находятся в руках явно антипартийных элементов, демагогов. Их линия — нападки на партию, на Октябрь, на Ленина, на социализм. Нужен наш широкий, аргументированный выход на страницы печати, на телевидение, на дискуссии. Задача — перехватить инициативу. Действовать в конструктивном духе. Упор на пропаганду конкретных программ, конкретных кандидатов. Не поддаваться на бесплодные митинговые дискуссии. Это без толку. Там сплошное орание. Давать отпор тем, кто чернит прошлое.

Особое внимание конкретным мерам по выправлению экономической ситуации, решению социальных проблем. Правдиво показывать, где, в чем, в ком причины срывов. Где головотяпство, где некомпетентность, где объективные трудности, а где саботаж, где растащиловка. Сейчас растут местничество и отраслевой эгоизм, иждивенчество. Распускаются провокационные слухи, сплетни.

Широко и аргументированно выступать по российской тематике. Основа — Закон, Конституция. Соблюдать их. Разоблачать попытки «радетелей» за Россию, этих кликуш со стороны, которые сетуют на нашу отсталость, забитость и, плача в голос, травят, по сути, душу россиян. Да, Россию «раскачали» националистические силы из других республик. Да, нам нужны суверенные права, самостоятельность. Но только в рамках Союза. Только так. Мы не можем забывать о том, что РСФСР — стержень Союза. Наша ответственность за единство Союза наиболее велика. Надо не поддаваться, сдержать центробежные силы.

Спрашивается, кому выгодна Компартия России? Нам? Нет. Я против того. Это будет шаг к распаду КПСС. Кому также выгодно манить нас к «Памяти», к монархизму? Опять тактика — вывести русского человека из себя, а потом его же и обвинить во всех грехах.

Акцент на борьбу с негативными программами и действиями разных антинародных партий и их лидеров. Славословия капитализму — это же дикость в наше время. Поддержка забастовок — это развал экономики. Кооперативные структуры подкармливают некоторые общественные организации и их лидеров. Развенчивать их популистские программы, националистические тенденции, пренебрежение историей, традициями, культурой, духовностью России».

Аудитория меня поддержала. Кое-кому из коллег по Политбюро, да и Горбачеву не по вкусу пришлись мои оценки. Генсек промолчал. Однако последующие события подтвердили обоснованность моего беспокойства.

* * *

9 декабря. Пленум ЦК КПСС. В расширенном составе.

Повестка дня.

Вопросы Второго съезда народных депутатов СССР.

Доклады М. С. Горбачева и Н. И. Рыжкова.

Возникло предложение включить в повестку дня вопрос о текущем моменте, так как страна пылает митингами и забастовками. Горбачев отверг его — о текущем моменте будет в докладе Рыжкова. Что касается всего комплекса политических задач, то их предлагается обсудить в январе, при рассмотрении Платформы партии к XXVIII съезду.

Доклад М. С. Горбачева «Вопросы Второго съезда народных депутатов СССР» был изложен примерно так, как он говорил на заседании Политбюро. Хочу подчеркнуть лишь один момент.

Излагая видение международной политической обстановки, он отметил, что «наши попытки советовать, объяснять не получили должного понимания в ЧССР и ГДР. Фактически там изоляция руководства от масс. Съезд СЕПГ идет всю ночь. Возможен раскол партии, пока до этого не дошло, но гарантии нет. Выдвигают лидера (адвокат из берлина), но процесс падения авторитета партии продолжается. Но мы заявляем, что 10 пунктов канцлера Г. Коля неприемлемы, «воссоединение» затрагивает интересы других стран (границы, стабильность в Европе и в мире). США говорят одно, а действуют по-другому» В то же время Горбачев говорит о «свободе выбора самих соцстран», что «мы ГДР в обиду не дадим».

Реакция зала на его слова была возмущенная. Поднялся ропот, шум. Это же болтовня, где конкретные действия? Я и сам тогда подумал — он или не понимает, почему люди в СССР очень болезненно воспринимают то, что происходит в ГДР, или сознательно дистанцируется от этих событий?

Доклад Н. И. Рыжкова «О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и подходах к разработке 13-го пятилетнего плана» был предварительно разослан участникам Пленума. Рыжков в своем выступлении дал характеристику предложенной программы, обосновал ее.

Затем пошли вопросы. Началось обсуждение докладов Горбачева и Рыжкова. Что из сказанного ораторами, по-моему, представляет интерес:

«Бурная политизация, а с ней — поляризация позиций, мнений, взглядов людей. Опасения, что ведомственность или местничество будут тормозом в осуществлении предложенной Рыжковым программы. Необходимость избавиться от устаревших

организационных форм, сковывавших деятельность партийных организаций. Говорили, что программа Правительства привлекательна, но каков механизм ее выполнения — не ясно. Безнадежно отстает теоретическая работа партии, ученых-обществоведов. Хватит хныкать об отставании партии от перестройки, надо, наконец, действовать. Почему мы смотрим, как разваливаются Союз и Федерация? Где ЦК, где Политбюро»?

«Что происходит в социалистических странах Европы? Как мы к этому должны относиться? Позиция ЦК нам неизвестна. Почему в Москве и Ленинграде спокойно смотрят, как партию чернят, клевещут на наше прошлое! Кто спросил крестьянина, хочет ли он идти на отруб, когда кричат — отдайте землю хозяину! Прежде чем раздавать землю, надо обустроить фермерские хозяйства, выработать меры поддержки».

Особо следует сказать о выступлении А. Т. Мельникова. Оно очень возмутило М. С. Горбачева, последовала резкая реакция.

Мельников, в частности, сказал: «За критическую обстановку в стране нас хвалит буржуазия и благословляет папа римский. Над всем этим ЦК пора задуматься и дать свою оценку, руководствуясь интересами страны, партии и народа. И чем раньше, тем лучше».

Горбачев после этого выступления запальчиво и нервно бросает реплику: «О тезисах Мельникова — за то, что мы делаем в стране, нас хвалит буржуазия и даже папа римский! Тут надо подумать. Это оценка: мы не туда идем?!»

Подал голос Лигачев: «Он не говорил этого».

Горбачев: «В этом ЦК надо разобраться здесь, на Пленуме. Если ЦК нужно новое руководство, новое Политбюро, то надо четко ставить вопрос. Думаю, члены Политбюро не держатся за посты. Нет, если мы не туда идем, то это прошу обсудить».

Такая вспыльчивая, с подтекстом реакция Генсека не получила поддержки у большинства присутствовавших — зачем так реагировать на критику, так обострять вопрос. Это окрик, нетерпимость. Об этом говорили: Малофеев, Прокофьев и другие. Хотя были и выступления, в которых высказывалась солидарность с позицией Горбачева: Бакатин, Замятин.

13 декабря. «О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке 13-го пятилетнего плана». Доклад Н. И. Рыжкова.

Это был, в сущности, первый глубоко проработанный вариант комплексной экономической реформы.

Обсуждение доклада.

Выступления. П. В. Новожилов, В. А. Ивашко, М. И. Ковалев, А. В. Власов, Н. А. Назарбаев и другие. В основном говорили по

делу. О проблемах производства, техническом прогрессе, разумной конверсии с учетом специфики предприятий, налоговой политике.

Возражали против перехода к рыночным отношениям, что, мол, приведет к развалу экономики. Говорили о падении дисциплины труда и поставок, несоблюдении законов, низком качестве продукции, экологии, о межнациональных и социальных проблемах. Увязывали эти вопросы с деятельностью партии, ролью ЦК, его Политбюро.

Среди других выступил Г. Х. Попов, уже как один из лидеров межрегиональной депутатской группы (МДГ).

Он вновь критиковал командно-административную систему, заявил, что доклад ничем не отличается от прошлых. Проблема не в цифрах, а в идеях. Для пятилетки требуется новый подход. И особенно делал упор на то, что надо немедленно вводить рынок. Решить на съезде вопрос о пакете законов о собственности, земле, аренде, устройстве Союза. И закончил так: «Мы не можем одобрить представленные планы. Действуйте, товарищи правительство, сами».

14 декабря. Продолжение заседаний съезда. Обсуждение доклада Н. И. Рыжкова.

Выступило за день 37 человек. Позиции высказывались разные. Говорили горячо, страстно, порою безапелляционно, даже агрессивно. Было немало умных, деловых предложений. На поступившие вопросы ответил Л. А. Воронин — первый зампред Совмина Союза. Председатель комиссии Верховного Совета Н. Н. Гриценко изложил предложения для информации съезду о работе секции. Согласились.

Закончили поздно. После заседания офицер охраны Д. Муратов рассказал мне, что в Малом зале, примыкающем к Залу палат ВС, параллельно с работой секции вечером шло и продолжается сейчас заседание МДГ. «Очень шумно обсуждали — какую позицию занимать на съезде. За столом президиума — сопредседатели этой группы, в том числе и А. Д. Сахаров. Вид у него очень плохой, усталый. Сидит безучастно, отрешенно, склонив голову. Видимо, устал или нездоров. Зачем они его так мучают?»— возмущался офицер. Мы тоже посетовали, что нельзя так эксплуатировать авторитет ученого и подрывать его здоровье. (Это было вечером последнего дня жизни А. Д. Сахарова.)

15 декабря. Продолжение работы съезда.

Я знал, что мой черед председательствовать на утреннем заседании, и пришел загодя. Вошел в комнату президиума. Мне говорят, получили сообщение, что ночью скоропостижно скончался А. Д. Сахаров. Я невольно вспомнил вчерашний

разговор.

Обсудили состав комиссии по организации похорон А. Д. Сахарова. Открыв заседание от имени президиума, я предложил состав этой комиссии! Председатель — Е. М. Примаков.

Продолжение прений. Получил слово Б. Н. Ельцин. Тезисы:

«Не согласен с заявлением на Пленуме и здесь, что мы идем не тем путем. Путь — тот, социалистический, путь обновления нашего общества. Но не была разработана тактика… Нерешительность, компромиссы, балансирование привели к кризису.

В документе правительства есть новые и привлекательные меры. Но их принимать нельзя. Съезду необходимо определить принципы экономической реформы и на их основе выработать вариант.

Консервативные силы не хотят радикальных преобразований. Надо встать на такую позицию: целесообразно все, что позволит накормить страну, создать изобилие товаров. Главное — определить четко, расписать по месяцам, что сделать в 1990 году. Создать необходимые политические условия. Основной производитель — коллективный, кооперативный, индивидуальный. Землю отдать крестьянам. Упразднить министерства, преобразовать Госплан. Вывести из Совмина Госбанк, создать эмиссионный и резервный банки с подчинением их Верховному Совету. Открыть фронт иностранным инвестициям. Самостоятельность автономий. Реформы в армии, МВД, КГБ».

Вот такое политическое и экономическое кредо высказал в декабре 1989 года Ельцин. Что из сказанного он исполнил, придя к власти, от чего отказался и что в итоге вышло, показали последующие годы.

* * *

19 декабря. Продолжение съезда.

Обсуждение проекта постановления по докладу Н. И. Рыжкова.

Большинство высказалось за поддержку программы Правительства. «За» проголосовали 1532 депутата. Принято. Рыжков — удовлетворен.

Таким образом, поддержанная и одобренная вторым съездом народных депутатов СССР Комплексная программа экономической реформы должна была стать с этого времени, с 19

декабря 1989 года, программой действий Правительства. Однако… дело пошло совсем по другому сценарию. Как это случилось, почему? Постараемся ответить на этот вопрос ниже.

Затем стали постатейно рассматривать дополнения и изменения к Конституции СССР. Обсуждение сумбурное, противоречивое, настырное, шумное и демагогическое. Опять были подняты многие проблемы, о которых говорилось в начале съезда. Большинство поправок, предложенных редакционной комиссией, приняли. Очень настойчиво пробивали вопросы о собственности, о земле и т. п.

Горбачев предложил, чтобы съезд дал поручение Верховному Совету рассмотреть и задействовать законы о собственности, о земле, о предприятии, об общих началах руководства экономикой и социальной сферой, о местном самоуправлении, о разграничении прав Союза и республик. Согласились.

20 декабря. Продолжение работы съезда.

Вчера скончался К. Т. Мазуров. Почтили его память минутой молчания. Ушел из жизни замечательный человек. Беспредельно преданный Родине. Один из руководителей партизанской войны в Белоруссии, много сделавший для республики. Честный, скромный, интеллигентный, высоко эрудированный — таким Кирилл Трофимович Мазуров остался в моей памяти. Уважительно и бережно относился к нему А. Н. Косыгин.

Образовали комиссию по организации похорон К. Т. Мазурова.

23 декабря. Продолжение работы съезда.

Продолжались дебаты вокруг проекта закона о Комитете конституционного надзора. Большинство выступавших поддержало проект закона. Однако с категорическими возражениями и грубыми нападками выступили опять депутаты от республик Прибалтики: Лауристин, Грязин, Медведев и другие.

С большим трудом приняли, наконец, Закон о конституционном надзоре.

Доклад комиссии А. Н. Яковлева «О политической и правовой оценке советско-германского договора от 1939 года».

Яковлев выстроил свой доклад мастерски. Это было не просто хронологическое повествование о ходе подготовки, сути договора и его последствиях. Это было исследование политика, историка, социолога и философа. Оно изобиловало массой фактов, обстоятельств, высказываний и позиций отдельных лиц. Анализ того, что они говорили, и что они могли думать или предполагать. Возможные прогнозы: в случае, если так или если не так сложатся обстоятельства и т. д. и т. п. Домыслов было немало.

Выражался Яковлев образным, изысканным слогом, приклеивал политические и нравственные ярлыки к тому или иному историческому деятелю, лидеру партии или государства. (В своем выступлении профессор М. Вульфсон из Латвии назвал доклад Яковлева «виртуозным».) Здесь, на съезде, Александр Николаевич получил повод раскрыть, хотя бы частично, свое подлинное лицо и отношение не только к негативным страницам прошлого нашей страны, к ее лидерам, но и обобщенно «вскрыть антидемократическую и антинародную суть системы» в его понимании. В этом он преуспел.

Основные положения его длинного доклада сводились к тому, что «сам по себе договор от 23 августа 1939 года с юридической точки зрения не выходит за рамки принятых в то время соглашений. И он, собственно, юридически утратил силу 22 июня 1941 года. Весь сыр-бор разгорелся вокруг так называемого секретного протокола. Комиссия сделала вывод, что такой протокол существовал. Хотя комиссия подтвердила, что его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. К такому заключению комиссия пришла потому, что «дальнейшие события развивались в духе этого секретного протокола». И так как об этом секретном протоколе не ставились в известность политические и государственные инстанции Советского Союза и что он не был ратифицирован, то… «в юридическом смысле он является изначально противоправным документом».

Однако Яковлев в своем докладе вышел далеко за рамки существа обсуждаемого вопроса. Он давал оценки И. В. Сталину, послевоенным событиям, ссылался на общественное мнение в Прибалтике и Молдавии, анализировал международную реакцию на этот факт. Говорил о безнравственности, авантюризме и т. д. Взволнованно закончил, что «надо, наконец, сказать правду, очиститься».

* * *

Депутаты забросали его вопросами. Он поначалу умело отбивался. Хотя становился, вопреки своим принципам, все более и более несдержанным. Если вопрос носил глубинный, исторически обоснованный характер, то он отвечал, что это, мол, не научный симпозиум, комиссия действовала в рамках, очерченных прошлым съездом. Если кто-либо под эмоциональным, патриотическим воздействием ставил вопрос в лоб, например: «Получается, по-вашему, что мы были завоевателями?», то Яковлев делал вид, что не понимает о чем

речь. На ряд вопросов он отвечал, ссылаясь на доклад комиссии, ее заключение. Дело, мол, съезда, принимать или нет доклад комиссии. Вообще вел себя Александр Николаевич непривычно. Нервничал, возмущался, злился. Мало что осталось от его обычной сдержанности, самоуверенности, академической солидности.

Здесь многие увидели истинного А. Н. Яковлева. Человека, глубоко неудовлетворенного, недовольного, не воспринимающего исторические процессы так, как они реально развивались после Октября. Личность, настойчиво подчеркивающую изъяны нашей действительности, которые давно уже вскрыты и осуждены. Он буквально наслаждался возможностью выразить это свое внутреннее, давно скрываемое состояние, используя пресловутый секретный протокол для глобальных обобщений о порочности самого строя, самой системы.

И это говорил идеолог, выросший на марксизме-ленинизме, сделавший на этом научную и партийную карьеру. Сейчас он не переживал, не мучился, не страдал от тех драматических страниц нашей предвоенной истории, а упивался разоблачениями, обличая и обвиняя не только конкретных виновников «состоявшейся в 1939 году сделки», но направляя разящие стрелы в советское общество вообще, в его сегодняшний день. В тех нынешних «консерваторов», которых он ненавидел и отождествлял со всеми бедами прошлого. И то, что в итоге на этом заседании доклад был отвергнут, во многом объясняется тем, что аудитория была возмущена манерой его поведения, безапелляционным, менторским тоном.

Как и ожидалось, активно поддержали выводы комиссии депутаты от прибалтийских республик и Молдовы. Многие выступавшие сомневались — на каком основании комиссия пришла к такому выводу. Короче, высказывались очень разные мнения. Яковлев не убедил депутатов. Проект комиссии при голосовании не прошел. Внесли предложение: лишь пункт первый — о правовой и политической оценке самого договора, а доклад комиссии приложить. Тоже не прошло, не приняли.

Дело принимало тупиковый характер. Тогда Лукьянов, поговорив с Горбачевым, внес предложение, что раз есть большой разброс мнений и надо рассмотреть их, то выслушать комиссию еще раз завтра.

* * *

24 декабря. Доклад А. А. Собчака «О результатах

расследования событий в Тбилиси 9 апреля 1989 года».

Он долго и витиевато объяснял, как разворачивались эти события, к каким трагическим последствиям они привели: «Погибли невиновные люди. Вывод таков, что руководство Грузии не сумело возглавить остро и динамично развивавшиеся перестроечные процессы в республике. Политическую ответственность за события 9 апреля несут ЦК КП Грузии (С. Патиашвили и Б. Никольский). Также политическую и правовую ответственность должны нести организаторы несанкционированного митинга: Церетели, Гамсахурдиа, Чантурия. Направление в Грузию подразделений внутренних войск является нарушением закона. Решение Совмина Грузии об освобождении площади от митингующих и другие меры также являются незаконными». Говорил Собчак длинно, приводил различные детали этой трагедии.

Затем выступил Главный военный прокурор СССР А. Ф. Катусев.

Его информация во многом отличалась от доклада А. А. Собчака.

Катусев привел факты, изложил хронику событий. Обратил внимание на провокационные действия экстремистски настроенных лидеров националистической оппозиции. Рассказал о просьбах руководства Грузии привлечь войска, о действиях внутренних войск.

В зале по мере его выступления нарастал шум, послышались выкрики. Депутаты от Грузинской ССР покинули зал, за ними ушли ряд депутатов из Литвы, Латвии, Эстонии, а затем и часть депутатов — членов МДГ. Слово сразу взял Гумбаридзе. Выразил категорическое несогласие с прокурором. Обстановка в зале накалялась.

Председательствующий объявил перерыв.

Во время перерыв за обеденным столом среди членов Политбюро шло обсуждение ситуации. Резко, эмоционально, возбужденно вел себя Э. А. Шеварднадзе. Он не сел, ходил вдоль стола. «Я не могу молчать! Я должен выступить. Это возмутительно, что говорил прокурор! Это провокация. Позор. Я считал, что обсуждения не будет. Но когда звучат такие оценки?! Сейчас — это вопрос моей чести, совести. Я подам в отставку. Нельзя же так извращать события!»

Некоторые члены Политбюро своими репликами пытались успокоить его. Отдельные товарищи считали, что прокурор явно перехватил в обвинениях руководства республики.

Горбачев сначала молчал, сидел, что-то жевал. Потом обратился к Шеварднадзе: «Погоди. Не торопись. Давай

разберемся, обсудим спокойно. Не надо эмоций. Успокойся». Немного погодя они ушли.

Горбачев провел беседу с делегацией Грузии. Был ли там Шеварднадзе или сразу уехал, мне не известно.

После перерыва продолжили работу.

Слово взял М. С. Горбачев. От имени съезда обратился к депутатам Грузии с призывом возвратиться в зал. Вернулись. «События в Тбилиси — это наша общая боль, мы сочувствуем и переживаем. (Депутаты вернулись в зал.) Я был против того, чтобы разворачивать обсуждение этой проблемы, — сказал Горбачев, — мы стали на трудный путь обновления страны с вековыми традициями, многонациональным составом. Это надо всегда иметь в виду». Обсуждения предложил не проводить, а поручить Верховному Совету довести дело по этому вопросу до логического конца.

Постановили. Принять к сведению сообщение комиссии. Осудить применение насилия против участников демонстрации 9 апреля 1989 года в Тбилиси. Соответствующие поручения были даны Президиуму Верховного Совета СССР.

* * *

Вернулись к вопросу о договоре 1939 года.

Вновь выступил А. Н. Яковлев, от комиссии по политической и правовой оценке этого договора. Видимо, он понял, что вчера перестарался в обличении. Рассказал о дополнительном заседании комиссии. Извинился, что не ответил на некоторые вопросы, мол, не понял. В подтверждение того, что секретный протокол был, привел еще такое обоснование: «Есть в МИДе служебная записка (вернее, опись) о передаче в 1946 году подлинника этого документа помощником Молотова (Смирновым) — Подцеробу. Найдены машинописные копии протоколов на русском языке. Эксперт сверил подписи Молотова на копиях и оригинале договора — они идентичны». Короче, вел себя Яковлев как истинный миротворец. Но в конце все-таки не сдержался, заявив: «Какое бы решение ни принял съезд, оно не изменит историю». Вновь возникли вопросы. Особенно в связи с его пренебрежительным отношением к съезду.

Но А. И. Лукьянов умело погасил страсти. Решили прибегнуть к испытанному приему — поименному голосованию. И проект был принят.

Заслушали доклад А. С. Дзасохова «О политической оценке ввода советских войск в Афганистан». Это решение, принятое в

1979 году, не было рассмотрено в Верховном Совете СССР, чем нарушена Конституция. Приняли решение — осудить эту акцию.

Заключительное выступление М. С. Горбачева. Тезисы:

«Решительно продвигаться по пути реформ. Правительство получило мандат доверия, но на определенных условиях. Многое предстоит сделать Верховному Совету. Требуется принять ряд важных законов. Готовить новую Конституцию. Расширить права республик».

Поздравил всех с Новым годом и закрыл съезд.

* * *

25 декабря. Пленум ЦК КПСС.

«О вопросах, связанных с решениями XX съезда компартии Литвы».

Хотя материалы этого Пленума были позже опубликованы в печати, я хотел бы в своих записках отметить некоторые, на мой взгляд, принципиальные моменты хода и последствий Пленума.

Бразаускас остался на своих позициях: «Да, компартия Литвы образовалась как самостоятельная партия. Никакого давления не было. Это наш путь».

Выступающие, а их много, в речах были критичными, иные возмущенными до крайности. Звучали призывы запрета КП Литвы, исключения из партии Бразаускаса и т. п. Были и попытки смягчить ситуацию, найти компромисс, попробовать еще раз переубедить коммунистов Литвы.

Образовали редакционную комиссию. Поручили ей подготовить к завтрашнему дню проект постановления Пленума.

26 декабря. Продолжение Пленума ЦК КПСС.

В. А. Медведев зачитывает проект постановления.

Проект не понравился. Сразу пошли вопросы. Поднялся шум. Члены ЦК возмущались таким «обтекаемым» проектом.

Вновь начались выступления.

Опять примерно в том же духе, что и вчера, даже еще более резкие, ультимативные. Упреки в адрес ЦК КПСС, секретарей и членов Политбюро ЦК, которые были причастны к развитию негативных процессов в компартии Литвы. Называли фамилии.

В зале стоял шум, возмущение.

М. С. Горбачев с места: «Тихо, тихо. Это не дрова колоть. Я вижу, как кулаки сжимаются. Соображать надо. Литва, народ, страна — за нашими плечами. Если дело так будет идти, то я в этом не участвую. Нужно ли записать, кто несет ответственность? Нужно. И о Бразаускасе. Отвечает он. Но списывать и

разбрасываться всеми… И Медведев негодный, и Политбюро негодное! А кто останется тогда?»

В зале вновь послышались возмущенные выкрики.

Он продолжал: «Что вы, с «заклепок сорвались», что ли!? Не обижайтесь. То, что мы сейчас решаем, — это больше, чем Бразаускас там, Яковлев, Горбачев, Медведев. Ну, других не буду трогать, они — хорошие».

Думаю, что это был не спонтанный взрыв негодования. Горбачев невольно выразил копившиеся у него чувства по отношению к этому составу ЦК, да и к своим коллегам по Политбюро. Конечно, тогда мы еще не знали всей правды о его замыслах.

Некоторые члены ЦК, желая смягчить обстановку, выступили с примирительными предложениями. Но продолжались и резко критические речи. Всего по этому вопросу выступило 46 человек!

Итог подвел М. С. Горбачев. Он говорил уже спокойно, даже каким-то извиняющимся тоном:

«Очень важно, какое решение мы сегодня примем. Ведь ЦК — это мозг. Что мы с критических позиций анализируем положение в нашей партии, в обществе, меня не огорчает, напротив. Но я все время повторяю, что нет простых решений. Корни многих проблем уходят глубоко внутрь. Поэтому когда кричат «давайте решать», что-де Горбачев «тянет резину», — я не согласен. Это — демократия, гласность, сопоставление мнений. Так ведь вопрос стоит? Поэтому прошу вас, дорогие друзья, понять мою реакцию на те попытки сразу все решить.

Конечно, мы должны быть принципиальными. Если мы имеем дело с людьми, которые меняют свои политические взгляды, свою приверженность — с этими людьми ничего доброго не построишь. На нас лежит огромная ответственность. Политбюро внимательно и осмотрительно ведет дело. Нельзя нас подозревать. Мы все отдаем работе, делу. Сейчас нельзя без анализа и осмотрительности. У нас — позиция, у других — позиция. Как быть? Искать выход, только так. XX съезд КПП — удар по перестройке, по КПСС. Но я не хотел бы считать, что процесс уже завершен. И все должны еще раз подумать, как нам поступить. Направить видных, авторитетных товарищей в Литву. Мне туда поехать. И потом окончательно прийти к выводу».

Вот так, испытанным приемом Горбачев убаюкал Пленум.

Решили — одобрить выводы доклада Горбачева. Довести оценки Пленума ЦК до коммунистов Литвы и других республик. Поручить ЦК, Политбюро направить группу в Литву, а также выехать туда Генсеку. По итогам еще раз обсудить на Пленуме.

1990 г. Ельцин возглавляет Россию. Борьба на поражение

5 января. ЦК КПСС. У М. С. Горбачева.

В начале беседы я информировал М. С. Горбачева о том, что «в областях РСФСР, прилегающих к Эстонии и другим прибалтийским республикам, последние дни наблюдается значительный приток граждан из этих республик, идет повальная скупка продуктов и товаров. Причина — повышение цен в Эстонии на винно-водочные изделия, пиво, табак. Там опубликовано решение правительства о повышении цен на другие продукты и товары, усиленно распространяются слухи о выпуске своих денег. Аналогичные процессы зреют в Латвии, Литве. Формально постановление Верховного Совета СССР об экономической самостоятельности прибалтийских республик дает им право на установление «порядка ценообразования», а на практике это уже приводит к дестабилизации рынка. Наплыв граждан из Прибалтики особенно велик в Ленинградскую, Новгородскую, Смоленскую, Псковскую и другие области. Вынуждены принять меры — вводить т. н. «визитки». Н. И. Рыжков мною проинформирован».

Горбачев: «Надо срочно рассмотреть. Подготовь записку». Спросил: «Как настроение?» Я ответил: «На носу выборы в Верховный Совет РСФСР, необходимо обновление, свежие люди. У нас уже был, Михаил Сергеевич, разговор о моих намерениях, об отставке. Прихожу к выводу, что такая пора настала».

«В чем причина?» — «Причин много. Я уже неоднократно просил выдвинуть в состав депутатов ВС РСФСР несколько крупных, авторитетных, знающих товарищей. Надо видеть трудности предстоящего съезда. Мне эта работа не по душе… Да и вообще, ряд новаций я не понимаю, видимо, дух консерватизма, что ли, еще силен во мне. Вижу, что мое мнение часто не совпадает с предлагаемыми реформами. Наверно, не вписывается в новую обстановку.

Я прошу, Михаил Сергеевич, меня правильно понять. Необходимо серьезно подойти к подбору альтернативных кандидатур в руководство республики. Расширить круг претендентов. Не пожалеть на Россию самых лучших людей, выдвигать их кандидатами в депутаты. Вы же чувствуете, кто рвется на этот пост! Пока в ЦК эта проблема мало кого беспокоит».

Горбачев: «Ну, хорошо. Обдумаем все. Проблем сейчас

навалом. И внешних, и внутренних. Впереди Пленум ЦК, сессия Верховного Совета, другие события. Может, ты и прав, команду надо обновлять. Но не с тебя же начинать? Подумаем о кадрах, о работе Российского бюро ЦК и других вопросах. Ты не торопись».

Вот такая состоялась беседа. Воспринял мои предложения и тревогу Горбачев спокойно. Особенно не возражал. Я почувствовал, что мой шаг не встревожил его.

22 января. Заседание Политбюро ЦК.

О проекте Платформы ЦК к XXVIII съезду. В основном одобрили, но внесли много замечаний.

Некоторые мнения.

Рыжков: «В проекте — дух конфедератизма. Полномочия правительства размыты. Убрать из проекта детализацию экономических проблем».

Лигачев: «Многопартийность или общенациональный фронт всех движений — что это?! Надо обсудить. Усилить тезис о единстве партии. Вести речь об общенациональном государстве, а не конфедерации».

Яковлев: «О многопартийности — надо самим проявить инициативу. Но нужны необходимые полномочия государственной власти. О частной трудовой деятельности — не вижу в ней ничего плохого».

Шеварднадзе: «Удастся ли в настоящем составе ЦК провести в жизнь такое радикальное решение политического плана? Для этого необходимо иметь реальную верховную власть. Ее, к сожалению, нет».

Крючков: «Против многопартийности. О нашей истории — говорим не совсем то, в деятельности партии было немало и позитивного. Обвиняем партию в целом. Это неверно».

Горбачев: «Многопартийность — ответ в логике развития общества, в режиме, в уровне демократии, в сегодняшней реальности различных общественных движений. Но нужен сильный механизм исполнительной власти. Нельзя больше тянуть». (Таким образом, четко выдвинута идея президентства.)

* * *

29 января. Заседание Политбюро.

«О реализации неотложных мер по оздоровлению финансов и потребностей рынка». Доклад Н. И. Рыжкова:

«Положение в народном хозяйстве не улучшается. Причина — политическая нестабильность — осложнение межнациональных отношений, отставание правовой и экономической реформ.

Объем неудовлетворенного спроса — 165 млрд. рублей. Фонд оплаты труда растет, вместо 10 — фактически 28 млрд. В кооперативных предприятиях до 40 % выручки идет на зарплату. Необходимо вводить прогрессивный налог с граждан. Организовать налоговую инспекцию. Ограничить перекачку безналичных денег в наличные.

Откорректировать некоторые пункты Закона о госпредприятиях. Отменить выборность руководителей предприятий. Ограничить функции СТК. На местах стали самоуправно закрывать союзные предприятия. Например, «Наири» в Армении, это минус продукции на 12 млрд. руб. Нужна дисциплина, порядок».

Жаркое обсуждение. Кто «за», кто «против».

Лигачев: «Нужна денежная реформа. Налогообложение и комплексная реформа цен. Исполнительная дисциплина падает, хозяйства срывают поставки продукции в союзный фонд. Партийные комитеты ушли от практических дел».

Маслюков: «Правительство должно иметь право работать самостоятельно. Надо начинать трогать цены, деньги, налоги».

Бакланов: «Министерства бесправны. Во взаимоотношении предприятий по существу процветает рэкет, вымогательство. СТК «повязали» директора — плати деньги, и все».

Яковлев: «Нужна демонополизация и арендные отношения в промышленности».

Горбачев: «Тянуть дальше нельзя. Все эти проблемы обсуждались много раз. Принимались какие-то решения. Но сдвига нет. Общество не может терпеть. Стоит вопрос о кризисе доверия власти. Первое — необходима перегруппировка сил в высших органах власти. Второе — как управлять экономическим процессом? Реформу надо подкрепить мерами административного порядка».

За повесткой.

М. С. Горбачев поставил вопрос о необходимости решить проблему укрепления государственной власти в стране. Реорганизовать систему управления. Ввести пост Президента, иметь Государственный совет, самостоятельное Правительство.

Предложил он и партийную структуру в Центре. Председатель партии и два заместителя. Президиум ЦК, Секретариат ЦК, комиссии по направлениям политики в аппарате.

(Горбачев раздумывал — не обременительно ли будет совмещение постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР. Тем более дела партии последнее время все

более тяготили его. Отказаться же от поста руководителя КПСС было опасно. Вот он и предложил на этом Политбюро — ввести должность Председателя партии, вроде почетно и менее ответственно. Что из этого вышло — покажет XXVIII съезд.) решимости в отстаивании интересов русского народа: «Мы всем помогали, а ведь русский народ живет хуже всех». «Если не примем меры — погибнет дело Октября, распадется наше государство». Ряд писем из Закавказья, Прибалтики, Средней Азии от русских семей, не выдержавших националистического нажима, оскорблений, притеснений и ставших беженцами, просят о предоставлении им в России жилья и работы. Многие письма полны возмущения по поводу кампании оболгания послеоктябрьского периода нашей истории.

Справочно. По переписи 1989 года, в СССР было всего русских—145,1 млн. человек. Вне РСФСР проживало 25,3 млн. человек. В том числе: в УССР—11,4 млн., Казахстане — 6,2 млн., Узбекистане—1,4 млн., Латвии — 900 тыс., Литве — 460 тыс. человек. Остальные 4,9 млн. в десяти других республиках.

22 февраля. Заседание Политбюро.

О дате созыва XXVIII съезда— 2 июля 1990 г. (Норма 1 делегат от 4 тысяч членов партии). Повестка: «О ходе перестройки и задачах партии». Партийная конференция коммунистов России — 19 июня 1990 г.

О принятии Закона СССР об изменении и дополнении Конституции по вопросам экономической и политической системы.

Внести изменения в статьи 6 и 7 Конституции. Ввести президентскую форму правления. Образовать Президентский Совет и Совет Федерации. Председателя Верховного Совета — сохранить. Вместо Президиума — Организационное бюро Верховного Совета. Право вето. Выпускать Указы. Совет обороны упразднить.

Чрезвычайный съезд народных депутатов созвать 12 марта.

27 февраля. Третья сессия Верховного Совета СССР.

Обсуждение вопроса об учреждении поста Президента СССР.

М. С. Горбачев сообщил, что Президиум ВС обсудил этот вопрос. Была организована рабочая группа для доработки проекта.

От имени рабочей группы выступил академик В. Н. Кудрявцев.

Доводы: «Во-первых. Происходит разделение функций партии и государства. Таким образом, необходимо укрепить центральное звено государственной власти, чьи функции ранее подменялись партийными решениями.

Во-вторых. Происходит разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Возникла необходимость в согласовании и координации их действий. И, наконец, возникает потребность принятия срочных, оперативных решений в различных ситуациях — это тоже будет функция Президента.

Обсуждение необыкновенно бурное, противоречивое. Выступили 36 человек, большинство — в поддержку введения поста Президента.

Горбачев: «Фактически произошло размежевание мнений. Одни поддерживали необходимость поворота в политическом процессе в стране, они за введение поста Президента. Другие, я думаю, эта скоординированная группа депутатов принадлежит к МДГ, вроде бы тоже за президентство, но обусловили это оговорками, чтобы притормозить или вообще похоронить идею президентства. Идет политическая борьба. Теперь ясно, что оформилась оппозиция. Надо каждому сделать выбор».

Говорил он довольно взволнованно, несдержанно. Это вызвало недовольство, в зале шум, выкрики. Поименным голосованием большинство проголосовало «за».

Решено опубликовать проект в печати. Внести на съезд 12 марта 1990 года.

1 марта. Заседание Политбюро.

О политических итогах митингов, состоявшихся 25 февраля с.г.

Горбачев: «Основной актив либерал-радикалов и монархо-консерваторов определился. Ясно и то, кто лидеры. (Но не назвал их.) Лозунги — против КПСС, против президентства, КГБ, против перестройки. Заигрывают с Министерством обороны, поддерживают МВД. Пропаганда межрегиональной депутатской группы, «Демократической России» идет в поддержку конкретных лиц из этого движения. Пришло время размежеваться с политическими авантюристами. Надо опираться на здоровые силы. Чаще встречаться с людьми. Хватит отступать.

К вопросу о разработке Союзного договора. Об этом мы уже говорили раньше. Надо вести разработку предложений об укреплении связей между республиками в Союзе ССР».

О мерах в связи с возможным решением Литовской ССР о выходе из СССР.

Ю. Д. Маслюков информировал, какие возможны условия. Все выступили за то, чтобы эти условия гарантировали сохранение Союза.

Горбачев: «Держать и не пущать — не годится. Надо вести процесс, но не торопясь. Стратегия — наполнять федерацию ее настоящим содержанием, так как мы в условиях федерации еще

не жили. Это главный тезис. Возможны и смешанные (союзно-республиканские) формы отношений. Их разрабатывать. Республиканские структуры — право самих республик. Иметь план действий, аргументацию по защите наших принципов. Таким образом, будем считать обмен мнениями полезным».

Поручение — Лукьянову, Примакову, Нишанову, Гиренко внести предложения. Медведеву — идеологическое обеспечение.

* * *

12 марта. Третий внеочередной Съезд народных депутатов СССР.

Коротким вступительным словом открыл съезд М. С. Горбачев.

Утверждается повестка.

Доклад А. И. Лукьянова «О внесении изменений и дополнений в Конституцию и учреждении поста Президента СССР».

Содержание доклада известно. Менялись статьи Конституции СССР (б, 7, 10,11,12,13, 51 и ряд других), что было вызвано введением в стране института президентской власти и кардинальными изменениями элементов советской политической системы. Принципиально влияющими на политическую ситуацию в стране были внесенные Пленумом ЦК предложения об отказе КПСС от своего места в советском обществе как руководящей и организующей его силы.

Все изменения и дополнения Конституции после долгих, жарких и изнурительных двухдневных дискуссий были съездом приняты.

13 марта. М. С. Горбачев по просьбе депутатов информировал об обстановке в Литве: «Там идет сессия Верховного Совета республики. На ней обсуждается вопрос о фактическом выходе Литовской ССР из состава СССР. Поручим Верховному Совету и Совету Министров СССР разобраться и доложить съезду».

Вечером, после заседания съезда, во исполнение этого поручения собрались у Н. И. Рыжкова. Участвовали: Воротников, Маслюков, Шеварднадзе, Язов, Бакатин, Крючков, Примаков, Нишанов. Стало известно, что Верховный Совет Литвы уже принял решение. Встал вопрос — как реагировать на объявление ими независимости и образование государства «Республика Литва».

Обсуждение приняло жесткий и даже грубый характер. Возмущение вызвала примиренческая позиция некоторых

товарищей. Особенно столкнулись Маслюков с Шеварднадзе. Я впервые видел Ю. Д. Маслюкова таким агрессивным. Примирительный тон и попытки Шеварднадзе как-то спокойно среагировать на действия руководства Литвы буквально взорвали его. Он побледнел и во весь голос заявил: «Что вы говорите, как можно спокойно реагировать! Это авантюристы, националисты до мозга костей. Там пригрели предателей, полицаев, а вы берете их под защиту. Да нам надо…»

Шеварднадзе растерялся, даже его темперамент не сработал. Рыжков стал успокаивать Маслюкова, но тот все продолжал возмущаться. Шеварднадзе явно хотел притормозить осуждающую реакцию, считал подготовленный проект постановления съезда чересчур ультимативным. Мы были категорически не согласны с его позицией.

Маслюков вновь не выдержал: «Какой ультиматум? Это они нам предъявили ультиматум, даже хуже — просто игнорировали власть». Потом успокоились. Стали формулировать основные положения проекта. На другой день утром, до заседания съезда, еще раз уточнили редакцию текста.

4 марта. 17.00. На вечернем заседании съезда В. А. Ивашко сообщил депутатам, что Пленум ЦК решил рекомендовать на пост Президента СССР М. С. Горбачева.

Депутаты еще выдвинули В. В. Бакатина и Н. И. Рыжкова. Но они сняли свои кандидатуры.

Тайным голосованием первым Президентом СССР избран Михаил Сергеевич Горбачев. За него проголосовало 59,2 % от числа депутатов.

15 марта. М. С. Горбачев принимает присягу:

«Торжественно клянусь верно служить народам нашей страны, строго следовать Конституции СССР, гарантировать права и свободы граждан, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности Президента СССР».

* * *

В перерыве собралось совместное заседание Президиума Верховного Совета и президиума съезда. Предстояло обсудить предложения о кандидатуре на пост Председателя Верховного Совета.

Надо сказать, что до последнего момента не было известно точно, кого же будет рекомендовать Горбачев на этот пост. Мы считали, что, конечно, А. И. Лукьянова. Но в кулуарах назывались и другие кандидатуры, в частности и А. Н. Яковлева. Пребывал в

неведении, как потом стало известно, и сам Лукьянов. Горбачев, видимо, колебался.

Открыв заседание, Горбачев внес предложение — рекомендовать съезду А. И. Лукьянова. Все единодушно поддержали.

На съезде кандидатуру А. И. Лукьянова на пост Председателя Верховного Совета внес Президент СССР.

Депутаты дополнительно предложили: Примакова, Яковлева, Станкевича, Вольского, Заславского, Назарбаева и других. Многие сразу сняли свои кандидатуры. Горбачев отклонил кандидатуру Яковлева «по его просьбе», сам Александр Николаевич на это заседание не пришел.

В списке, кроме Лукьянова, остались: Лубенченко, Казанник, Велихов, Федоров, Собчак, Фильшин, Федоров. Провели тайное голосование.

Затем выступил Р. Н. Нишанов. Он внес проект постановления съезда в связи с решениями, принятыми Верховным Советом Литовской ССР. (Этот вариант проекта отличался от подготовленного нашей группой.)

«… Законодательные акты Верховного Совета Литовской ССР от 12.03.90 г. о восстановлении независимости Литовского государства и об отмене действия Конституции СССР на территории Литовской ССР признать недействительными. Поручить Верховному Совету СССР, Совету Министров СССР… безотлагательно рассмотреть вопросы, возникшие в создавшейся ситуации, и принять… меры, необходимые для защиты прав и свобод советских граждан, конституционного строя, безопасности страны, собственности… Съезд обращается ко всем гражданам Литовской ССР… с призывом проявить благоразумие и чувство ответственности…»

Пошли вопросы. Федерация не имеет права игнорировать право литовского народа на самоопределение. Кто вносит этот проект? Надо ознакомиться с документами, принятыми в Литве. Такой вопрос должен решаться всеобщим референдумом, а не сессией Верховного Совета республики. Они не имеют права говорить от всего народа Литвы и т. д.

Начались выступления. У трибуны толпы депутатов. Шумно ведут себя прибалты. Но большинство возмущено литовской акцией.

Берет слово Горбачев. Излагает свои предложения: «Дать констатацию факта, отметить его противоправность. Затем впредь до принятия Закона, определяющего порядок и последствия выхода из СССР, считать решение ВС Литовской ССР от 12 марта недействительным. Поручить Президенту СССР обеспечить

защиту прав граждан в Литве и т. д.». Голосуем. Принято.

Таким образом, съезд дает полномочный мандат Президенту.

Председатель счетной комиссии Ю. А. Осипьян объявил, что большинством голосов Председателем Верховного Совета СССР избран А. И. Лукьянов. (Он получил «за» — 53,9 % голосов.)

Все вопросы повестки дня съезда рассмотрены. Съезд завершен.

* * *

22 марта. Политбюро ЦК.

Об итогах состоявшихся выборов народных депутатов РСФСР и подготовке к съезду народных депутатов РСФСР. Информация В. И. Воротникова:

«Выборы состоялись 4 и 18 марта. Избрано 1029 депутатов (39 — должны избираться повторно). Участвовало более 70 % избирателей. Состав: рабочих и колхозников — 6,7 %, женщин — 5 %, партийных и советских работников — 22 %. Следует признать, что в целом по республике, и особенно в Москве, Ленинграде, ряде других мест, среди депутатов укрепились представители общественных организаций, противостоящие линии КПСС».

В выступлениях — обеспокоенность. Но что толку?

Горбачев: «Нужен более глубокий политический анализ причин. Ясно, что обстановка в период выборов в стране очень сложная, фактор недовольства у населения сыграл свое. Трудности не только экономические и социальные, но и в области межнациональных отношений. Почему в Москве и Ленинграде сложно? Где наши просчеты, в чем? (К чему эти «наивные» вопросы?!) Неожиданный удар — резкое сокращение представительства рабочих и крестьян. Съезд и Верховный Совет можно выиграть, но нужна серьезная индивидуальная работа. Надо поехать туда, где трудно. (Никуда ехать не надо. Все проблемы в Москве.) Информацию Воротникова принять к сведению».

Затем Горбачев стал рассуждать о выработке позиции по отношению к деятельности «Демократической платформы»: «Ю. Афанасьев становится на путь создания социал-демократической партии. Другие — за то, чтобы сохранить оппозицию в составе КПСС, идти на съезд и там расколоть КПСС.

Во-первых. Мы подошли к тому, что необходимо идейно размежеваться. Разослать записку по партии, подключить прессу.

Во-вторых. Нужно и организационно размежеваться. Идти и

параллельно, и последовательно. По-разному. То есть конкретно по людям и организациям. Но сделать до съезда.

В-третьих. На практике надо действовать избирательно. С учетом обстановки в конкретных партийных организациях. Одних распустить, в других — перерегистрация членов, кто за КПСС — с нами, а другие… Но размежевываться, не объявляя их врагами, а вести политическую борьбу, диалог, бороться за каждого человека».

Лигачев: «Оценка «левый радикализм» не подходит. Это ревизионистская позиция. Возврат к старой буржуазной социал-демократии. Я за четкое, недвусмысленное идейное размежевание. Они посылают в области директивы для «политических клубов». База — НИИ, вузы, оборонные заводы».

Лукьянов: «Необходимо раскрыть суть идей и принципов «демократов», так как опубликованная ими «платформа» — это туман. Фактически МДГ подкармливают кооператоры (материальная помощь, охрана, множительная техника и т. п.)».

* * *

Договорился с М. С. Горбачевым о беседе сразу после окончания Политбюро. Примерно в 18.30 я пришел. В приемной его уже ожидали несколько человек: академик Ю. А. Осипьян, В. Г. Распутин и В. И. Болдин. (А. Н. Яковлев уже находился у Горбачева.) Я присел рядом с Распутиным. Поговорили о делах писательских, об обстановке вокруг о. Байкал. Спросил его о цели визита, пожал плечами — зачем-то пригласил Михаил Сергеевич. А. Н. Яковлев вышел, и ожидающие поочередно стали заходить к Горбачеву. Находились в кабинете по 5–7 минут. Выходили — кто удовлетворен, кто озабочен. Я с интересом наблюдал за этой совершенно разной группой людей, которых собрал Горбачев: член Политбюро, ученый, писатель, работник аппарата. Как стало ясно позже — он формировал состав Президентского Совета. Потом пригласил меня, со мной об этом не обмолвился ни словом. И на Политбюро никакого разговора о подборе состава Президентского Совета Горбачев не вел. Формировал Совет единолично.

Наша беседа. Коротко поговорили об итогах заседания Политбюро. Спросил, как настроение? Я передал ему заявление об отставке. Он прочитал. Смотрит на меня. Говорю: «Некоторые мои коллеги стараются демонстрировать бурную деятельность. У меня другой подход. Обстановка в стране сложная, требуется максимальное напряжение, серьезная корректировка позиции.

Работать вполсилы не могу, а по некоторым направлениям и не хочу. К тому же ведь уже 64 года. Не надо ожидать «предложений». До съезда — буду делать все. Но прошу принять решение об освобождении заранее, чтобы не оправдываться на съезде».

М. С. Горбачев воспринял мои слова спокойно. Говорил сдержанно, но с полуулыбкой: «Значит, твердо решил?! Думал, что еще изменишь мнение». И сразу, как бы опасаясь моей неадекватной реакции. «Конечно, от жизни не уйдешь. Неужели уже 64? Да. Не все это понимают». (Вроде бы похвалил меня.) Я напомнил, что беседовал об этом с ним и раньше, что «команду надо обновлять. Мне уже трудно бороться с собой, делать то, к чему не лежит душа, а менять свои принципы — не могу». Он: «Ценю твою прямоту, принципиальность. Всегда имеешь свое мнение, не стараешься «попасть в струю». Отметил мое большое, активное участие в делах, особенно после апреля 1985 года. (Вот в этом он прав, особенно…) «Всем нам трудно избавиться от груза прошлого. Всегда относился и отношусь к тебе дружески, товарищески, с доверием. Вижу, что в последнее время стал более эмоционален, менее сдержан. Но я и нуждаюсь в тех, кто не слепо соглашается, а отстаивает свои позиции». Я подтвердил, да и сам чувствую, что срываюсь. Напомнил ему наш разговор осенью 1989 года: «Хотя я и не очень понимал причину, но коль скоро посчитали необходимым мою передвижку в Верховный Совет, то принял это. Все ведь знали, что Совмин мне ближе и по духу, и по опыту работы. Не по мне политические баталии, лучше работать над конкретными проблемами, делать дело, а не ораторствовать или успокаивать, умиротворять депутатскую массу».

Горбачев: «Напрасно так говоришь, твои политические оценки, и такт в их решении опережают многих. Сейчас время огромной ответственности нынешнего руководства перед народом. Важно — выдержать. Особенно этот и будущий год. Беру твое заявление. Дам знать, как и когда. Хорошо?»

Вот так завершился наш разговор. Он как будто сожалел о моем уходе, сочувствовал, хотя и понимал, что смысл моей просьбы не в возрасте, а в несогласии с проводимой им принципиальной линией, которая противоречит моим убеждениям. Но не сделал никакого намека, попытки разубедить меня или задержать мою отставку. Нет. Он, по-моему, был удовлетворен, что я избавил его сам от неприятного разговора.

Он писал: «… Теперь страна подошла к пределу. Нависла реальная угроза целостности советской Федерации, единству КПСС. В обществе действуют силы, противостоящие социализму.

В ЦК КПСС идут письма, телеграммы от партийных

организаций, трудовых коллективов, групп и отдельных граждан, в которых советские люди выражают тревогу и острую боль за нашу Родину, за коммунистическую партию…

На мой взгляд, самое опасное состоит в том, что мы допустили ослабление, разрыхление партии. В этом, полагаю, и заключается ошибка политического руководства, Политбюро ЦК. На основе «Демократической платформы» ревизионисты (они себя называют радикалами) пытаются изнутри преобразовать КПСС в парламентскую партию, отстранить ее от организаторской работы в массах, в трудовых коллективах.

Целые группы коммунистов не только участвуют, но и возглавляют националистические, сепаратистские организации. На партию извергаются потоки лжи. Под флагом демократии, гласности идет размывание идейных и моральных устоев общества. Разрушительная работа оппозиционных сил смыкается с враждебными силами извне.

В партии во весь рост… встала задача размежевания, очищения ее рядов от тех, кто занимает позиции ревизионизма, социал-демократизма, национализма. В противном случае возможен раскол партии. Почему мы медлим с размежеванием?

Считаю, что сейчас тот случай, когда политическую ситуацию в партии надо рассматривать на Пленуме ЦК. На Политбюро договорились направить по этому вопросу письмо в партийные организации. Убежден, что этого недостаточно.

Обстановка требует неотложных действий. Партия, Отечество в опасности, я бы сказал, в большой опасности. И возможный распад нашей Федерации стал бы потрясением мирового масштаба, непоправимым ударом по социализму, международному коммунистическому и рабочему движению. Просил бы ознакомить с этим письмом товарищей, входящих в Политбюро и ЦК. 27.03.1990 г. Е. Лигачев».

Горбачев в повестку дня обсуждение письма Лигачева не поставил. Но в своих выступлениях на этом заседании члены ПБ, секретари ЦК высказывали мнения, во многом совпадающие с оценками Егора Кузьмича.

Справедливости ради следует еще раз сказать, что при всех особенностях характера Егора Кузьмича, при всех наших спорах, разногласиях по ряду вопросов, неприятии мною его нажимных методов работы, порою диктате и т. п., я всегда относился и отношусь с уважением к его личности, к его честности, порядочности, открытой прямолинейности, скромности и исключительной работоспособности.

Горбачев: «Проект письма от имени Политбюро не годится. Это письмо не для дискуссии. Оно должно отразить

политическую и идеологическую ситуацию в партии и обществе. Правда такова, что у нас уже складывается около 12 партий. В центре должен быть вопрос об отношении к Платформе КПСС. Какова социальная база партии, где место рабочего класса, каково отношение партии к возможности возрождения капитализма. Необходимо и определение отношения к консервативным силам, тем, кто тянет назад. Таким образом, общая цель — консолидация здоровых сил и размежевание с силами, стремящимися к развалу КПСС.

Может быть, разослать проект письма членам ЦК и секретарям компартий союзных республик, обкомов партии? Принять его затем от имени ЦК, а не Политбюро? Какова может быть реакция? Кто-то выйдет из КПСС, пройдет перерегистрация, будут случаи исключения из партии и др. О Пленуме — вряд ли он даст что-то дополнительно. Потеряем время». (Так завершил он обсуждение.)

Уже по прошествии времени думаю, почему мы так решили, почему, полностью поддерживая содержание записки Е. Лигачева, я и другие члены ПБ не пошли на созыв Пленума, как он предлагал. Мы все еще не до конца утратили веру в Генсека, рассчитывали на его способность найти решение, выход из создавшейся ситуации. Раздумывал и я, считая: ну соберем Пленум, опять проговорим два дня об одном и том же. Надо действовать Политбюро и Президенту. Но эти благие надежды не оправдались.

* * *

30 марта. Кремль. Первое заседание Совета Федерации.

Вел заседание Президент СССР М. С. Горбачев.

Участвовали: Рыжков, Лукьянов, Воротников, Нишанов, Керимов, Паллаев, Назарбаев, Дементей, Шевченко, Снегур, Гумбаридзе и др.

Информация Р. Н. Нишанова о ходе рассмотрения в Верховном Совете СССР ряда законодательных документов.

Об обновлении Союзного договора.

О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзных республик из СССР.

В основном он говорил о том, что представленный рабочей группой (Таразевичем) проект закона о новом Союзном договоре был подвергнут резкой критике, высказано много замечаний. В итоге хотя проект и принят палатами ВС в первом чтении, но под разными названиями. В Совете Национальностей: «О

разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации как основы Союзного договора». В Совете Союза: «О разграничении полномочий Союза ССР и союзных республик». Это вопрос принципиальный.

Обсуждение было заинтересованным, эмоциональным, иногда резким.

Однако тогда как-то в сторону был отодвинут вопрос о роли и месте Съезда народных депутатов в принятии Союзного договора, больше шла речь об отношении к нему союзных республик. (Я хотел бы особо подчеркнуть это обстоятельство.)

На этом заседании Совета Федерации, по-моему, впервые возник вопрос **о** республиканских президентах. Стало известно о введении поста президента в Узбекской ССР.

Горбачев **недоумевал:** «Как же это произошло? Без совета, консультаций, явочным порядком избирается президент в Узбекистане. Ведь мы же на Президиуме Верховного Совета договорились, что в стране будет только один президент?»

Каримов спокойно отвел эти обвинения: «Так захотел народ. Вопрос о президенте на сессию Верховного Совета Узбекистана не вносился, он возник в ходе ее работы. Мы не усматриваем в этом какого-либо нарушения Конституции». Его в этом отношении поддержали и некоторые другие товарищи. Назарбаев сказал: «Да, и у нас в Казахстане тоже народ говорит, а почему бы нам не иметь президента». Некоторые участники заседания Совета Федерации (в том числе и я) не согласились с таким подходом.

О президентстве в республиках и Союзном договоре больше не говорили, прений Горбачев не открывал, никакого решения или рекомендаций по этому поводу не приняли, а перешли к следующим вопросам повестки дня. Так синдром президентства стал распространяться на другие республики. Важнейший, принципиальный политический процесс пошел самотеком.

3 апреля. ЦК КПСС. Заседание Российского бюро ЦК. Совместно с оргкомитетом по подготовке партконференции РСФСР. Всего около 120 человек. Многие приглашены из областей, краев и АССР России — делегаты XXVIII съезда.

Доклад Ю. А. Манаенкова. Он сделал анализ обстановки: «Разброс мнений велик. Причины — активизация политической жизни, отсутствие четких структур в Центре, необходимость политически защитить интересы России. Создание компартии России становится реальностью, надо обсудить организационные формы».

Выступления участников.

Антонович (Челябинский обком): «Создать РКП в нынешних условиях — это повалить Союз. В то же время необходима

организующая роль партии в решении экономических, социальных задач, укреплении межнациональных отношений. Нужен компромиссный вариант».

Селезнев (Курский обком): «Некоторые партийные организации (Москва, Ленинград) требуют создания РКП. Нам непонятно — что это? Политический маневр или авантюризм?! Итог — нужна активная, инициативная работа республик и Центра по укреплению позиций России».

Тюлькин (партком НПО «Авангард», Ленинград): «Аргументация на местах разная. Раскол? Да, опасность есть. Но нельзя уйти от идейного размежевания, оно проявляется в партии все больше. Возможно сплочение рядов и вокруг ЦК КПСС, и вокруг РКП. Авторитет ЦК падает. Экономические проблемы ведут к расслоению общества. Идет выход из партии. Я за проведение съезда РКП в Ленинграде».

Мендолин (секретарь райкома, Новосибирск). «Необходимо объединить настроение и здравый рассудок. РКП — это символ, надежда. Исходить из того, что если будет сильная Россия, то будет и сильный Союз, гарантия против центробежных тенденций!»

Выступили еще ряд товарищей, и большинство — за РКП.

Воротников: «Понятен накал политических страстей. Идет нажим на патриотические и национальные чувства россиян. Еще в начале политических событий в Литве там ратовали за поддержку России: «Как ей бедной трудно!» Националистические действия, негативное отношение к русскоязычному населению действительно раскачали Россию и в политическом, и в экономическом отношении. Отсюда и пошел призыв «давай свою партию».

Решили разбить инициативную группу на подгруппы, поработать и через неделю собраться еще раз.

По повестке.

О проведении праздничных мероприятий в Москве, посвященных 1 Мая.

Заслушали информацию Ю. А. Прокофьева. Он предлагает изменить порядок. Демонстрацию трудящихся не проводить. Мосгорпрофсоюз проведет митинг на Красной площади. Возникли сомнения. Надо ли менять традицию? Как это будет воспринято в народе? Кто-то предложил — не надо подниматься руководству на Мавзолей. Это было поддержано. Решили — еще помозговать.

(Стоит рассказать об этом последнем первомайском празднике, который проходил с участием Политбюро ЦК — 1 мая на Красной площади.

Митинг организован Московским городским комитетом

профсоюзов и ВЦСПС. На трибуне Мавзолея: члены Политбюро, члены Президентского совета, секретари МГК, председатель Моссовета, руководящие деятели ВЦСПС и МГСПС, представители трудящихся. Кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК на сей раз не на трибуне, а внизу, со всеми. На площади до 50 тыс. человек.

Открыл митинг председатель МГСПС В. П. Щербаков. Выступили представители «Трехгорки», МАИ, какого-то НИИ, завода «Серп и молот», ВЦСПС. Примерно 30–35 минут. Потом искусственно образовали паузу, сдерживание. На площадь после паузы вступили колонны различных общественно-политических организаций, разного (полярного) толка и районов города. Проходила неорганизованная, возбужденная толпа. Вызывающие, оскорбительные лозунги, призывы, крики. Перед Мавзолеем стали останавливаться колонны, образовалась пробка. По сути, движение приостановилось. Скандирование различных антисоветских призывов — против партии, коммунистов. Требования «к ответу», «к столбу» и т. п. Оскорбительные плакаты-карикатуры. Шум, гам, свист, крик. Проходит 15–20 минут, ничего не меняется. Обстановка накалилась… Первым ушел Горбачев, за ним и все стали покидать трибуну.

Г. Попов, другие московские лидеры вышли на площадь — пошло братание.)

Второй вопрос повестки. О подготовке Съезда народных депутатов РСФСР.

Воротников и Власов информировали о том, как обстоят дела.

Выступили Манаенков, Усманов, Маслюков, Лукьянов, Лигачев. Что говорили. «Политическая, экономическая и социальная обстановка сложная. Надо проработать вопросы съезда с секретарями обкомов. Важен вопрос о кадрах руководства съездом и вообще Россией. Беспокоит рост националистических проявлений в ряде республик, особенно в Западной Украине».

Горбачев. «Собирать первых секретарей не надо. Лучше индивидуально поработать с депутатами на местах.

Теперь о кадрах. Необходимо определиться. (Это он говорит за три недели до съезда. Определяться надо было в декабре-январе. А фактически определились лишь за день до выборов. Так Горбачев вел дело.) Вопросы возникают о конкретных претендентах. Давайте обсудим.

Виталий Иванович обратился с просьбой, несколько месяцев назад, не рекомендовать его на председателя Верховного Совета. У меня были беседы с ним. Прошло его избрание в депутаты, я

думал, что это изменит его мнение. Но Виталий Иванович настаивает на отставке. Говорит — состояние здоровья, возраст. Видимо, есть и другие причины. Я, да и все мы знаем Воротникова давно, ценим его работу, но не считаться с просьбой, думаю, нельзя. Какое мнение?» Молчание. Какая-то замедленная реакция. Меня это возмутило. Ведь, вроде, товарищи. И ни за, ни против…

Тогда я встал: «Прошу согласия Политбюро. Время требует сейчас сверхнапряжения в работе. В таком темпе я ныне работать, к сожалению, не могу. Функции Верховного Совета уже не те, да и «демократические» преобразования я не очень воспринимаю — это тоже нельзя не учитывать. Прошу Политбюро меня не рекомендовать».

М. С. Горбачев: «Кого бы ты предложил?»

Я: «Сейчас — А. В. Власова. Но должны быть и варианты. Ведь ясно, как рвется к власти Борис Ельцин».

М. С. Горбачев: «Ну, что? Согласны с просьбой Воротникова? Хорошо. Давайте обсудим другие кандидатуры».

Пошла речь о Полозкове, Манаенкове, Бакатине и других.

М. С. Горбачев: «Я беседовал с Бакатиным — он категорически отказался, говорит, что не готов к такой деятельности».

Ю. А. Манаенков — просит снять его кандидатуру: «Я свои возможности знаю».

А. В. Власов считает, что надо иметь резервные кандидатуры.

Решили пока обсуждение прекратить. Подумать. Обо мне уже не говорили, то есть можно считать — согласились. Многие — отмолчались. Как понимать? Вообще у меня сложилось мнение, что некоторые присутствующие товарищи стремились «двинуть» кого угодно, лишь бы не его. Почему?..

* * *

26 апреля. Позвонил Е. М. Примаков. Он поделился своей серьезной озабоченностью обстановкой в связи с предстоящим съездом РСФСР: «Группа поддержки А. В. Власова практически не работает. Нет четкой программы. Инициатива уходит из рук». Я выразил также свое беспокойство. Рассказал о неоднократных беседах на эту тему с Горбачевым, Медведевым, Лукьяновым. Напомнил ему мои выступления на Политбюро: «Дело пущено на самотек. Если можешь, вмешайся, дело идет на завал». Не знаю, имел ли он разговор по этому поводу с Горбачевым?

3 мая. Заседание Политбюро.

О ходе подготовки к XXVIII съезду и Российской партконференции. Информировал Г. П. Разумовский:

«Идут собрания, конференции. На сегодня избрано 232 делегата. Растет число лиц, выходящих из КПСС. За 4 месяца — 130 тысяч человек. За весь 1989 год столько же — 130 тысяч.

О российской партконференции. Надо определить повестку. И главное — быть или не быть РКП».

Тезисы выступлений членов Политбюро и секретарей ЦК:

«Нет программы будущей РКП и ее отношений с ЦК КПСС. Укрепит ли образование РКП единство КПСС? Насколько сильны на местах настроения за РКП? Такие настроения — это реакция на националистические наскоки других республик на Россию. Создание РКП осложнит ситуацию. Каков выход? Допустим, что переборем настрой, итог — противопоставление ЦК коммунистам многих российских парторганизаций. Что предпочтительнее? Готовить два варианта. Пока окончательного решения не принимать».

Горбачев: «Момент очень ответственный. Угроза двоевластия есть. Если обстановка выведет на союз компартий, то РКП нужна. Это реальность, от нее не уйдешь. В механизм Устава КПСС заложить возможность ситуации с образованием РКП».

Значит, Горбачев уже не исключает, что КПСС может быть в форме союза самостоятельных компартий республик. Так постепенно шло сползание от экономической самостоятельности республик к политической независимости, в том числе и самих компартий.

Обсуждение вопросов, связанных с проведением совещания партийной группы Съезда народных депутатов РСФСР 12 мая.

Информация Воротникова.

Обстоятельно изложил состояние подготовки: «Несмотря на поручения Политбюро, аппарат ЦК, Секретариат и Бюро ЦК по РСФСР конкретными вопросами подготовки съезда не занимаются. Усложняет дело то, что работа съезда совпадает по времени с сессией Верховного Совета СССР. Я прошу отнести ее начало на 10–15 дней. Медведев индифферентен. Его «забили» идеологические проблемы. Манаенков не имеет поддержки даже от отдела оргпартработы ЦК — Разумовского. Главный вопрос — кадры руководящих органов съезда и Верховного Совета, их подбор из числа депутатов — коммунистов. В отличие от нас «ДемРоссия» ведет активную подготовку».

Выступили в мою поддержку Власов, Рыжков, Лигачев. Оправдывались Медведев и Разумовский.

Но общее настроение в Политбюро было оптимистическим: на Съезде народных депутатов РСФСР большая партийная

прослойка, и есть уверенность, что все пройдет как надо, стоит ли накалять обстановку.

Горбачев выступил в том же духе: «Членам Политбюро разъехаться по областям. Активнее подключить прессу. Провести совещание депутатов — членов партии. О накладке по времени сессии ВС СССР на съезд РСФСР (что просит развести Воротников), видимо, не получится».

На этом и завершили обсуждение. Отделались общими призывами.

* * *

12 мая. ЦК КПСС. Малый зал.

Собрание партийной группы представителей депутатских фракций на Съезде народных депутатов РСФСР. В зале всего около 200 человек, среди них немало представителей «Демократической России».

Горбачев: «Важность съезда. Ответственность России. Попытки расшатать ее. Россияне выражают требование к укреплению суверенитета, созданию РКП и т. п. Давайте обсудим ход подготовки, что необходимо учесть. Следует рассмотреть кадровый вопрос. Виталий Иванович Воротников просит об отставке. Думаю, мы выразим ему признательность за работу».

Предоставил мне слово. Я рассказал о подготовке съезда. О документах, выработанных Президиумом Верховного Совета и оргкомитетом. Повестке дня, регламенте, порядке работы съезда, структуре Верховного Совета, предложениях о составе рабочих органов и др.

Ю. Ю. Болдырев, В. Б. Исаков, Н. Н. Воронцов, С. М. Шахрай выступили с замечаниями, отстаивая позиции «Демократической России». Предложили рекомендовать председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина. Затем выступили: М. М. Абдулатипов, О. И. Тиунов, Г. П. Вяткин, И. М. Братищев и другие, всего 21 человек. Большинство поддержали предложенную повестку съезда. Были внесены также кандидатуры А. В. Власова, И. К. Лолозкова, Ю. А. Манаенкова.

16 мая. БКД. Открылся Первый съезд народных депутатов РСФСР.

В гостевых ложах — Президент, Председатели Верховного Совета и Совета Министров СССР, члены Президентского совета, Политбюро ЦК.

Я нахожусь в зале — с депутатами от Краснодарского края.

Съезд открыл председатель Центризбиркома В. И. Казаков.

Началась возбужденная, изнурительная работа. Споры у микрофонов, крики, реплики, требования разного характера, порою никакого отношения к повестке дня не имеющие. Так шел съезд.

Неоднократно предпринимались массированные попытки заменить председателя съезда В. И. Казакова, который вел заседания все дни, вплоть до избрания Председателя Верховного Совета РСФСР. Он не устраивал «демократическую», немногочисленную, но настырно-наглую группу депутатов.

Бесконечно продолжались дебаты по повестке дня. Продвигались вперед черепашьими темпами. Но в итоге повестку согласовали, с небольшими изменениями от первоначального варианта.

Лишь 18 мая, утвердив временный регламент, приступили к обсуждению основных вопросов повестки дня.

Доклад А. В. Власова «О социально-экономическом положении РСФСР».

Затем его ответы на письменные вопросы.

В последующие дни шло обсуждение доклада. Выступления разные, от одобрения до резко критических, даже обвинительного характера.

22 мая на Съезде народных депутатов РСФСР принимается решение: прения по докладу А. В. Власова прекратить. Он отвечает на вопросы. Заметно волнуется, сбивается. Аудитория реагирует неоднозначно.

Развертывается дискуссия о дальнейшей работе. Часть депутатов требуют дать выступить Б. Н. Ельцину с заявлением.

С каким — не известно. В конце концов, В. И. Казаков предоставил ему слово.

В своем выступлении Б. Н. Ельцин по существу представил заранее подготовленный вариант декларации. Им были выдвинуты принципиальные, ультимативные требования политического и экономического характера. Обвинялся Центр в многолетней имперской политике по отношению к союзным республикам, в том числе и России. Ставились условия принятия новой Конституции России прежде, чем Конституции СССР. Говорил, что вся власть в Российской Федерации принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы, что акты, принимаемые Союзом ССР, не должны противоречить Конституции России и Договору с Союзом.

В перерыве здесь же, в Кремлевском дворце, состоялась беседа М. С. Горбачева с членами Политбюро, Президентского совета, секретарями ЦК. (А. Б. Власова не было.)

Горбачев поднял вопрос о том, какова конкретная ситуация

по отношению к предложенным кандидатурам. По его данным (каким? от кого? не объяснил), съезд не удовлетворен докладом и особенно ответами А. В. Власова. Считает, что следует поговорить с руководителями делегаций о А. В. Власове и И. К. Полозкове. Оставлять ли две кандидатуры или одну. Какую? (Как не к месту были эти колебания. Ведь уже 22 мая!) Крючков и Манаенков подтвердили, что считают сейчас рейтинг И. К. Полозкова выше. Некоторые товарищи не согласны с этим. Горбачев: «Хорошо. Я еще побеседую с Власовым».

По окончании совещания я приехал в Дом Советов. Зашел к А. В. Власову. Он, конечно, знал, что в Кремле была беседа. Коротко рассказал ему о разговоре, не подчеркивая мнения отдельных товарищей. Он сказал: «Была беседа с М. С. Горбачевым. Спокойные, доверительные рассуждения — как сделать лучше? Условились — выслушать мнение руководителей делегаций». А. В. Власов расстроен — «К чему эти колебания. Ведь я не напрашивался! Зачем мне эти перестановки! Уйду в отставку, и все». Я постарался успокоить его — «погоди, не переживай». Сидели долго, говорили.

* * *

24 мая. Выдвижение кандидатур в список для голосования на пост Председателя Верховного Совета РСФСР: Ельцин, Полозков, Мальков, Власов, Воронин, Соколов, Воротников, Степанов, Манаенков, Жильцов, Волкогонов, Воронцов и другие.

Началось обсуждение. Воротников, Волкогонов, Манаенков, Воронцов, Воронин сразу взяли самоотвод. К слову, не скрывали своего удовлетворения ленинградцы и москвичи, что я снял свою кандидатуру. Они были, как мне показалось, благодарны мне, что отпал конкурент. Открыто сожалели молодые депутаты из фракции «Смена».

В перерыве опять беседа М. С. Горбачева с членами Политбюро и секретарями ЦК здесь, в БКД. Вновь проблема — кого выдвигать? «Надо определиться! (Вот ведь какие колебания!) По информации Крючкова и Манаенкова рейтинг Власова продолжает снижаться. Большие шансы у Полозкова. Что касается Власова — рекомендовать его на пост Предсовмина РСФСР».

Я уже, в сущности, никакого участия в этом обсуждении не принимал. Вопрос был решен, депутаты выдвинули мою кандидатуру — я коротко и ясно высказался, взял самоотвод. Но меня все время не покидало чувство неудовлетворенности, возмущения и недоумения из-за двусмысленности позиции

Горбачева. Что он хотел? Кого он видел на посту Председателя Верховного Совета России? Или этот вопрос был ему совершенно безразличен. Вероятно, рассуждал я тогда, все его помыслы сосредоточены на формировании Союзного Договора, сохранении СССР?! В то же время, разве можно не видеть, что его ожидает, если Ельцин возглавит Россию! Непонятно. Если же он действительно не хотел победы Ельцина, то почему ничего конкретного, помимо бестолкового вчерашнего выступления перед депутатами, не предпринимал. Никакой тактики поведения, возможных вариантов, расчета, социологического среза мнений, как среди депутатов, так и в корпусе секретарей обкомов России не было. Все шло самотеком. Какое-то фатальное безразличие. Откровенно говоря, я ожидал, что он предложит — давайте тактически двинем Воротникова, запутаем карты «демократов», или всех троих Власова, Полозкова, Воротникова. Такой вариант, по-моему, дал бы шанс побороть Ельцина, если Горбачев действительно этого хотел. Кстати, эта идея высказывалась мне некоторыми товарищами из партактива.

Вечером, в 19.00, ЦК КПСС. Совещание с секретарями обкомов партии — депутатами. Вел совещание В. А. Медведев. Он сообщил о рекомендации ЦК на пост Председателя ВС РСФСР — И. К. Полозкова. Возгласы «за» и «против». Но раз надо, то будем поддерживать. И опять нарекания, почему же так поздно решается вопрос? То говорили одно, теперь другое. Уже нет времени на работу. Нет гарантий. Секретари были возмущены.

И. К. Полозков переживает: «Зачем меня подставили в последний момент? Я было уже успокоился. Лучше бы идти вместе с А. В. Власовым — это дало бы больший эффект».

В 20.00 зашел к А. В. Власову. Он очень расстроен. Рассказал мне о встрече с М. С. Горбачевым: «Ну, что, разве я буду спорить. Но так ведь нельзя, до последнего дня быть в подвешенном состоянии. Правда, может это и к лучшему. Сняли груз с плеч. Я готов к работе — если надо. Но здесь, то есть в Совете Министров, мне больше по душе».

25 мая. Выступления кандидатов: Ельцина, Полозкова, Морокина — с программными речами. Остальные сняли свои кандидатуры.

Поздно вечером голосование.

26 мая. Результаты вчерашнего голосования.

Б. Н. Ельцин: за — 497, против — 535.

В. И. Морокин: за — 32, против—1002.

И. К. Полозков: за — 473, против — 559.

Повторное голосование.

В бюллетене Ельцин и Полозков.

Б. Н. Ельцин: за — 503, против — 529.
И. К. Лолозков: за — 458, против — 574.
Необходимо набрать 531 + 1. Никто не прошел.

* * *

27 мая. Воскресенье. Вновь собрались в ЦК у Медведева. Участвуют секретари ЦК (Горбачева нет). Обсудили ситуацию на съезде. «В ЦК сложилось мнение, — говорит Медведев, — что сейчас надо изменить позиции. Вместо Полозкова выдвинуть Власова. Но нужно доложить Горбачеву». Вот такие игры! Я не вмешиваюсь.

28 мая. Продолжение съезда.

Активное, бурное обсуждение. Предлагается заседание отложить и провести консультации по группам. Разные варианты: выдвинуть новые кандидатуры, самим кандидатам прийти к согласию и т. п. С предложением выступил Ельцин — идти по регламенту. Опять началось выдвижение: Ельцин, Власов, Перуанский, Цой, Аксючиц и другие. После самоотводов остались Власов, Ельцин, Цой.

В 18.00 я на заседании редакционной комиссии.

А. В. Власов позже рассказал: «М. С. Горбачев собрал в ЦК секретарей обкомов партии — депутатов, посоветоваться. (Наконец, удостоил вниманием.)

Был откровенный разговор: «Чем объяснить такую ситуацию на съезде? Такое качание. Большинство считает, что ЦК КПСС, руководство Политбюро подошло к подготовке съезда беспечно, что не учитывается ситуация в стране, не выработана необходимая тактика, нет четкой принципиальной позиции по кадрам. В стране масса проблем. Ухудшается снабжение. Руководство много говорит, обещает, а результатов нет. На сессии Верховного Совета СССР идет сейчас обсуждение проблем рыночных отношений. Это дополнительно будоражит народ, так как никто ничего толком о рынке не знает. Одновременная работа Съезда народных депутатов РСФСР и сессии Верховного совета СССР — это грубая ошибка. На местах паралич власти. Неизвестно, куда обращаться. Никакой тактической проработки вариантов хода российского съезда в ЦК не было сделано.

Б. Н. Ельцин и его команда работали активно, использует эту обстановку. Они постоянно, широко и гласно обсуждают все негативные процессы. Вот депутаты и голосуют. Не за Ельцина или Полозкова, а против нынешнего руководства. А что будет потом?» Так шел разговор.

Горбачев опять не принял во внимание этот «крик души» товарищей по партии. На другой день улетел с визитом в США и Канаду.

29 мая. Продолжение съезда. Голосование.

Итоги: А. Б. Власов: за — 467.

Б. Н. Ельцин: за — 535.

В. Цой: за — 11.

Б. Н. Ельцин набрал необходимые для избрания 532 голоса.

Он — Председатель Верховного Совета РСФСР.

* * *

31 мая. Вечером Б. Н. Ельцин приехал в Дом Советов. Мы заранее условились о встрече. Беседа была спокойной, доброжелательной. Он более эмоционален, чем обычно. Явно удовлетворен такой непростой, но все-таки победой. Речь шла о структуре аппарата Верховного Совета, имеющихся вакансиях, которые мы не заполняли, имея в виду необходимое обновление кадров. Требуется и совершенствование самой структуры, так как Верховный Совет приобретает новые функции. Особенно активно будут работать комитеты и комиссии Верховного Совета.

Он расспрашивал о Секретариате. Это, в сущности, новый орган. Его надо формировать. Б. Н£льцин спросил, что я думаю, если на начальника секретариата он пригласит Лубенченко. Я ответил, что не знаю его, слышал только несколько выступлений в Верховном Совете. Дал положительную оценку Чистоплясову, как опытному и высоко организованному работнику. Ельцин согласился со мной. Но надо подумать. Может, предложить Степану Ивановичу что-то другое.

О Правительстве. Намечена серьезная реорганизация. Я изложил примерные планы. О Председателе. Спросил мое мнение — я рекомендовал А. В. Власова. Он положительно отозвался о нем, но спросил, как я отношусь к кандидатурам Воронина и Силаева. Я, как бывший авиационник, поддержал Силаева. (Каюсь — это была грубая ошибка. Не знал я «настоящего» Силаева.)

Б. Н. Ельцин недоволен, что М. С. Горбачев не поздравил его с избранием. Сказал, что хочет отбросить личные обиды и работать. Но шаги навстречу должны быть взаимными, с обеих сторон, подчеркнул Ельцин. (Какие шаги — не уточнил.) Спросил, какая система охраны, я рассказал. Три офицера, в том числе один старший. Кто помощники. Было трое, сейчас остался один, два — ушли на пенсию. Обсуждали и многие другие вопросы.

Он стал вспоминать наши встречи, мою поддержку его

деятельности в Свердловске, Москве. Отметил, что споры если и были, то по делу. Вообще «благосклонно» оценил мою работу в Доме Советов. Вся беседа была подчеркнуто доверительной. Сожалел о том шаге, когда согласился быть секретарем МГК, так как не знал и не знает Москвы, тяготеет к делам России. «Но раз тогда мне сказали надо — значит надо». Уход из МГК и Политбюро не комментировал.

Говорили примерно час сорок минут. Затем я провел его по помещениям. Показал где, что и как. Попрощались, и я ушел.

Естественно, что никаких бумаг, материальных ценностей, описей и т. п. я не передавал. Так как в моем ведении ничего не было. Это дело материально ответственных лиц. А все документы — указы, постановления и т. п. — находятся в действии. Поэтому одному передавать, а другому принимать — нечего.

5 июня. Началось формирование Верховного Совета: чис-' ленность его палат, представительство автономий и т. п. Возникло несколько вариантов численности палат: 126 + 126, или 147 + 147, или 168 + 168, или 232 + 232, или 250 + 250 и так далее. Вариантов и обоснований масса. Не было только здравого смысла, расчета, принципа подбора этих цифр с учетом специфики автономий, паритета территорий и т. д. Все варианты Б. Н. Ельцин голосовал, подчеркивая, что это демократично, так как «надо знать общее мнение». Затем внесли предложение превратить весь состав съезда в Верховный Совет. Нелепости громоздились одна на другую.

Шел день за днем, депутаты бузотерили, митинговали и тянули, тянули время. Было совершенно ясно — вел Ельцин дело к тому, чтобы Съезд народных депутатов РСФСР сомкнулся с намеченной на 19 июня партконференцией (съездом) РКП. Так и дотянули.

В итоге на Съезде народных депутатов РСФСР, как и намечали, остановились на варианте численности палат: Совет Республики и Совет Национальностей ВС — 126 + 126 = 252 депутата.

Затем на съезде стали обсуждать и постатейно принимать «Декларацию о суверенитете России». Дело шло очень трудно, пугали публикацией поименного голосования в «Аргументах и фактах». В результате приняли. В ЦК молча наблюдали, как съезд разрушал новыми законами Конституцию СССР.

15 июня. На сессии Верховного Совета РСФСР Председателем Совета Министров РСФСР избран И. С. Силаев.

Докладчик М. С. Горбачев. Доклад был опубликован под названием «С ответственностью за судьбы России и всей страны».

Позиции высказаны полярные, они, как и предвиделось,

разожгли страсти на конференции. В выступлениях было высказано немало резких, нелицеприятных слов в адрес ЦК КПСС, Политбюро, Горбачева. Жаркие споры вызвала позиция отдельных делегаций (Москвы, Свердловска и других), которые настаивали на этапах конференции, предлагали не проводить выборы в ЦК, требовали иных, новых форм организации съезда.

20 июня. Приняли решение о преобразовании партконференции в учредительный съезд РКП. О названии партии: Коммунистическая партия РСФСР.

О кандидатуре на первого секретаря. Попросили Горбачева сначала высказать свое мнение. Он, сославшись на общественное мнение, назвал: Бакатина, Купцова, Шенина. Затем добавили еще: Манаенкова, Полозкова, Малькова. Заслушали кандидатов. Купцов и Манаенков взяли самоотвод. Также и Полозков, объясняя это тем, что Генсек не назвал его фамилию в числе кандидатов. Бакатина на совещании не было.

Затем, уже на съезде, на пост первого секретаря ЦК КП РСФСР выдвинули 13 человек. Взяли самоотвод: Бакатин, Манаенков, Посибеев, Трушин, Щербаков, Мальков.

Выступили претенденты: Купцов, Мельников, Шенин, Полозков, Лобов, Лысенко. Говорили все спокойно, дельно отвечали на вопросы. Особенно атаковали И. К. Полозкова, но он отвечал толково, смело, резко. Не скрывая своих принципов, без уверток. Это понравилось съезду.

На первом этапе голосования большинство получили: Полозков и Лобов.

Вечером состоялось повторное голосование.

23 июня объявили итоги. Большинство голосов, 1396, получил И. К. Лолозков. Он избран Первым секретарем ЦККП РСФСР.

Приняли резолюции съезда. Обсудили состав ЦК. Решили избирать в два этапа. Часть сегодня, по квоте от территорий. Часть на втором этапе, это касалось тех делегаций, которые хотели посоветоваться с первичными парторганизациями (Москва, Ленинград, Куйбышевская и Ульяновская области). После длительного обсуждения сформировали список состава ЦК. Провели голосование — все избраны.

И закрыли Первый съезд КП РСФСР.

* * *

29 июня. Пленум ЦК КПСС. В расширенном составе.

Повестка: «Вопросы XXVIII съезда КПСС».

М. С. Горбачев: «Съезду предшествовала широкая и обостренная дискуссия. Это наложило отпечаток на доклад и подготовку документов, в том числе и Платформы КПСС, которая трансформировалась в программное Заявление «К гуманному, демократическому социализму».

Некоторые выступления.

Н. И. Мальков: «Требуется самокритично сказать о работе Политбюро по руководству партией. Нельзя превращать КПСС из политической в массово-политическую организацию. Считаю, что в докладе обойден вниманием Первый съезд РКП. Этот съезд консолидировал российских коммунистов. Сейчас идут нападки на Российский съезд и его первого секретаря» В. Мельников: «В докладе мало самокритики. Съезд народных депутатов РСФСР ведет напористо нападки на РКП, на руководство страны. А наш Президент — молчок. Это что, сдача позиций? Обстановка в стране напряженная. Идут разговоры о готовящейся политической забастовке».

М. Ф. Ненашев: «Остается чувство неудовлетворенности. Покаяние отчасти нужно, но больше необходимы действия. Какой должна быть партия в новых условиях? Говорим о кадрах — консерваторы. Они ушли, пришли новые, молодые, — каковы они? Анализа нет. Какой мы видим сегодня политическую, идеологическую работу? Что не получалось в организационном плане, как нужно работать?»

Я. П. Рябов: «Упал авторитет государственной власти, размываются нравственные ориентиры, нарастают национальные проблемы и т. п. Об этом говорится вскользь, без анализа, без выводов. Кто виноват? Идет пропаганда различных экстремистских, профашистских партий, анархо-синдикалистов. Зачем это делается? Что это — демократия? Считаю, что Политбюро и Совмин непоследовательны в осуществлении экономических реформ. Идет перманентная смена кадров руководителей разного уровня, а положительных сдвигов в работе нет».

В. В. Бакатин: «Анализ кризиса общества не ограничивать перестройкой, надо включить сюда и кризис партии. Они связаны. О КПСС. Это должен быть Союз независимых, самостоятельных компартий. Иначе мы КПСС не сохраним».

Г. И. Янаев: «В докладе определить отношение ЦК к рынку. Или мы людей успокоим, или возбудим народ».

Этот Пленум шел все-таки пассивно. Какое-то ожидание неизвестно чего. Горбачев кратко высказал свое отношение к критике. С чем-то согласен, что-то отверг. После объяснений, уговоров, решили одобрить основные положения доклада, а

Горбачеву учесть высказанные замечания.

Программное Заявление в основном одобрить и внести на съезд.

Проект Устава передать комиссии — много замечаний.

М. С. Горбачев благодарит ЦК за активную работу. Так в темпе завершил работу этот последний для меня Пленум ЦК.

Избрали рабочие органы. Утвердили повестку дня. Дополнили: заслушать отчеты членов Политбюро и секретарей ЦК.

Атмосфера в зале стала накаляться с первых минут. Сразу стали от микрофонов требовать выступлений: по повестке, рабочим органам, порядку ведения и др. Резкие, ультимативные претензии в адрес ЦК и Политбюро. Выкрики, возмущение делегатов, призывы к благоразумию, наведению порядка и т. п. Вообще съезд, даже по сравнению с конференцией КП России, проходил более нервно, с всплесками, словесными перепалками. Они то затихали, то вспыхивали вновь.

В комнате Политбюро в перерывах шли горячие обсуждения хода съезда. Я, уже фактически отошедший от дел, редко заходил в эту комнату и не принимал участие в дискуссиях.

«Политический отчет ЦК КПСС съезду и задачи партии».

Докладчик М. С. Горбачев.

Излагать здесь содержание доклада нет необходимости, ибо он опубликован в печати, издан отдельной брошюрой. Однако есть смысл выделить те его положения, вокруг которых разгорелись, по моему мнению, наибольшие споры, выражались противоречивые оценки.

Во-первых, докладчик заявил, что «за пять лет мы сделали революционный рывок во всех сферах жизни. Вопрос сегодня стоит так: либо советское общество выйдет вперед по пути начатых глубоких преобразований — и тогда… наше великое государство ждет достойное будущее, либо верх возьмут контрперестроечные (читай — консервативные) силы — тогда народ ожидают мрачные времена».

Во-вторых. «Почему перестроечный процесс… не принес излечения от многих его болезней, а положение в определенном смысле даже ухудшилось… Ответ: нам досталось крайне тяжелое наследие».

В разделе доклада «Политика перестройки: опыт и перспективы» Горбачев отмечает, что «негативные тенденции в экономике были бы меньшими, если бы Правительство обеспечило комплексный подход к проведению экономической реформы». (А кто же «вязал руки» правительству?!)

Очень подробно излагает и обосновывает как безотлагательную задачу перехода к рынку. «Двигаясь к рынку, мы идем не в сторону от социализма, а к более полной реализации возможностей общества. Это и составляет замысел концепции перестройки». (Неужели забыл, что говорил о рынке год-два назад?)

Выделяет важность обострившихся последнее время межнациональных отношений. Признает, что «мы оказались не готовы к тому, что произошло, когда взорвались и выплеснулись наружу серьезнейшие проблемы, долго копившиеся под спудом видимого благополучия. Решение их, в конечном счете, он видит в изменении облика Союза, как добровольного объединения народов, связанных общими экономическими, политическими интересами, самой историей. Необходим настоящий Союз Суверенных Государств». (Так исчезает аббревиатура СССР.)

Большое внимание уделяет международным отношениям, отмечает, что «перестройка коренным образом изменила наши взгляды на мировое сообщество. Благодаря перестройке и новому мышлению произошел поворот в отношениях между СССР и США — от конфронтации… даже к партнерству». Категорически отверг упреки, что «мы уходим без боя из стран Восточной Европы».

А в заключение докладчик остановился на идее обновления КПСС как авангардной силы общества. Говоря о целостности КПСС, он заявил, что это «вполне сочетается с максимальной самостоятельностью союзных республик». (?!) в каждом выступлении было много общих стандартных подходов. Чувствовалось, что ораторы не были готовы к серьезному анализу. Собственно, в таком же духе, после Маслюкова, выступил и я. Было не просто точно определить, за что мы должны были отчитываться: за общую ситуацию в стране, за деятельность Политбюро и личный вклад в его работу или же за конкретно порученный участок работы. Все это было перепутано в отчетах, тем более что пришлось выступать, по сути, с листа. Поэтому отчеты и слушались аудиторией без достаточного внимания. После меня выступили В. А. Крючков, Г. П. Разумовский, Д. Т. Язов. Решили дальше отчеты не продолжать.

4–7 июля. Обсуждение доклада Генсека.

Мне представляются интересными ответы некоторых товарищей по Политбюро на заданные им вопросы.

Вопросы к Н. И. Рыжкову носили в основном хозяйственный, экономический характер. Спрашивали, почему по ходу перестройки претерпевали изменения принципиальные

положения экономической реформы. Серьезные претензии предъявлялись за слабое внимание Правительства к проблемам агропрома.

Рыжков отвечал довольно обстоятельно. Аудитория реагировала на его ответы спокойно. Не удовлетворило делегатов то, что он мало рассказал съезду о своей деятельности как члена Политбюро. Говоря об обстановке в Политбюро, он заявил: «Полностью разделяю и поддерживаю стиль работы этого коллективного органа, созданный М. С. Горбачевым». (На что еще надеялся тогда Николай Иванович?)

Сложнее было справиться с массой вопросов В. А. Медведеву. Многие из них буквально в лоб говорили, что с его приходом в Политбюро идеологическая работа в партии развалилась, что сказалось и на авторитете КПСС. «Готовы ли вы нести персональную ответственность за создавшийся политический кризис?» Он отвечал, что ему такая хлесткая оценка неприятна и больна. «Но что же это за идеология, — ерничал Вадим Андреевич, — если ее мог развалить в течение короткого времени один человек?» Ряд вопросов носили теоретический характер. Например: «Существует или нет идеология и концепция перестройки?» Медведев, ссылаясь на слова одного академика, ответил так: «А что такое сама перестройка? Это ведь и есть идеология».

Его ответ вызвал гул возмущения в зале.

* * *

А. К. Яковлев построил свои ответы на противопоставлении: «Есть много вопросов негативного, критического характера, но и есть доброжелательные. На них я отвечать не буду. Я отвечу на первую группу вопросов. О Прибалтике. Прямые обвинения в мой адрес. Но в них не содержится указаний, ссылок на слова и выступления (и в оправдание стал зачитывать выдержки из своих там выступлений). Спросили, писал ли он записку в Политбюро по итогам поездки в Прибалтику. «Нет, такой записки не было. Что касается предложений о расследовании моей деятельности в Прибалтике, то я согласен».

На вопросы об обстановке в Восточной Европе он отвечал так: «Если народы отворачивается от партий, значит, политика этих партий не воспринимается ими, как свое, народное. Когда обвиняют ЦК КПСС в развале социалистической системы, то надо вспомнить, что происходило в 1953 году в Берлине, в 1956 году — в Венгрии, в 1968 году — в Чехословакии. Я был там, и мне до

сих пор неловко за эту миссию. Не надо торопиться хоронить социализм в Восточной Европе. Я встречался с Гизи, Могоритой, Миллером, Лиловым. Положение у них нелегкое. Но надежда есть. Я категорически не согласен, когда говорят, что мы развалили мировое коммунистическое движение, разрушили СЭВ и ОВД. Если СЭВ перестроит свою работу, он имеет будущее».

В зале шум, смех, выкрики. Для всех ясна обстановка в Восточной Европе. Что там происходит. А такой матерый политик, как Яковлев, прошедший школу ЦК КПСС, видный дипломат, политолог — надеется на победу социализма в ГДР, на содружество СЭВ. Ну, лукавит же!

Вопрос об объединении Германии. «Этот вопрос все время выдвигали мы. В 1945-м, 1946 году, в 50-е годы. (Это же надо?!) И сейчас он выдвинут жизнью. Другое дело, что нужно, чтобы с территории Германии не было угрозы Союзу». Были еще записки о «европейском доме» и т. п. «Есть записка о моей отставке. Я для себя этот вопрос решил, — твердо и четко заявил Александр Николаевич, — кто требует это, я удовлетворю их запросы».

Здесь А. Н. Яковлева буквально забросали репликами, едкими замечаниями. Он отбивался. Стал срываться, нервничать. Обычное спокойствие изменило ему. Задал вопрос генерал Лебедь о неопубликованной книге Александра Николаевича «Мое видение марксизма»: «Вы говорили, что за ее публикацию вас повесят на первой сосне. Так ли это было? И вообще, сколько у вас лиц, Александр Николаевич?» Он: «Что, что, извините? Не расслышал». (Шум в зале). Лебедь повторил. Яковлев: «Я встречался с «Демократическим единством». Мы договорились, что встреча у нас откровенная, доверительная, закрытая. Да, я написал и когда-нибудь опубликую эту работу. Я говорил, что некоторые положения сегодня могут показаться не очень-то хорошими… но пройдет год-два, они будут нормальными. Таков динамизм жизни!»

Опять пошли вопросы. Он буквально горел на трибуне, но не поддавался. Весь напрягся, был зол и возбужден. Председательствовавший на съезде С. Ниязов «прекратил вопросы».

* * *

После перерыва М. С. Горбачев начал заседание так: «Давайте поговорим. Так вести съезд нельзя. Если вы хотите сейчас похоронить партию, расколоть партию, то давайте идти этим путем. Надо думать. Думать крепко, устали вы или нет». Эти

реплики подстегнули зал. Опять — шум, аплодисменты, реплики, толпы у микрофона. Он не дал никому выступить.

Е.. К. Лигачев подтвердил в ответах свою позицию против превращения КПСС в конфедерацию. Отверг попытки свалить вину за пробуксовку перестройки на консервативные силы в партии. На вопрос, касающийся позиции Политбюро по отношению к внедрению рыночных отношений, он ответил, что «оно не обсуждало конкретные меры перехода к рынку, речь шла лишь о концептуальном подходе». Сказал о своем отрицательном отношении к частной собственности. Касаясь обстановки в Германии, заявил, что «идет не объединение, а присоединение или, вернее, поглощение ГДР».

Много вопросов было задано Э. А. Шеварднадзе. Он сразу заявил, что «все крупные внешнеполитические акции разработаны МИД с участием Министерства обороны, КГБ, соответствующих министерств и комиссий ЦК КПСС и при обязательном обсуждении на Политбюро.

Не является ли экономическая реформа, которую предполагается провести в стране, предметом политического торга за предоставление нам помощи Запада? Он ответил так: «Между кредитными соглашениями и переговорами по другим вопросам — германскому, сокращению вооружений и др. — нет никакой связи». Решительно отклонил любые намеки, что идет «торг» по германскому вопросу: «Свою судьбу народ Германии решает сам».

Были вопросы о выводе наших войск из стран Восточной Европы и финансовых взаимоотношениях в этой связи. Он ответил, что «в итоге эта мера дает нам экономию нескольких миллиардов рублей в год». В конце ему задали вопрос, как он оценивает свои выступления в отношении Сталина, Хрущева, Брежнева, где провозглашена неуемная хвала в их адрес. Шеварднадзе хитро ушел от прямого ответа, обратив его в шутку, и сказал с улыбкой: «Ну, было такое, еще 11-летним ребенком писал хвалебные стихи Сталину».

М. С. Горбачев предложил прекратить ответы членов Политбюро на вопросы…

10 июля выдвинули на съезде кандидатов на пост Генерального секретаря ЦК. Ими стали: М. С. Горбачев, Т. Г. Авалиани, О. И. Лобов, О. И. Сысуев, В. В. Бакатин, А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, Н. С. Столяров.

Многие взяли самоотвод.

В список внесли: М. С. Горбачев и Т. Г. Авалиани. Голосование.

Итоги: Генеральным секретарем ЦК КПСС избран

М. С. Горбачев.

11 июля. Выдвижение кандидатур на пост заместителя Генерального секретаря. Предложения: Назарбаев, Гуренко, Дударев, Фролов, Купцов, Малафеев, Рубике, Лигачев, Ивашко. Выступили и ответили на вопросы: Ивашко, Лигачев, Дударев. Остальные взяли самоотвод.

В перерыве в комнате для Политбюро оживленный обмен мнениями. Особенно эмоционально вел себя академик С. С. Шаталин — всплескивал руками, хватался за голову, бросал возмущенные реплики — «Неужели пройдет Лигачев! Это же…»

Вслух выражали свое отношение и некоторые другие. Горбачев потребовал «прекратить базар». Е. К. Лигачева в комнате не было.

Кандидатуру В. А. Ивашко внес на съезде М. С. Горбачев. Сказал, что именно с ним он намерен работать. Е. К. Лигачев свою кандидатуру не снял. И хотя у него было много сторонников, но по настроению делегатов было видно, что вряд ли Егор Кузьмич наберет необходимое число голосов. Поэтому была неоправданна такая «буря страстей» Шаталина, да и некоторых других, более сдержанная, но все же, недопустимо пристрастная.

Заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС избран В. А. Ивашко.

Председателем ЦКК КПСС — Б. К. Пуго.

В перерыве — совет представителей делегаций.

Обсуждение состава ЦК. Список составлен по квотам от республик: 15 х 5 = 75 человек. Список по квотам от численного состава КПСС (1 от 100 тысяч) — 236 человек. Плюс список от Центра (опять уловка Генсека) — 75 человек.

После замечаний его увеличили до 86 человек. Итого — 397.

В сущности, Горбачев решил обновить Центральный Комитет почти полностью. Очиститься от консерваторов, вдохнуть «свежую струю». В. И. Болдин рассказывал позже, что Горбачев лично правил список, вычеркивая одних и добавляя другие фамилии. Что из этого вышло, станет ясно позже.

На съезде слово взял Б. Н. Ельцин. Сделал заявление о своем выходе из КПСС и сразу покинул съезд. Он выходил из зала по основному проходу между рядами, и его сопровождали возмущенные возгласы. Поручили мандатной комиссии рассмотреть отношение к нему, как делегату съезда.

13 июля. Заключительное слово (буквально на 15 минут) Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Закрытие съезда.

Затем сразу из КДС вновь избранные члены ЦК направились в

Зал пленумов на организационный Пленум ЦК.

Вышли и мы — бывшие и настоящие. Пошли по Кремлю из КДС к зданию палат Верховного Совета, где расположен Зал пленумов ЦК. Я решил не идти на Пленум. Ко мне подошел Е. М. Примаков: «Пойдемте. Наверное, Михаил Сергеевич захочет сказать несколько слов бывшим коллегам, поблагодарить..» Мы пошли вместе.

Зашли не в зал, а туда, где обычно входят члены Политбюро (со стороны Президиума). Там были Горбачев, Болдин, еще кто-то. Михаил Сергеевич суетился, торопился, бросил: «Мы еще встретимся, поговорим, будет время». Примаков остался, а я попрощался и уехал из Кремля.

* * *

Итак, что же дальше? Более 47 лет занимался я различными сферами производственной, государственной и партийной деятельности. Нервная атмосфера последних месяцев так измотала меня, что я с удовлетворением ощутил первые дни освобождения от забот и ответственности. У меня был оформлен полагающийся мне отпуск, и в августе мы с женой отправились в санаторий «Валдай» в Новгородской области. Неброская природа северо-запада — лес, озера, тишина. Возможность побродить по окрестностям, поразмышлять о прошедшем, обдумать свои планы была здесь благоприятной.

Оставаясь народным депутатом РСФСР и членом Верховного Совета СССР, я решил более активно включиться в работу союзного органа, избрав для себя место приложения сил — Комитет по международным отношениям. Где и стал работать, как только начались заседания очередной, четвёртой сессии Верховного Совета СССР.

Все, о чем я буду говорить в дальнейшем, это мое видение событий как члена Верховного Совета, а затем и просто гражданина России.

Президентская власть на протяжении четырех месяцев, прошедших после избрания, собственно, пока никак не ощущалась в стране. Горбачев перестал участвовать в большинстве заседаний сессии Верховного Совета, основное внимание уделял формированию президентских структур власти. Как я уже говорил, он отошел и от активной работы в самой партии. Сократились его контакты с республиканскими, областными партийными комитетами.

Третья сессия Верховного Совета еще в июне 1990 г. одобрила

концепцию перехода к регулируемым рыночным отношениям. Было дано поручение Совету Министров подготовить целый ряд документов, которые должны раскрыть механизм реализации этой программы. Однако в августе стало известно, что с санкции Президента образована параллельная группа во главе с академиком С. Шаталиным, которая также разрабатывает свой вариант экономической программы вывода страны из кризиса. Впоследствии эта программа получила название «Программы 500 дней» Шаталина — Явлинского. Началось что-то вроде соревнования. Эта группа завершает в начале сентября свою работу, и, хотя содержание их программы нигде не опубликовано, — имеет благоприятную прессу. Но как таковой программы никто в Верховном Совете не видел.

19 октября. На сессии Верховного Совета с докладом «Об основных направлениях стабилизации экономики» выступил М. С. Горбачев. Он говорил, что «в представленном варианте учтены замечания комитетов Верховного Совета. Документ проработан с руководителями союзных республик. Правильнее будет не делать детального документа, нельзя все расписать по графику, а дать стратегию движения к рынку, придав ему характер «Основных направлений». В этом случае создаются условия для проявления широкой инициативы в республиках». (Это была роковая, не оправдавшая себя уступка, связанная с декларацией о суверенитете.)

Добавляет: «Речь идет о рынке со смешанной экономикой, и государственной, и общественной, и частной собственностью. Двигаясь к рынку, мы не отказываемся от социализма. Устойчивая социалистическая экономика обеспечит развитие рыночных отношений. В данном случае мы говорили о переходном периоде (полтора-два года), необходимом для оздоровления финансов, укрепления рубля. Во всем мире рынок не стихийный, а регулируемый».

На этом Горбачев завершил свой доклад. В итоге после продолжительного обсуждения Верховный Совет одобрил представленный проект.

Накануне, 18 октября, сессия по просьбе Президента наделила его дополнительными полномочиями для решения оперативных вопросов. Однако продолжала работать «политическая ловушка». Она сдерживала все попытки провести экономические преобразования. Обстановка в стране продолжает осложняться. Верховные Советы союзных республик вслед за РСФСР один за другим принимают декларации о суверенитете, верховенстве республиканских законов над законами Союза. Растет число президентов. Не отстают в стремлении к

суверенитету и автономные республики, меняется их правовой статус. До экономики ли им, вкусившим власть?!

* * *

ноября. Сессия ВС СССР. С докладом «О положении в стране» выступает М. С. Горбачев. Форма доклада обычная: анализ трудностей в экономике, межнациональные отношения, торможение перестройки со стороны деструктивных сил. Опять отметил, что «идет настоящая политическая борьба за власть, которая носит явно конфронтационный характер. Открыто игнорируются законы, идет манипулирование общественным мнением, действуют по принципу «чем хуже, тем лучше». Опасно, что такая конфронтация развивается на сложном этапе принятия ответственных решений, имея в виду экономическую программу».

В докладе он впервые упомянул о том, что возникают политические течения «с коричневым оттенком», которые преследуют иные, свои цели». Вот кто первым навесил ярлык, трансформированный потом в «красно-коричневый».

Обсуждение доклада Горбачева проходило очень остро и нелицеприятно. Опять шел, я бы сказал, крен от экономики в политику. Ельцин заявил: «Терпение на пределе. Реформы откатываются назад». Мишенью нападок, правда, он взял не Президента, а Союзное правительство, которое-де «особенно консервативно, выходит из-под контроля Верховного Совета и Президента. Нужна реконструкция Центра». Выразил недоверие Правительству Н. И. Рыжкова, предложил образовать чрезвычайный антикризисный комитет из представителей союзных республик, который должен сформировать новую структуру исполнительной власти. Призвал Президента консолидировать политические силы страны, не держаться за Правительство, а опираться на республики.

На другой день, 17 ноября, на сессии выступил Н. И. Рыжков. Он заявил о том, что «страна ввергнута в политический и экономический кризис. Практически началось разрушение единой политической системы. Перестройка, как она задумывалась, захлебнулась. Хаос политический привел к хаосу экономическому. Надо отбросить политические амбиции во имя жизни страны».

Далее Н. И. Рыжков говорит, что «одни требуют развалить Центр, он, по их мнению, не нужен, другие требуют, наоборот, его усилить. Что стоит за этими противоречиями? Прежде всего, каким мы хотим видеть наше государство? Если единым, то есть

Союз, то Центр нужен. И именно поэтому, — подчеркнул он, — правительство подвергается жесточайшей критике, так как является препятствием на пути этих разрушительных устремлений». Такая деструктивная позиция может, говорит Н. И. Рыжков, привести к развалу государства.

19 ноября я зашел к А. И. Лукьянову. Состоялся откровенный разговор. Он говорит: «Знаешь, отношения Горбачева и Рыжкова обострились до крайности. Видимо, отставка Николая Ивановича Президентом предрешена. Я пытаюсь воздействовать на Горбачева, но безуспешно».

4 декабря. Совместное заседание Палат ВС СССР. «О внесении изменений в Конституцию СССР». Доклад М. С. Горбачева.

«Совет Федерации из совещательного органа превращается в важнейшее звено в системе органов государственной власти, наделенный широкими полномочиями. Президент СССР может передавать исполнение ряда своих обязанностей Совету Федерации. Союзная исполнительная власть сосредоточивается в руках Президента, которому подчинен Кабинет Министров, возглавляемый Премьер-министром. Кабинет ответствен перед Верховным Советом и Президентом. Создается Государственная инспекция, функция которой — обеспечить контроль над исполнением законов и Указов. Вице-президент, собственно, «правая рука» Президента. Он также обеспечивает руководство Госинспекцией. Совет безопасности берет на себя важные функции государства. Они будут определены Президентом и Советом Федерации.

Таким образом, в структурах управления отражены принципы Союзного договора, который сейчас обсуждается. Предлагаемая система государственного управления требует внесения изменений Конституции, а это право Съезда, поэтому в целях проведения оперативных действий прошу Верховный Совет одобрить мои предложения».

Депутаты долго держали Горбачева на трибуне. И это было объяснимо. Многих тогда беспокоили последствия спонтанно внесенных Президентом предложений. Хотя, в то же время, мы находились под воздействием необходимости перемен, каких-то действий, чтобы остановить кризисные явления в экономике. Новое политическое и государственное реформирование представлялось выходом.

В итоге решили одобрить предложения Президента.

Как показала жизнь, события сентября — декабря 1990 г. оказались серьезным просчетом и еще больше подтолкнули страну к государственной катастрофе.

* * *

17 декабря. Начинает работу Четвертый внеочередной Съезд народных депутатов СССР.

С докладом «О положении страны и мерах по преодолению сложной кризисной социально-экономической и политической ситуации» выступил Президент СССР М. С. Горбачев.

Мнения высказывались разные.

19 декабря выступил Н. И. Рыжков. По существу он подводил итоги не только работы Правительства в его нынешнем составе, но и самой перестройки. Следует привести здесь некоторые выдержки из его речи.

«Судьба правительства предрешена. Предстоит самая радикальная реформа исполнительной власти. Как член политического и государственного руководства страны несу ответственность и заявляю: перестройка в том виде, в каком она замышлялась, не удалась. Политические силы, развернувшие с мая этого года войну против Правительства, начали недавно воевать и с Президентом. Их главная цель: нанести удар по государству, по общественно-политическому строю и сломать его. Идет замена социалистической идеологии на другую. Как и в прошлые годы, мы не смогли в ходе экономической реформы добиться приоритета экономики перед идеологией и перед политикой».

Далее он продолжал: «Сегодняшний кризис экономики порожден не обострением внутренних противоречий в производственной сфере, а очевидным кризисом в области политики, идеологии и управления. Идеология сейчас еще более нависает над экономическими преобразованиями. Под флагом рынка разворачивается идеологическая война. От энтузиазма первых лет перестройки сейчас общество, в своем большинстве, пришло к неверию и скептицизму. Это во многом объясняется размытостью целей, тем, что созданы иллюзии о возможных быстрых благах для общества. Мы, по сути, не раскрыли модели будущего, не назвали социальную цену, которую придется платить за реализацию этой модели. Перестройка сломала устоявшиеся структуры. Взамен ничего действенного и эффективного не создано.

Это прямо отразилось на экономике. Сейчас нет ни планового хозяйства, ни рынка. Институт президентства не внес заметных изменений в институт власти. Вертикальные структуры исполнительной власти бездействуют. В этом корень основных бед не только в экономике, но и в сфере правопорядка, межнациональных отношений, в моральном состоянии общества.

Таковы кратко, на мой взгляд, причины срыва перестройки».

Затем Н. И. Рыжков высказал рекомендации о действиях на предстоящий период. Это было последнее его выступление в роли Председателя Правительства Союза ССР.

20 декабря, в четверг, на Четвертом съезде произошло неординарное событие. Выступил Э. А. Шеварднадзе и подал в отставку.

Думаю, это выступление не планировалось. Он попросил слова. Вышел на трибуну. Помолчал. Начал медленно, трагическим голосом: «Буду говорить так, как не говорил никогда в жизни. О вещах очень серьезных, может, кому-то и покажется, что не по теме». Затем, набирая темп, эмоционально, патетически продолжал: «Внешнеполитическая ситуация сложная, необходимы скоординированные совместные действия в этом направлении — законодательной и исполнительной власти. Чего, к сожалению, нет. Со стороны депутатов Верховного Совета высказываются сомнения, обвинения, устраиваются обструкции по отношению к МИДу и министру. Я не могу принять и мириться с этим. Обстановка в стране накалилась, демократы пассивны, отсиживаются, а ведь дело идет к активизации деструктивных, консервативных сил. Я хочу предостеречь о возможности установления диктатуры, не знаю — какая и откуда, но она грядет». Несколько слов признательности в адрес М. С. Горбачева. И… в итоге Шеварднадзе заявил, что «не может в такой ситуации исполнять ответственные обязанности министра иностранных дел, не хочет мириться с оскорбительными выпадами в свой адрес и подает в отставку».

Вот в общих чертах суть его выступления.

* * *

Меня поразили слова Эдуарда Амвросиевича. Это был открытый протест, выражение несогласия. С кем? По какому поводу? Оказалось, о своем намерении уйти в отставку он не уведомил Горбачева. И это заявление явилось неожиданным якобы для Президента. Я не поверил в полной мере в искренность его слов. Подумал, тут что-то не то. Не мог такой принципиальный и гибкий политик так внезапно уйти со сцены. Чем же он мог руководствоваться? Почему решил отойти в сторону от Горбачева, которого считал, и заявил об этом на съезде, своим большим другом? Правда, ходили слухи о каких-то трениях между ними в последнее время, Горбачев вроде ревниво относился к возрастающей популярности Шеварднадзе за

рубежом. В то же время были и предположения, что кандидатура мининдел может быть предложена на пост вице-президента. Насколько все эти разговоры были обоснованны — не знаю.

Но мое личное видение было иное. Видимо, московская ситуация уже не вписывалась в его дальнейшие планы. Он, конечно, любил Грузию, был привязан к ней. Происходившие в Грузии события требовали от него четкой позиции — с кем он. Поддержка нынешней линии, сохранение поста министра вольно или невольно отделяли его от родины, от тех серьезных изменений, которые происходили в республике. Там укреплялся режим «демократической диктатуры» Гамсахурдиа и его сторонников. Грузия все больше отдалялась от Союза. И Э. А. Шеварднадзе не смог побороть в себе национальных чувств, не мог представить себя вне Грузии. Более того, как мне представляется, опасался остаться за бортом происходивших там событий. И он впоследствии вернулся на родину, но организовал это возвращение ойень умно — его позвали. Как? Сначала Эдуард Амвросиевич сделал ряд спокойно-назидательных выступлений, интервью с намеками на несогласие с тем, что происходит в Грузии. Затем сказал о готовности, если потребуется, принять участие в стабилизации там обстановки. Призывал к благоразумию. Потом расширил свое влияние на определенные демократические круги. Заявил, что, если надо, он готов служить родине. А далее — прямое согласие возглавить оппозицию Гамсахурдиа. Получил приглашение и приехал в Грузию. Возглавил Комитет национального спасения, а затем стал и главою государства.

И, опять-таки, в эту выстроенную мною схему не укладывается одно: почему после августовских событий он вновь (буквально на 2–3 недели) принял предложение Горбачева о возвращении вместо Панкина на пост министра иностранных дел? Зачем ему это было нужно, он же не мог не понимать, что дни Горбачева сочтены. Не зря один из наших общих товарищей как-то сказал: «Мне кажется, что Эдуард Амвросиевич человек не с двойным, а даже с тройным дном».

* * *

Но вернемся к съезду. 21, 22 и 24 декабря на съезде продолжалось обсуждение концепции нового Союзного договора. Приняли уточненный проект постановления по этому вопросу.

Затем был прямо поставлен вопрос об отношении съезда к Союзу. Решили сохранить Союз ССР. Проголосовали название

государства — Союз Советских Социалистических Республик.

Приняли постановление о проведении 17 марта 1991 года всесоюзного референдума по вопросу о Союзе Советских Социалистических Республик.

Открыв 26 декабря заседание съезда, Горбачев сообщил: «Вчера у Н. И. Рыжкова был сердечный приступ. Диагноз врачей — инфаркт миокарда. Он госпитализирован. Состояние тяжелое». Решили направить телеграмму с пожеланием скорейшего выздоровления. Видимо, неимоверное напряжение последних месяцев сказалось на его моральном и физическом состоянии.

Н. И. Рыжков не вернулся к работе. Так к концу 1990 г. около М. С. Горбачева не осталось никого из состава Политбюро, с кем он начинал работу как Генеральный секретарь ЦК КПСС в марте 1985 года.

На Съезде Горбачев информировал о ходе подготовки экономического соглашения республик на 1991 год. Накануне было совещание с руководителями союзных республик. Основные вопросы: продовольствие, снабжение, сохранение госзаказа на часть продукции, поставки в союзные и межреспубликанский фонды.

Два дня шли отчаянные дебаты вокруг этого экономического соглашения. Выявились существенные разногласия в подходе к топливно-энергетическим проблемам, к поставкам по взаимным договорам продовольствия, системе ценообразования и валютно-финансовой политике, не договорились о создании специального союзного фонда финансовой стабилизации. Не было достигнуто соглашения о распределении доходов между республиками. Основной тормоз — непримиримая позиция РСФСР. Ее Верховный Совет решил все доходы на территории республики оставлять себе, не отчисляя в Союз ничего. Как видим, позиции республик по отношению к Центру все более ужесточались…

Избрали Г. И. Янаева вице-президентом. На съезде прошла ротация, я вновь был избран в состав Верховного Совета СССР.

На этом работа Четвертого внеочередного Съезда народных депутатов СССР завершилась. Заканчивался и 1990 год.

1991 г. Россия выходит из СССР. Советский союз разрушен

14 января. Понедельник. Заседание палат Верховного Совета СССР.

Заслушали информацию Б. К. Пуго и Д. Т. Язова о событиях в Литве.

«В Вильнюсе в связи с повышением в 3–4 раза цен на продукты и промтовары состоялись многотысячные демонстрации на площади у Верховного Совета. Произошли стычки с охраной. Руководством республики было принято решение приостановить повышение цен. Правительство К. Прунскене ушло в отставку. Однако эти меры не успокоили людей. 9 и 10 января у здания Верховного Совета проходили митинги. Одни требуют защиты законного правительства, другие — выполнения Конституции СССР. Обращение президента М. С. Горбачева успеха не имело. 11 января представители предприятий, более 60 тысяч человек, пикетировали здание Верховного Совета, требуя роспуска парламента. Начались забастовки на ряде предприятий. В этот день был организован Комитет национального спасения Литвы. Были взяты под охрану внутренних войск Дом печати и другие здания ЦК КП Литвы.

Республиканское радио и телевидение нагнетали обстановку, распространяли клеветнические измышления антисоветского и антирусского характера. 12 января Комитет национального спасения направил своих представителей (100 человек) в Верховный Совет с требованием о прекращении антисоветской клеветы. Охрана их жестоко избила. Комитет национального спасения обратился за помощью к коменданту Вильнюсского гарнизона Советской Армии. Отдан приказ направить воинский контингент. Со стороны «Саюдиса» началась стрельба — был убит один военнослужащий, гранатой ранен другой. После этого воинское формирование открыло стрельбу вверх, а потом на поражение.

Здания радио и телевидения были заняты войсками. Есть жертвы. В ходе проведенных мероприятий изъято 70 единиц огнестрельного оружия, пистолеты, патроны. Обнаружены списки советских активистов, коммунистов, офицеров Советской Армии, КГБ, МВД с адресами проживания и инструкциями по их захвату и ликвидации. В соответствии с решением Комитета национального спасения в Вильнюсе и Каунасе введено чрезвычайное положение и комендантский час.

События в Литве неоднозначно восприняты в стране. В Москве, Ленинграде, Тбилиси, Минске, Киеве были митинги-протесты. Сейчас в Вильнюсе находится комиссия Верховного Совета».

Вот таково было сообщение Б. К. Пуго.

Затем выступил Д. Т. Язов: «Решительно отвергаю попытки увязать возникновение кризисной ситуации в Литве с действиями органов военного управления, воинских подразделений. Такая версия навязывается общественному мнению некоторыми политическими деятелями и средствами массовой информации. Главная причина кризиса — политика руководства Литвы, антиконституционные акты которых привели к массовому нарушению прав и свобод граждан. Последовал взрыв массового недовольства населения. Фактически власти потеряли контроль над ситуацией. Комитет национального спасения обратился к начальнику гарнизона с просьбой принять меры для поддержания порядка. Что и было предпринято».

Депутатов не удовлетворили объяснения. Приняли решение прения прекратить до прибытия из Литвы представителей Верховного Совета.

На сессии возникли различного рода толки. Якобы в воскресенье, 13 января, в Таллине появился Б. Ельцин. Встречался с руководством трех республик. Провел пресс-конференцию. Выступил с резким осуждением действий Центра, потребовал от Министерства обороны формирования армии РСФСР и т. п.

В перерыве встретил в коридоре Горбачева. Он поздоровался. Сразу же высказал возмущение действиями Ельцина. Спросил, какого я мнения о В. С. Павлове. Смог только ответить, что ценю его как крупного финансиста. Горбачев кивнул и отошел.

На вечернем заседании рассмотрели предложения Президента по составу кабинета министров. Горбачев предложил на пост премьер-министра В. С. Павлова. Верховный Совет утвердил это назначение. Спросили о Н. И. Рыжкове. Горбачев ответил, что «имел с ним беседу, дело идет на поправку». Подчеркнул, что «советовался с Николаем Ивановичем о кандидатуре В. С. Павлова. Тот поддержал».

Затем В. С. Павлов согласовал назначение на посты заместителей премьер-министра В. Догужиева, В. Величко, Ю. Маслюкова и В. Лаверова.

* * *

16 января. Принято постановление Верховного Совета СССР о

проведении 17 марта 1991 года референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик.

18 февраля. Начала работу V сессия Верховного Совета СССР.

На совместном заседании палат ВС с сообщением «О мероприятиях по стабилизации потребительского рынка, проведении ценовой политики и обеспечении социальной защищенности населения» выступил В. С. Павлов.

Он изложил конкретную программу реформы ценообразования в стране, и в первую очередь розничных цен и оплаты труда в народном хозяйстве.

«Устанавливаются для всей страны единые пределы повышения государственных розничных цен на основные продовольственные и непродовольственные товары, определяющие жизненный уровень населения. Общий уровень розничных цен повысится примерно на 60 процентов. При этом на ряд товаров, по нашему мнению, государство само должно устанавливать твердые прейскурантные цены и контролировать их рост. Причем республики, учитывая национальные, религиозные особенности, могут устанавливать цены на некоторые из этих товаров и ниже определенного Центром уровня.

Не повышать действующие сегодня государственные розничные цены на медикаменты и изделия медицинского назначения, на кофе, ткани из синтетического волокна, изделия из них, на изготовленную из синтетических материалов обувь, меховые, трикотажные изделия, на бензин, керосин, электроэнергию, газ, уголь, а также на водку.

Сократить государственную дотацию на мясную, молочную, рыбную продукцию, медикаменты и некоторые другие товары. В то же время расширить круг товаров, которые реализуются населению по договорным (свободным) и регулируемым рыночным ценам.

Принципиально важно, что реформа на этом этапе увязывалась, прежде всего, с проблемой заработной платы и социальной защитой населения, с упреждающим проведением компенсационных мероприятий. Устанавливаются дифференцированные по группам населения размеры компенсационных выплат. Намечено повышение зарплаты и тарифов (не менее 60 рублей в месяц) с одновременным снижением налогов на прибыль предприятий. Разработаны меры по защите сбережений граждан.

Все наши расчеты исходят из того, что мы будем компенсировать порядка 85 % повышения розничных цен».

19 февраля началось обсуждение.

Были и противники политики пересмотра и реформы розничных цен. Но большинство депутатов поддержали реформу.

Подводя итоги обсуждения в Верховном Совете предложений Правительства о реформе ценообразования, следует сказать следующее. Необходимость решения этой проблемы была высказана давно. Еще, по-моему, в апреле 1987 года. Инициаторами ее комплексного проведения были Председатель Совмина Н. И. Рыжков и председатель Госкомцен В. С. Павлов. Но в то время, на волне определенного экономического подъема, происходившего в стране, казалось, что это преждевременно. Надо закрепить и развить успех, повысить уровень жизни народа, а реформа цен вызовет негативные оценки самой перестройки. Давайте повременим. Подтянем дела, и тогда эти непопулярные меры пройдут спокойнее.

Жизнь опровергла эти прогнозы. Уже в 1988-м, а затем в 1989 году и последующих годах обстановка в стране не только не улучшалась, а стала резко ухудшаться. Но проблема оставалась, и оттягивать дальше ее решение уже было нельзя. Вот такова история вопроса.

* * *

Вечером 19 февраля по Центральному телевидению выступил Б. Н. Ельцин. Выступление было резко критическим.

Он отмежевался от мер, касающихся ценовой политики, предложенных Правительством, Верховным Советом и Президентом. Заявил, что «Горбачев обманул народ, он должен уйти в отставку. Я виноват в том, что доверился ему. России надо сделать свой выбор. Я со своих позиций не сойду. Павловское повышение цен, намеченное со 2 апреля, — это бремя на плечи народа». По существу это был открытый вызов Горбачеву.

Все ожидали реакции Президента. Сначала он вроде бы возмутился, предпринял ряд ответных шагов. В частности, выступая 26 февраля в Минске, пытался отстаивать свои позиции, впервые упомянул о том, что «в стране сложилась и агрессивно действует политическая оппозиция». Но пошел, как и раньше, на компромисс, а затем на прямые уступки.

В стране вновь накалялась политическая атмосфера. Пресса давала разоблачительные материалы. Одна статья опровергала другую. Люди, сбитые с толку разноречивой информацией, примыкали то к одной политической группе, то к другой. Шли митинги, нагнетались страсти вокруг апрельской (1991 г.) реформы цен.

26 февраля имел встречу с А. И. Лукьяновым.

Спросил, что происходит? В стране вакуум власти, неразбериха.

Он говорит: «Радикально настроенное окружение сбивает Горбачева на ускоренный перевод экономики на рыночные отношения. Никаких этапов, предусмотренных программой Правительства. Горбачев колеблется, то в одну, то в другую сторону. Провозглашает на словах поддержку Правительства, а на деле — клонится в сторону рыночников. Нужны решительные действия по проведению комплексной экономической реформы, принятой Верховным Советом и Съездом.

Затягивается обсуждение проекта Союзного договора. Бесконечные заседания представителей союзных республик не дают эффекта. Идет топтание на месте. Я неоднократно говорил на эту тему с Горбачевым, но он медлит».

7 ушрта. Заседание палат Верховного Совета.

Горбачев информирует сессию о состоявшемся вчера заседании Совета Федерации, а накануне было заседание Кабинета министров, формирование которого, наконец, завершилось.

«Рассматривали проект Союзного договора, который был подготовлен полномочными представителями республик (не всех, большинства). Представители других республик являлись наблюдателями или экспертами (сколько же всего участвовало республик в разработке проекта — не сказал). Главная идея — серьезное реформирование нашего союзного государства при сохранении его как федерации. В то же время делегирование многих полномочий республикам (имеется в виду — и союзные, и автономные). По многим вопросам были альтернативные предложения. Большинство удалось согласовать, но остались и несогласованные вопросы. Возникли разные подходы к формированию Верхней палаты (равное представительство от каждой республики) и Нижней (исходя из численности населения). Были дискуссии о механизме принятия решений (консенсус, право вето, две трети или простое большинство).

Решили в итоге — принять проект за основу, разослать Верховным Советам республик и опубликовать в печати. Имеется в виду, что Верховные Советы республик, рассматривая их, учтут различные варианты. Я считаю, что мы имели большое продвижение вперед, по сравнению с тем, что обсуждалось ранее».

Говорил он длинно, витиевато, подбирая слова и обороты, не раскрыл позиции отдельных республик, содержание многих разногласий. Обошел стороной роль и место Верховного Совета

СССР в подготовке и заключении Договора, отметив лишь конструктивную позицию Верховного Совета «на всех стадиях продвижения к этому документу». Ни разу не высказался о сути общественно-политического строя государства, намечаемого проектом Договора, и т. п. Вообще туману он напустил много.

В выступлении на сессии Горбачев поставил перед Верховным Советом вопрос о формировании Совета Безопасности:

«Этот орган должен действовать повседневно и практически решать вопросы, которые поддерживали бы должным образом нашу безопасность, и с точки зрения обороны, и с точки зрения экономики, экологии, и с точки зрения стабильности. А значит, и рассматривать межнациональные конфликты». Предложения приняли.

Затем он перешел к персональному составу. Сессия согласилась с назначением: В. В. Бакатина, А. А. Бессмертных, В. А. Крючкова, В. С. Павлова, Е. М. Примакова, Б. К. Луго. Г. И. Янаева. Отклонила — В. И. Болдина.

* * *

9 марта. В этот день в Доме кино состоялась встреча Б. Н. Ельцина с «представителями демократических сил России». Так было названо то собрание. Его речь была еще более грубой и непримиримой по отношению к руководству страны, чем обычно. Он потребовал смены руководства Советов, изменения их функций. Был несдержан в словах и оценках. Возмущенный «заявлением шести» (его заместителей и председателей палат ВС РСФСР), оскорбительно назвал их «предателями», «врагами». Неуважительно говорил о Союзе и т. п.

Аудитория приняла его выступление на «ура». (Запись выступления была в перерыве прокручена в Верховном Совете СССР и возмутила депутатов.)

Борис Ельцин собрал свою «демократическую рать» не только в связи с речью Горбачева. Его потрясло открытое, прямое выступление в «собственном» Верховном Совете близких по положению депутатов — заместителей и руководителей палат ВС — С. Горячевой, Б. Исаева, В. Исакова, Р. Абдулатипова, И. Вишнякова и В. Сыроватко с резкой критикой его политики и требованием отставки.

21 февраля на сессии ВС РСФСР от имени этой группы С. Горячева зачитала политическое Заявление, в котором Б. Ельцина обвиняли в том, что он проводит политику развала, разрушения государства. Использует шантаж, демагогию,

популистские обещания народу скорых благ. Действует грубо, методом ультиматумов и угроз. Что он не может поэтому быть руководителем Российской Федерации и должен уйти в отставку. Возмущению Ельцина и его «демократической» когорты на сессии ВС РСФСР не было предела — «как они посмели, это заговор, нож в спину, враги, предатели» и т. п.

Действительно, это был смелый, мужественный шаг группы «шести», и особенно С. П. Горячевой, инициатора коллективного выступления. Уже тогда, в начале ельцинской карьеры, она распознала в нем честолюбивого, жестокого человека, неуемно агрессивного политика, способного ради личной славы и власти на любые действия, даже во вред собственной стране.

Вот и теперь, выступая в Доме кино, Ельцин с негодованием клеймил «шестерку», угрожая, что будет бороться «даже с женщинами».

Вечером, после прослушивания речи Ельцина в ВС СССР, в программе «Время» на ЦТ, А. И. Лукьянов дал короткое интервью с принципиальной оценкой этой акции, «как стремления накалить обстановку в обществе, вызвать конфронтацию, возбудить народ против законно избранных органов власти».

Этим дело и ограничилось.

* * *

17 марта прошел всесоюзный референдум. За сохранение СССР в формулировке Четвертого съезда народных депутатов проголосовало около 74 % участвовавших в голосовании. Таким образом, народ одобрил сохранение Союза ССР. Это вселило определенную надежду и успокоенность. Однако дальнейшие события разворачивались сложнее, шли по иному сценарию. В РСФСР голосовали и за введение поста Президента РСФСР, а в Москве также и мэра. В России поддержали эти структуры власти.

19 марта на сессии ВС заслушали доклад В. С. Павлова «О реформе розничных цен и социальной защите населения». Принято решение — срок проведения 2 апреля 1991 года. Компенсации — с 20 марта 1991 г. Предусматривается 4 вида цен (государственные фиксированные, государственные регулируемые, свободные и не меняющиеся).

28 марта начал работу Третий внеочередной съезд народных депутатов РСФСР. Съезд созван в связи с тем, что якобы «нарастает противостояние консерваторов демократическому процессу». В стране кризисная обстановка — забастовки шахтеров. Меры Правительства по реформе цен, позиции

Президента СССР и Верховного Совета воспринимаются как попытка наступления на демократический ВС РСФСР. Этот накал подогревается прессой, митингами в ряде городов России.

С первых минут на съезде от микрофонов пошли требования об отмене решения Президента СССР о запрещении забастовок до 15 апреля. По этому поводу зачитывается обращение 220 депутатов к Президенту. Решение съезда принимается. Поручают Р. Хасбулатову довести мнение съезда до Президента. Он уходит.

Идет обсуждение повестки дня.

Вскоре Р. Хасбулатов возвращается и информирует, что Президент «выражает свое уважение к съезду, но не отменяет свое решение». На съезде поднимается невообразимое возмущение, шум. Требования: прервать съезд, перенести его в Ленинград, поручить МВД взять съезд под охрану, так как могут быть провокации и т. п. Решили: прервать заседание до 29 марта.

Вечером в Москве проходит многотысячный митинг под лозунгами антипартийными, антиправительственными, против Президента, в поддержку шахтеров, демократической реформы и т. д.

На следующий день, 29 марта, съезд «входит в рамки».

Утверждается повестка дня: О политической и социально-экономической ситуации в РСФСР и мерах выхода из кризиса.

Жесткий обличительный доклад Б. Н. Ельцина, его призывы к единению демократических сил, требования дополнительных полномочий вновь накаляют обстановку на съезде.

Съезд шумит, качается, крики — «нам никто не указ», «что там Верховный Совет Союза и Президент…». В общем — упоение властью.

Особенно сильно разгорелись страсти, когда вспомнили о недавнем выступлении заместителя Председателя ВС РСФСР С. П. Горячевой. Она, как было сказано выше, от имени шести депутатов обратилась на сессии ВС с заявлением, в котором выражалось недоверие Ельцину и требование о его отставке.

Многие депутаты из «ДемРоссии» буквально взрывали съезд. На пресловутую «шестерку» вновь обрушились потоки брани, оскорблений. Попытки Горячевой, других членов этой группы объяснить, обосновать свои позиции встречались криком, скандированием. Им просто не давали говорить. Наша краснодарская делегация расположена рядом с ленинградской. Некоторые ее депутаты ведут себя непристойно — орут, свистят, топают ногами, оскорбляют тех, кто пытается призвать съезд к нормальной работе.

* * *

Эта обстановка меня буквально потрясла. Зачем я здесь? Что я могу и должен делать?

Утром 30 марта приехал на съезд пораньше и, пользуясь хорошей солнечной погодой, решил немного погулять по территории Кремля. На одной из аллей мне навстречу Б. Н. Ельцин в сопровождении охраны. Остановился. Доброжелательно: «Прогулка?» — «Да, — говорю, — прогулка перед тяжкой работой. Отхожу от вчерашней драчки». Он не отреагировал: «Как настроение, как дела?» — «Да так, нормально…» — «Что случилось?» — «Нет, ничего (не стану же я излагать ему здесь свое мнение о съезде, вернее его сподвижниках на съезде, оголтело охаивающих и отвергающих все, что не отвечает «демократизации» страны), я напишу тебе письмо. Видимо, не смогу больше совмещать работу в Верховном Совете Союза и быть народным депутатом РСФСР. Зачем занимать два стула? Да и к чему мне, Борис, светиться «на таком съезде».

Он вроде бы удивился, ответил: «Ну, что ж, смотри».

Через несколько дней я передал Б. Н. Ельцину письмо, где слагал полномочия народного депутата РСФСР. (Официальное решение по моему заявлению было принято ВС значительно позже.)

А на съезде продолжалось обсуждение доклада Ельцина. Постепенно в речах некоторых депутатов стали звучать веские слова критики в адрес российского руководства за серьезные провалы в экономике, ослабление внимания к местным делам, неправомерную попытку свалить всю вину за имеющиеся недостатки на Центр. Но с трибуны съезда продолжались выступления демагогического, провокационного толка. Так что съезд по-прежнему лихорадило.

Вопрос о введении поста Президента РСФСР решили перенести на следующий съезд народных депутатов.

4 апреля Ельцин выступил с заявлением. Характеризуя обстановку в стране как обострение отношения Центра и республик, он внес предложение о перераспределении полномочий высших органов власти СССР и РСФСР. Предлагает поручить Верховному Совету РСФСР и его Председателю осуществить чрезвычайные меры. То есть дать ему дополнительные полномочия. Предоставить право ВС издавать распоряжения, принимать законы и постановления, вводить чрезвычайное положение и т. д.

Депутатам раздали проект постановления. Реакция съезда неоднозначная. Создали согласительную комиссию. После некоторой доработки такое беспрецедентное решение съезд все-

таки принял.

В итоге Третий съезд народных депутатов РСФСР не только не ослабил, но даже усилил противостояние высших органов законодательной и исполнительной власти России Центру. Чем можно объяснить позицию руководства РСФСР, когда в ходе подготовки Союзного договора вместо выработки новых форм связи Центра с республиками, вместо открытой, спокойной работы над этим проектом искусственно нагнеталось неуважение, недоверие, обострялись отношения? По-моему, это был продуманный метод силового нажима на Центр. Высшие органы власти СССР, в первую очередь Президент, это следует подчеркнуть, не только не предприняли действенных мер для ограничения провокационных устремлений Ельцина, да и лидеров других республик, а, более того, способствовали ослаблению государственных структур Союза. Это станет явственно видно через два-три месяца.

* * *

26 апреля. Совместное заседание палат Верховного Совета.

М. С. Горбачев информировал об итогах официального визита в Японию и Республику Корея.

Затем по запросу депутатов речь пошла о его встрече 23 апреля в Ново-Огареве с руководством девяти союзных республик (РСФСР, Украина, Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан), как потом ее назвали — встреча «9 + 1».

Что рассказал Горбачев? «Встреча была организована по просьбе руководителей тех республик, где состоялся мартовский референдум о сохранении Союза. Проговорили 10–12 часов. Причем напрямую, откровенно, без подготовленных текстов.

В центре оказались вопросы Союзного договора. Как предстоит работать с Союзным договором? Ключевые вопросы, которые обсуждались: что будет, федерация или конфедерация? Далее — единый общесоюзный рынок. И связанные с ним факторы: финансы, ценовая политика, таможня, банки, налоги. Спор был об одноканальной или трехканальной системе налогов. Опытом большинства государств доказано: нужна трехканальная система. Если распределяются ответственность и полномочия, то перераспределяются и финансы.

Стоял вопрос о взаимоотношениях Российской Федерации, автономий и Союза. Это большой вопрос. Главное — должен быть баланс. «Российский фактор», роль России — это объективная

реальность, и об этом надо помнить. Разрушая ее, разрушаем Союз. Но нельзя допустить двух стандартов: один для России как федерации, другой — для союзного государства как федерации. Конечно, есть, так сказать нюансы». (Какие? Он, верный тактике недомолвок, не уточнил.)

«Вообще разговор был интересный, полезный. Договорились двигаться в этом направлении. Затем последует процесс подписания, далее — работа над Конституцией, формирование всей структуры органов в нашем обновленном государстве».

Так закончил свою информацию М. С. Горбачев.

Анализируя высказывания Горбачева, сопоставляя его слова и намерения с фактической ситуацией того времени в стране, в отношениях между республиками и Союзом, между государственными и политическими лидерами, вспоминая последующий поворот событий, невольно думаешь, как оценить, как охарактеризовать его позицию. Верил ли он сам в то, о чем с такой убежденностью говорил? Были ли какие основания для такой самоуверенности? Что это — наивность или лукавство, стремление показать, что он владеет обстановкой, держит ситуацию в руках? Или прямой, неприкрытый обман? Ведь уже вместо 15 стало сначала 12, теперь 9 республик, потом (к августу) оставалось б (а, может, лишь всего 5), которые вроде были готовы подписать 20 августа Договор. Кроме того, трансформировалась, изменилась сама идея, суть Договора. Речь пошла уже не о Союзном договоре, а о договоре о Союзе, то есть о конфедерации и даже о содружестве… И он, лидер государства, все это время петлял, путал, а, в сущности обманывал Верховный Совет и, главное, весь советский народ!

21 мая. На заседании Верховного Совета депутаты заслушали информацию Таразевича о том, как идет обсуждение проекта нового Союзного договора в союзных республиках и в комитетах и комиссиях ВС. Возникло много замечаний и предложений. Он заявил, что в работе Подготовительной комиссии якобы примут участие и представители Верховного Совета Союза. Поэтому не стоит втягиваться в дискуссию.

Однако у депутатов возникли вопросы, началось обсуждение. Почему соглашением «9 + 1» в проекте изменено название государства — СССР на ССГ (Союз Суверенных Государств)? В проекте не определено, какой общественно-политической ориентации будет Союз? Что станет с республиками, которые не подпишут Договор? Нужен договор народов, а не территорий. Почему предусматривается верховенство Договора над Конституцией? Кто вообще торопит и зачем надо принимать Договор? Были явно недовольны второстепенной ролью

Верховного Совета в формировании этого важного для страны документа.

Дальнейшие события показали, что эти опасения были обоснованны.

24 мая, в Ново-Огареве собрались члены Совета Федерации, руководители автономных республик, А. И. Лукьянов и В. С. Павлов.

На заседании решили: обсудить название нового Договора, состав субъектов, подписывающих документы, принцип формирования нового Союза, устройство его высших органов, налоговую систему и вопросы собственности.

Ельцин считает, что «максимум полномочий надо делегировать на места. Центр должен быть таким, каким захотят его видеть республики. Налог одноканальный, а республики сами перечисляют Центру необходимую (?!) сумму».

Позицию Ельцина по финансовой политике поддержала Украина. Кроме того, Украина, Киргизия и некоторые другие республики также отстаивали идею «Содружества», то есть конфедерации. Руководители многих автономий считают, что они должны подписать документы Договора как «суверенные государства».

Подобные заявления на первом же заседании государственных и партийных деятелей высшего уровня до предела накалили обстановку. Горбачев решил прервать работу, еще «подумать» над проектом и обсудить Договор на следующем заседании.

27 мая А. И. Лукьянов информировал сессию ВС, что на прошедшем три дня назад заседании он доложил мнение палат ВС о проекте Союзного договора, изложив все замечания, о которых шла речь 21 мая. Не раскрывая детали разногласий, проявившихся между Президентом и руководителями ряда республик, Лукьянов постарался несколько смягчить ситуацию. Выразил надежду, что «проект Договора будет, по сути, приближен (?!) к результатам референдума 17 марта. Что субъекты Союза — республики и представитель ВС СССР получат квоты для участия в разработке и подписании Договора». Подчеркнул, что «при разграничении полномочий Союза и республик за Союзом будут сохранены энергетический комплекс, связь, оборонная промышленность и транспорт». У депутатов возникли вопросы, возражения. Анатолий Иванович как мог успокаивал депутатов.

4 июня на сессии Верховного Совета А. И. Лукьянов информировал об итогах следующего заседания, состоявшегося на днях в Ново-Огареве:

«После двухдневных дебатов договорились о разграничении полномочий Союза и республик, по некоторым частностям. Но по принципиальным вопросам согласия нет: наименование документа — «Союзный договор» или «Договор о Союзе суверенных государств». Большинство республик за второй вариант; также и о наименовании страны — ССГ. Дебаты вокруг налоговых сборов: двухканального варианта (Союзу и республике) и одноканального — республике, за что ратует РСФСР».

12 июня. Выборы. Президентом Российской Федерации становится Б. Н. Ельцин. Демократическое движение в России шумно праздновало победу. Претенденты: Рыжков, Бакатин, Тулеев, Макашов, Жириновский оказались за бортом.

* * *

17 июня. Важное заседание Верховного Совета СССР. (Горбачев отсутствовал.).

По требованию депутатов В. С. Павлов докладывает «О социально-экономическом и политическом положении в стране».

Он говорит: «Деятельность Правительства осложняется тем, что в обществе нет гражданского согласия, политической стабильности, углубляются межнациональные конфликты. Ряд политических сил ставит цель ухудшить экономическое состояние. Начавшийся после 1988 года спад промышленного производства продолжается. Значительно сократилась добыча нефти, угля, производство металла. На 8 млн. гектаров уменьшились площади под зерновые культуры. Снижается поголовье скота и птицы, продажа государству продуктов сельского хозяйства.

Дестабилизирован потребительский рынок. Республиками принимаются решения в нарушение союзных законов. Даются необоснованные обещания, гарантии, неоправданно растет зарплата, снижается выпуск товаров. За 5 месяцев т.г. союзный бюджет недополучил 39 млрд. рублей.

Назрела реформа труда, его оплаты. Неоправданно снижается внимание к социальным объектам: строительству жилья, больниц, школ.

Ожидаемый эффект от конверсии оборонных предприятий не получен. Более того, требуются дополнительные затраты на реконструкцию и организацию нового производства. Внешнеторговый оборот сокращен на одну треть. Деловой престиж нашего государства падает. Бартерные сделки — прячут

выручку за рубежом».

Затем В. С. Павлов обратился к Верховному Совету с просьбой предоставить Правительству дополнительные полномочия: «Я не могу по каждому вопросу бегать к Президенту за решением. Кабинет министров должен иметь право самостоятельно решать оперативные вопросы и нести за это ответственность».

По требованию депутатов выступают Язов, Крючков, Пуго.

Д. Т. Язов говорит о проблемах, связанных с выводом наших войск из Венгрии, Чехословакии и Германии и размещением их в Союзе: «В ряде республик: Прибалтика, Армения, Грузия — идет открытый саботаж призыва в армию. Нагнетается негативное отношение к армии, разрушаются памятники Великой Отечественной войны. Верховный Совет должен сказать свое слово. При такой ситуации, когда командуют все республики, армии не будет».

В. А. Крючков: «Отечество на грани катастрофы. Мы об этом пишем Президенту. Если не удастся остановить разрушительных процессов, то наши самые худшие предположения могут оправдаться. Проводится глобальная линия на изменение общественно-политического строя, на развал Союза. В ряде регионов обостряются террор и насилие. Внушается мысль о том, что развал государства — это благо. Средства массовой информации в руках антисоветских, антиконституционных сил. Всему есть предел, надо употребить власть.

Наряду с внутренними силами действуют и внешние. Мы располагаем документами, что в 1979 г. разработаны планы ЦРУ о разложении советского общества, подрыва экономики, создания агентуры в Советском Союзе в системе управления, науки, в том числе преподавании методов управления и т. п. С нами сейчас говорят как с второсортной державой. Обещания всяческих кредитов 200–150 млрд. — это наивные сказки, в которые нельзя верить. Поверив туманным обещаниям, мы значительно сократили расходы на оборону, пошли на уступки в Прибалтике. Наша страна может спасти себя только сама.

Недружественные тенденции в сопредельных странах усиливаются. Они считают, что развал страны предрешен. Обостряется обстановка на границе.

Мы постоянно даем Президенту подробную и своевременную информацию по всем вопросам. Без действий чрезвычайного характера сейчас уже не обойтись. От вашей мудрости зависит — быть или не быть нашей державе. Сейчас все должно быть подчинено сохранению Союза».

Коротко выступил Б. К. Пуго. Охарактеризовал обстановку в стране как чрезвычайно серьезную: «Распространяется

организованная преступность. В республиках не выполняются союзные законы, указы Президента. Идет состязание лидеров суверенных республик, кто вольнее и смелее».

Такими глубоко озабоченными, тревожными, даже трагичными по своему содержанию прогнозами поделились с Верховным Советом СССР — председатель Правительства, руководитель КГБ, министры обороны и внутренних дел.

Это было практически за два месяца до известных августовских событий. Анализируя сейчас их выступления и реакцию депутатов Верховного Совета, я вспоминаю, что эти слова, обоснованная тревога задели нас, заставили задуматься. Но, честно говоря, многие депутаты, в том числе и я, хотя и доверял этим опытным и уважаемым людям, однако предполагали, что они все-таки сгущают краски. Не может, не должно дойти дело до развала Союза, что-то предохранит наше великое государство. Неужели не хватит мудрости, силы, патриотизма, наконец, у руководства страны и республик, чтобы не допустить этого краха, этой катастрофы.

Обсуждения докладов в этот день не было. Оно состоялось 18 июня. Депутаты потребовали — заслушать Президента. Как он среагирует, как оценит обстановку. Но Горбачева в Москве не было — он улетел в Лондон. (?!)

* * *

21 июня. На сессию Верховного Совета СССР пришел М. С. Горбачев.

Депутатам роздан проект постановления Верховного Совета:

«О социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране».

Слово берет Горбачев: «По требованию Верховного Совета премьер-министр доложил обстановку в стране. Ситуация действительно сложная, но Кабинет действует. Идет поиск форм работы в новых экономических условиях функционирования республик (рост их правового статуса). Никакого кризиса в отношениях Президента и премьера нет. Это нормальный процесс. Я вижу поддержку Кабинета и комитетов ВС — давайте действовать. Здесь появилось предложение Павлова о дополнительных полномочиях. Я говорил с премьером, он поторопился, не очень подумал. Условились — в этом нет никакой необходимости. Есть силы, которые дестабилизируют обстановку в стране. Эти силы есть как в обществе, так и на Пленуме ЦК и в Верховном Совете. Это депутаты Алкснис, Блохин

и другие. Нужно придерживаться реальностей, укреплять отношения с республиками. Нельзя накалять страсти вокруг отношений Президента и Верховного Совета, Президента и премьер-министра».

Он еще что-то продолжал говорить о печати, ужесточении закона и т. п., но его уже не слушали. Обстановка в зале по мере его выступления накалялась. Нарастал шум, раздавались хлопки. Стали бросать реплики, перебивать, возмущаться. Потом посыпались вопросы. Он отвечал резко, нервно.

Горбачев отмел обвинения в том, что «его политика делается в США», заявив — «не могу категорически с этим согласиться. Буду проводить ту внешнюю политику, которую начали при перестройке».

Павлов и другие члены Правительства проглотили пилюлю Президента. Никто из них не возразил, не возмутился. Приняли постановление по обсуждаемому вопросу. Дополнительных полномочий, права законодательной инициативы премьер-министру не дали.

Ситуация сложилась парадоксальная. Депутаты недоумевали, что происходит. Накануне премьер-министр и трое «силовых» министров как будто убедили их в необходимости принятия мер по защите Закона, Конституции, правопорядка в стране. Доходчиво раскрыли серьезные провалы в социально-экономическом положении страны, выразили обеспокоенность общественно-политической ситуацией в государстве. Призывали Верховный Совет к адекватным действиям. И вот на сессии выступил Президент, отмел доводы и тревоги Правительства, обвинил часть депутатов в предвзятости, попытках дестабилизировать обстановку в стране и т. п. В то же время заявил, что между ним и премьер-министром полное согласие. Что все идет нормально, обычный процесс, новые условия, новые реальности… их надо учитывать.

Что же произошло? Вероятно, Горбачев имел с ними разговор и убедил, или напугал, или доказал им, что владеет ситуацией и не надо ему мешать, он знает, что и как надобно делать, чтоб вывести страну из кризисной ситуации. Это, конечно, мои домыслы. Но что-то в этом духе, видимо, было. Нейтральную позицию занял и наш спикер — А. И. Лукьянов. В очередной раз уверовал в недюжинные способности Президента.

* * *

Я уходил с сессии Верховного Совета потрясенный. Как же

удалось Горбачеву обломать или убедить своих министров? Если они поверили Президенту, а раз так, то, возможно, и мы, депутаты, были неправы, так резко и возмущенно наваливаясь на главу государства. Ведь не может же, в самом деле, Горбачев желать развала страны? Значит, есть у него какой-то план действий, чтобы выйти из кризисной ситуации. Так я рассуждал.

И одновременно меня поразил грубый окрик, обвинения, брошенные Горбачевым в адрес ряда депутатов-«консерваторов», да и членов ЦК, которые-де пытаются дестабилизировать обстановку. Какие для этого основания? Неужели он не видит разрушительности действий «радикал-демократов», а все больше смыкается с ними в оценке экономических и общественно-политических процессов, идущих в стране? Правда, он почему-то вспылил в адрес средств массовой информации. Но вовремя спохватился и умолк.

Так Горбачев в очередной раз подтвердил, что он придерживается радикальных экономических и политических реформ, отбросив регулируемый, поэтапный переход к рыночным отношениям. Такая позиция еще более ослабляла объединяющую роль Союза в проводимых преобразованиях экономического и политического толка.

Упования, надежды, что вот, мол, скоро заключим Союзный договор, тогда все станет на место, были по меньшей мере наивны.

Однако настрой депутатов Верховного Совета, их обеспокоенность социально-экономической и общественно-политической обстановкой в стране, критическое отношение к ново-огаревскому процессу подготовки проекта Союзного договора не остались незамеченными. Они, конечно, всколыхнули общественное мнение.

Горбачев и его окружение, особенно с учетом того, как бурно прошел апрельский Пленум ЦК КПСС, увидели в этой ситуации наступление консервативных сил. Думаю, что тогда и родилась у него идея о возможности введения чрезвычайного положения, чтобы еще более упрочить президентскую власть, опираясь на республики…

Своеобразным ответом на позицию Верховного Совета и на то, что произошло на апрельском Пленуме ЦК, стало опубликованное 2 июля «Заявление» девятки: Вольский, Петраков, Руцкой, Собчак, Силаев, Г. Попов, Шаталин, Шеварднадзе, А. Яковлев — об образовании в стране движения демократических реформ (ДДР). 9 июля к ним примкнул и десятый — И. Лаптев. (Ну что за «команда» — диво!)

* * *

10 июля. Пятый съезд народных депутатов Российской Федерации. Б. Н. Ельцин принес присягу на верность Конституции. Его благословил Патриарх всея Руси Алексий II. Поздравил М. С. Горбачев. Памятной и скорбной была эта сцена.

11 июля. На сессии Верховного Совета СССР.

«О проекте Договора о Союзе Суверенных Государств». Так в Ново-Огареве сформулировали наименование документа. Не Союзный договор, а Договор о Союзе. Государство — ССГ, а не СССР.

В работе сессии участвовали М. С. Горбачев, Г. И. Янаев, В. С. Павлов. Пришел после болезни и Н. И. Рыжков.

Сообщение по проекту сделал Р. Нишанов. Высказанная им позиция, упрощавшая принципиальные вопросы будущего нашего государства, явно не прнравилась депутатам. Обсуждение продолжалось и на другой день, было активным и критическим. Горбачев отмолчался. 12 июля приняли постановление. В основном проект поддержать, но приложить перечень принципиальных замечаний, основанных на конституционном праве и волеизъявлении народа на референдуме 17 марта с.г. Поручили делегации Верховного Совета СССР в составе Лукьянова, Лаптева, Нишанова эти предложения отстаивать на заседании Подготовительного комитета с руководством республик и страны.

Это заседание сессии было последним, депутаты разъезжались на каникулы до 16 сентября. Итоги работы сессии Верховного Совета СССР подвел А. И. Лукьянов и закрыл заседание.

В июле работа над проектом в Ново-Огареве продолжалась. Телевидение, радио, печать периодически информировали лишь в общих чертах, что идет активная работа.

Однако стало известно, что 23 июля в Ново-Огареве состоялось заседание Совета Федерации по проекту Договора.

Обсуждается последний вариант Договора. Горбачев мрачен. Накал политических страстей в стране растет. Ведет заседание нервозно.

Определили название государства — ССГ. Нет согласия о членстве в Союзе. По-прежнему не решен главный вопрос — о финансовых платежах Центру. Ельцин, четко выполняя установку своих советников, буквально загоняет Горбачева в угол, продолжая настаивать на одноканальных фиксированных платежах, которые будет отчислять каждая республика.

Горбачев объясняет — «налог надо собирать Центру с

каждого предприятия, регулируя долю его отчислений. Если нет федеральных налогов, нет и Союза! Ни одной Федерации нет в мире без федерального налога. Если мы этого не подпишем в договоре, мне здесь делать нечего». И начинает демонстративно собирать бумаги в папку. (Это его «домашняя заготовка».) Однако выходка Президента не запугала участников заседания.

Ельцин: «Не доводите нас до того, чтобы мы решили этот вопрос без вас!» Горбачев растерян, «хлопнуть дверью» — не вышло.

Объявили перерыв. Поручили: Ельцину, Лукьянову, Павлову, Дементьеву — найти приемлемую формулировку этого пункта.

29 июля. В Ново-Огареве состоялась закрытая встреча Горбачева с Ельциным и Назарбаевым. Понимая, что проект Договора не получит поддержки в Верховном Совете и на Съезде, Горбачев идет на явную провокацию — предлагает обойти высшие органы власти — подписать Договор не в сентябре-октябре, как было условлено ранее, а 20 августа 1991 года. В обмен он соглашается с предложением Ельцина об одноканальной системе налогов в бюджеты республик. (Вот такай «фокус». Знал ли кто об этом сговоре в Верховном Совете? Не известно.)

Впереди остается много несогласованных вопросов. Уже ряд республик вообще не участвуют в обсуждении проекта и не будут его подписывать. Это не только Литва, Латвия, Эстония, Молдавия и Грузия.

Украина заявляет, что не готова к подписанию. Колеблются Киргизия и Азербайджан.

2 августа М. С. Горбачев объявил о том, что он принял решение открыть 20 августа Договор о Союзе СГ для подписания. Заявил, что сначала Договор подпишут Российская Федерация, Казахстан, Узбекистан, а затем, через определенный промежуток времени, — представители других республик. А сам 3 августа отбыл на отдых в Крым.

Как можно было объяснить этот отчаянный, иначе не скажешь, шаг президента? Ведь было очевидно, что ряд союзных и некоторые автономные республики не согласны с проектом Договора. Более или менее в его поддержку высказались лишь пять или шесть республик.

Возмущало и то, что окончательный вариант Договора не был представлен и, естественно, не обсуждался в Верховном Совете СССР. Столь неуважительное, а по существу противоправное отношение к высшему представительному органу страны было необъяснимо. Казалось, кто-то умышленно подталкивал Президента к такому решению, заранее зная, что подписание Договора будет сорвано, а это еще быстрее приблизит страну к

распаду. (Конечно, мы не ведали тогда о секретной договоренности «тройки» 29 июля в Ново-Огареве.)

То, что Договор не был окончательно отработан, подтверждает тот факт, что лишь 16 августа текст Договора был опубликован в печати. За четыре дня до подписания!

* * *

Депутаты на каникулах. Мы с женой с начала августа находились в подмосковном санатории «Барвиха». Проходим там медицинское обследование, курс лечения.

Утром 19 августа узнаем из сообщений радио и телевидения, что Президент М. С. Горбачев тяжело заболел. «В связи с невозможностью по состоянию здоровья М. С. Горбачеву выполнять обязанности Президента» обязанности и.о. Президента принял на себя Г. И. Янаев. Это сообщение поразило нас. Сразу возникла масса вопросов. Что же случилось?!

Дальнейшее развитие событий известно. Публикуется Заявление о введении чрезвычайного положения с 19 августа в отдельных местностях страны на срок 6 месяцев, о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В его составе: Бакланов, Крючков, Павлов, Пуго, Стародубцев, Тизяков, Язов, Янаев. От имени ГКЧП по радио зачитывается Обращение к советскому народу. Что произошло в Форосе? Где Горбачев, каково состояние его здоровья? Не известно.

Руководство РСФСР не признает образование ГКЧП правомерным. Считает действия его — реакционным, антиконституционным переворотом. Принимается постановление о созыве 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР. Организуется защита Дома Советов, или, как его стали называть — Белого дома, около которого, как и у ряда других важных государственных объектов, расположились введенные в Москву танки и бронетранспортеры. На площади у Белого дома собираются толпы возмущенных и просто любопытных людей, идут митинги, сооружаются «баррикады».

Ходят разные слухи. Все больше одолевают сомнения в истинных причинах передачи власти. Они не рассеиваются и после состоявшейся днем 19 числа пресс-конференции членов ГКЧП. О сессии Верховного Совета СССР ничего не известно. А. И. Лукьянов в отпуске, в санатории «Валдай». В «Барвихе» несколько членов Президиума Верховного Совета. Они также в неведении.

Реакции ЦК КПСС, его Политбюро на происходящие события нет. Говорят, Политбюро или Секретариат собирался в суженом составе. Что решили — не известно. Публикаций по этому поводу нет.

Вечером 19 августа прошло заседание Кабинета Министров СССР. Каковы результаты — также сообщений нет.

Газета «Правда» в номере от 20 августа дает только официальные материалы ГКЧП, там же опубликована короткая заметка (от 16 августа) А. И. Лукьянова, где дана критическая оценка проекта Договора о Союзе Суверенных Государств. Она, по сути, отражает позицию Верховного Совета. Но почему ее поместили в газете только 20-го числа? Непонятно.

В обществе, политических партиях, в Верховном Совете РСФСР, в ряде республик нарастают требования сообщить, что с М. С. Горбачевым. Требуют встречи, информации врачей, публикации его заявления.

Буквально уже утром 19 августа, после официальных сообщений ГКЧП, а затем 20-го числа Президент РСФСР издает ряд указов, выходят распоряжения Российского правительства, обращение к народу и другие важные, отработанные документы, в противовес невразумительным решениям ГКЧП. Так, например:

До созыва съезда народных депутатов СССР Президент РСФСР принимает на себя управление органами исполнительной власти Союза ССР на территории РСФСР, включая Минобороны, МВД и КГБ.

Об обеспечении функционирования предприятий СССР в РСФСР.

Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР и др.

Создается впечатление, что нахлынувшие события не явились для руководства России неожиданностью. Все государственные органы в стране действуют нормально, их режим не нарушен. Работает связь. Однако радио, телевидение — в руках и.о. Президента Союза.

Введенный в Москве накануне вечером комендантский час утром 21-го отменяется. Воинские части уходят из города.

В тот же день начинает работу сессия Верховного Совета РСФСР. Она поддерживает все предпринятые Президентом Российской Федерации действия, одобряет все его указы. Принимает решение направить в Форос делегацию. Во второй половине дня Руцкой, Силаев и другие вылетают в Крым.

Туда же несколько раньше вылетели Крючков, Язов и Бакланов.

Днем собирается и заседание Президиума Верховного Совета

СССР. Председатель ВС А. Лукьянов отсутствует. Он также вылетел с В. А. Ивашко в Форос. Ведет заседание И. Д. Лаптев.

По рассказам его участников, заседание проходит бурно, возбужденно. На нем присутствует много депутатов, членов различных фракций Верховного Совета. Принимается решение считать отстранение Президента СССР М. С. Горбачева от исполнения его конституционных обязанностей и передачу их вице-президенту незаконными. Решают рассмотреть на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 26 августа вопрос об образовании комиссии для расследования всех обстоятельств событий 18–21 августа с.г.

Политбюро ЦК КПСС молчит. Лишь 21 числа публикуется заявление Секретариата ЦК КПСС.

В конце дня передают сообщение о том, что М. С. Горбачев в ближайшие сутки приступит к выполнению обязанностей Президента СССР. Значит, не болен! В ночь на 22 августа он прилетает в Москву.

У трапа самолета Горбачев делает заявление. Дает короткое интервью.

22 августа своим указом Горбачев отменяет антиконституционные акты «организаторов переворота».

Днем Президент СССР выступает по телевидению. Старается держаться бодро. Но это плохо получается. Перед нами надломленный человек. Он дает краткое изложение хроники событий: «18 августа «заговорщики» явились в Форос (Бакланов, Болдин, Варенников, Шенин). Предъявили ультиматум.

Либо добровольно отречься от поста, либо подписать Указ о введении чрезвычайного положения в стране. Довод — иначе страна, Союз ССР, развалится. Президент отверг эти требования. Трое суток я и моя семья «находились в осаде». Связь с внешним миром была прервана».

Горбачев заявил в итоге, что «заговор сорван, авантюристы арестованы». Впечатление от этой телевстречи не в его пользу. Говорит Михаил Сергеевич напряженно, каким-то оправдывающимся тоном, держится суетливо, нервничает.

* * *

Что и как в действительности происходило в Форосе, а также предыстория этой поездки, решение о которой было принято 17 августа группой высших руководителей страны на узком совещании в Доме приемов КГБ, обстоятельно описано в публикациях самими участниками этой встречи. Что избавляет

меня от необходимости как-то обобщать и комментировать конкретные действия, происходившие в Москве и Форосе.

Хочу лишь высказать личное мнение. Основания для принятия чрезвычайных мер в той ситуации, когда речь шла о спасении страны от развала и разрухи, были.

В кругу М. С. Горбачева с начала 1991 года неоднократно возникали разговоры о нарастающих в стране трудностях: экономическом кризисе, политической нестабильности. Президент сам высказывался о том, что надо предпринять неординарные меры, ввести чрезвычайное положение, и давал поручения членам Совета Безопасности подготовить предложения. Неспособность Центра удержать власть и руководить государством становилась все более очевидной. Но Президент, выслушивая предложения того или иного плана, каждый раз откладывал принятие решения. Складывалось мнение, что он не против того, чтоб такие действия произошли без его участия.

Можно предположить, что колебания Президента, неспособность действовать в критических ситуациях, и подтолкнули участников встречи 17 августа решиться на важный шаг — направить в Форос группу известных Горбачеву людей, которые смогли бы убедить Президента в необходимости немедленных, активных действий для спасения Отечества, и согласовать с ним программу таких действий. Выбор пал на О. Д. Бакланова, О. С. Шенина, В. И. Болдина и В. И. Варенникова.

Какими оказались результаты их визита в Форос, известно.

В народе возникают недоуменные вопросы. Они касались как действий «заговорщиков», так и поведения Президента. И заговор, и то, как реагировал на него Президент, выглядели непоследовательными, наигранными, а действия ГКЧП — неорганизованными, спонтанными. Создавалось впечатление, что многое не договаривается.

* * *

22 августа. Указом Президента СССР Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, В. А. Крючков отстранены от занимаемых должностей. В. С. Павлов освобожден от обязанностей премьер-министра. Сняты с работы также В. И. Болдин и Ю. С. Плеханов (начальник управления охраны). Против членов ГКЧП возбуждено уголовное дело.

Указом президента РСФСР приостановлен выпуск шести газет (издательства КПСС)— «Правды», «Советской России» и др.

Отстранены от работы директор ТАСС и председатель правления информационного агентства «Новости». Упразднены военно-политические органы в вооруженных силах, в КГБ и МВД на территории РСФСР. Накануне Верховный Совет РСФСР передал Президенту РСФСР полномочия — отстранять от должности председателей областных и краевых Советов, которые высказывались в поддержку ГКЧП. Что Ельцин и сделал в отношении восьми председателей. Принято решение установить должности глав администрации в областях и краях РСФСР, как руководителей исполнительных органов, назначаемых Президентом.

Во второй половине дня 22 августа продолжается заседание Президиума Верховного Совета СССР. Его ведет Р. Н. Нишанов.

А. И. Лукьянов выступает с сообщением. Он рассказал, что «прибыл в Москву из Валдая вечером 18 августа. Ему туда позвонил В. С. Павлов и попросил срочно приехать в Москву. Признает, что решение об образовании ГКЧП застало его врасплох, он не согласился войти в его состав. В первый день был действительно растерян, сбит с толку сообщением о болезни М. С. Горбачева. Требовал связи с ним. Вел переговоры с руководителями других республик, руководством РСФСР (Руцким и Силаевым), принимал делегации депутатов и т. д. Имел разговор с военными, чтобы не допустить никаких насильственных акций. Обсуждал ситуацию с председателями палат ВС. По его настоянию коллегия Минобороны приняла решение о выводе войск из Москвы. И, наконец, после категорических требований, ему была предоставлена вчера возможность вылететь в Форос. Он имел беседу с Президентом СССР. Совесть моя чиста».

По ходу обсуждения Ю. Х. Калмыков — председатель комитета ВС по законодательству — сообщил, что Президиум Верховного Совета получил представление Генерального прокурора СССР о том, что им, Генеральным прокурором, «21 августа с.г. возбуждено уголовное дело по факту заговора с целью захвата власти в стране… Учитывая изложенное и руководствуясь статьей 37 Закона о статуте народного депутата СССР, прошу согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР: О. Д. Бакланова, В. М. Стародубцева, В. И. Болдина, В. И. Варенникова, О. С. Шенина».

Р. Нишанов спрашивает: «Президиум Верховного Совета дает согласие?» С места: «Да». Р. Н. Нишанов: «Все, принимаем решение».

Принимается решение о проведении внеочередной сессии ВС 26 августа. Утверждается повестка дня.

Поступает информация, что с санкции прокурора РСФСР Степанкова арестованы: Крючков, Язов, Янаев и Тизяков, а Павлов находится в больнице.

* * *

23 августа. На сессии Верховного Совета РСФСР появляется Горбачев. Он выступает с объяснениями о том, как развивались события 18–21 августа. Благодарит руководство РСФСР за поддержку. Обстановка на сессии крайне нервная, порою истеричная. Депутаты не удовлетворены объяснениями, забрасывают Горбачева вопросами, бросают грубые обвинения, в зале шум, крик… Он пытается отвечать, его перебивают. Выглядит президент СССР на трибуне «мокрой курицей».

Ельцин передает ему «стенограмму» заседания Кабинета министров 19 августа (неизвестно кем сделанную). В ней записано, кто из членов Правительства и как воспринял ГКЧП. Горбачев пытается не брать эту бумагу, Ельцин буквально заставляет его зачитать текст. Это ещё больше взрывает зал.

Отвечая на вопросы, реплики, Горбачев говорит о необходимости конституционного подхода к решению возникших в результате «путча» проблем. Подтверждает свою приверженность социалистическим устоям и т. п. Но его слова лишь возбуждают и так накаленную обстановку на сессии. Ему следовало бы прекратить это позорное судилище. Но он остается на трибуне, выслушивая град обвинений.

Ельцин подливает масла в огонь. «В порядке разрядки» здесь же, за столом, подписывает Указ о приостановлении деятельности Компартии РСФСР. Горбачев пытается слабо воспрепятствовать этому, но потом и сам соглашается: раз «приостановить», а не запретить. В общем, лицезреть главу государства в таком неприглядном виде было стыдно, и возмутительно! Все это действо транслировалось по телевидению. Авторитета Горбачеву его «выход в народ» не только не прибавил, а более того, это был акт сдачи им своих позиций.

На другой день, 24 августа, — сногсшибательное, сенсационное сообщение: Генеральный секретарь ЦК КПСС сложил свои полномочия и рекомендует ЦК КПСС самораспуститься!

Так М. С. Горбачев отмежевался от своей партии. А партия? С ней все ясно — она не может уже действовать на территории РСФСР. Указом Президента России КПСС, как и КП РСФСР, фактически запрещена в республике впредь до определения суда

о ее причастности к ГКЧП. Имущество КПСС реквизируется. Опечатываются все помещения партии. Архивы КПСС и КГБ передаются в ведение РСФСР. Как в Центре, так и на местах — в областях, краях и республиках. Вот так напористо, противоправно действует оппозиция.

Отказ Горбачева от двадцатимиллионного отряда товарищей по партии, единомышленников поразил не только коммунистов, но и большинство народа. Такое предательство невозможно было даже представить. Лидер сбежал, отрекся, струсил! Немыслимо! Кто же нами руководил, кому мы верили, кого поддерживали, прощали его «выкидоны»!..

Все, что происходило потом, — его призывы, заявления, обращения — у большинства народа вызывало резко отрицательную реакцию. Крепли сомнения в реальности его форосской изоляции. Так ли он, как представляет, вел себя в Форосе с прибывшей к нему 18 августа делегацией? Не было ли провокации с его стороны? Если так подвел партию, то тем более мог подвести и этих близких ему людей. Говорил, обещал одно, а сделал…

События августа активно используются для раскручивания спирали реорганизации политической системы в стране. Руководство России явочным порядком принимает на себя многие функции Союза ССР. Как будто Президента страны нет, или это поисходит с его ведома. Такие действия настораживают другие республики. Процесс суверенизации нарастает, увеличивается угроза раскола государства.

Российская Федерация уже 24 августа признает независимость Латвии и Эстонии. В Грузии укрепляется диктатура З. Гамсахурдиа.

26 августа. Открывается сессия Верховного Совета СССР.

Председательствует на ней И. Д. Лаптев.

А. И. Лукьянов отстранен Президиумом ВС от руководства. На сессии он присутствует.

Слово предоставляется президенту СССР М. С. Горбачеву.

Он поддерживает решение о безотлагательности созыва внеочередного съезда. Повторяет свое заявление, что он сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС и предложил ЦК самораспуститься. Считает необходимым осуществить меры по стабилизации обстановки, не допустить взрыва реваншизма. (Вот, оказывается, что его беспокоит в первую очередь.) Говорит, что «переворот не грянул неожиданно. Его предвестники были в выступлениях в печати, на Пленумах ЦК, на съездах. Заговор зрел. Однако необходимых мер по защите конституционного строя не было принято. Мы проявили либерализм и

снисходительность. Я это отношу, прежде всего, к себе. Причина в том, что мы долгое время колебались, не перешли по настоящему к решительным демократическим преобразованиям в экономике. Мучительный характер проведению реформ придало промедление с ликвидацией партийной монополии на власть. Старая система мешала движению вперед».

Затем выразил благодарность тем, кто поддержал Конституцию: москвичам, российскому парламенту, Президенту РСФСР Б. Н. Ельцину.

В своем выступлении Горбачев не детализировал роль и место участников августовских событий, но о А. Лукьянове обмолвился: «идеолог переворота».

Обсуждение доклада шло как-то неторопливо, но обеспокоенно. Подчеркивалось, что события 18–21 августа осложнили ситуацию в стране. Тон выступлениям задали представители республик: Хасбулатов, Назарбаев, Кафарова, Щербак, Акаев, Шаймиев. Короткое заявление сделал Лукьянов, сказав, что резервирует за собой право выступить по ходу сессии. Приняли решение о созыве внеочередного Съезда народных депутатов СССР 2 сентября.

27 августа сессия продолжала работу. Заседания проходили на редкость спокойно, зал сидел тихо, не было обычного шума, раскованности, чувствовалась какая-то напряженность. К микрофону и на трибуну выходили в основном с обличительными речами те, кому было ясно «кто виноват и кто прав». Большинство же мучили сомнения, и они отмалчивались.

Заседания сессии 28, 29, 30, 31 августа проходили более оживленно, иногда даже бурно, депутаты раскачались.

С обстоятельной речью выступил А. И. Лукьянов. Подробно рассказал о хронике всех событий, отмел обвинения в принадлежности к ГКЧП, в том числе и грубый выпад Горбачева. Его возмутили слова «идейный руководитель заговора» и «спасал шкурные интересы». Признал — виноват в том, что не созвал своевременно сессию ВС.

Накануне Президент образовал Комитет по оперативному управлению народным хозяйством страны. Его возглавил И. С. Силаев. Верховный Совет одобрил состав Комитета, ввел в него представителей всех союзных республик. 31 августа сессия Верховного Совета СССР завершила работу.

* * *

2 сентября. Открылся Пятый внеочередной съезд народных

депутатов СССР.

Задача организаторов съезда была, по-моему, такова. Провести его быстро, в темпе, не дать депутатам опомниться. Работа съезда началась с элементарных нарушений порядка его проведения. Не были избраны руководящие органы съезда, не рассматривались повестка дня, регламент и т. д.

Съезд открыл И. Д. Лаптев. Короткое вступление о том, как тяжело переживает и преодолевает страна последствия «политического злодейства». О значении мужественного подвига тех, кто встал на защиту демократии. Затем он сообщает, что вчера состоялась встреча Президента СССР с руководящими деятелями одиннадцати республик. Выработано и подписано десятью республиками специальное Заявление, обращенное к съезду. И предоставляет слово Н. А. Назарбаеву.

Тот от имени Президента страны и высших руководителей 10 союзных республик зачитал текст «выработанного вчера, сегодня ночью и утром» Заявления:

«В результате государственного переворота 19–21 августа… сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами. Страна на грани катастрофы. В целях недопущения дальнейшего распада структур власти, до создания новой политической и государственной системы, на переходный период (до принятия новой Конституции) согласиться с необходимостью:

1. Подготовить и подписать всем желающим республикам Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из них самостоятельно определит форму своего участия в Союзе.

2. Обратиться ко всем республикам с предложением, безотлагательно заключить экономический союз. (Речь о соглашении на 1991 год?!)

3. В условиях переходного периода создать:

— Совет представителей народных депутатов, по принципу равного представительства от союзных республик. По 20 депутатов из числа народных депутатов СССР и республик, делегированных их Верховными Советами. (Вот это да! Значит, Конституцию побоку.)

— Государственный совет в составе Президента и высших должностных лиц республик.

— Межреспубликанский экономический комитет, с представительством всех республик на паритетных началах.

4. Заключить соглашение о принципах коллективной безопасности в области обороны, в целях сохранения единства Вооруженных сил, КГБ, МВД и Прокуратуры СССР…»

Ну и далее предлагалось подтвердить соблюдение всех

международных договоров и соглашений. Принять Декларацию, гарантирующую права и свободы граждан. Обратиться в ООН о признании союзных республик (государств) субъектами международного права и другие предложения.

Назарбаев заканчивает: «Настоящее Заявление подписали Президент СССР и высшие руководители РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и Туркменистана. Предлагается обсудить его на собраниях депутатских групп (по союзным республикам) и принять по нему решение. Включить это Заявление в повестку дня съезда».

Зачитав это Заявление, Н. А. Назарбаев сошел с трибуны.

* * *

И. Д. Лаптев без всякого обсуждения, без голосования объявляет перерыв для рассмотрения Заявления по группам. Робкие попытки ввести работу съезда в нормальный регламент (реплики, поднятие рук, возгласы депутатов у микрофонов и т. п) не возымели действия. Микрофоны отключены. Перерыв.

Как говорится, съезд и «ахнуть не успел», а домашние заготовки (вернее установки так называемого Политсовета при Президенте о форме проведения съезда) стали осуществляться. Тактическая задача — разбить, разъединить, разобщить съезд по национально-территориальным квартирам удалась.

Теперь надо было объединить депутатов на национально-патриотической основе вокруг лидеров республик. Согласовать, одобрить представленное Заявление «10 + 1» (десять республик и Президент) и поименным голосованием провести на съезде заранее подготовленные решения.

Собрание депутатов от Российской Федерации проходило в Большом зале Дома Советов. Он был до отказа набит российскими и союзными депутатами. Я с трудом нашел место на балконе. Открыл собрание Р. И. Хасбулатов и предоставил слово А. В. Руцкому. Тот зачитал уже известное Заявление.

Р. И. Хасбулатов «демократически» дает слово Собчаку, затем Афанасьеву, Цыпляеву, Болдыреву, Фильшину и другим депутатам известной ориентации. Быстро закругляет прения и ставит вопрос на голосование. Поднимаются руки, никто не считает, кто «за», кто «против», и так ясно, что большинством голосов Заявление «10 + 1» принимается. Так Хасбулатов и Руцкой быстро «провернули» этот вопрос. Показали класс «демократических» методов работы.

После перерыва продолжение заседания съезда. Бразды председателя берет в свои руки М. С. Горбачев. Избирается президиум, секретариат, комиссия для подсчета голосов.

Повестки дня нет. Ряд депутатов рвется к трибуне, к микрофонам. Но их мало, это наиболее принципиальные ревнители демократии, представляющие разные депутатские фракции. Горбачев не обращает на них никакого внимания. Ведет заседание жестко, с нажимом. Все их просьбы — «по ведению», «по мотивам» и другие призывы — отметает. Первому дает слово С. С. Алексееву — председателю Комитета конституционного надзора. Тот сначала говорит, что «надо бы провести юридическую экспертизу предложений, но обстановка такова, что Союз на грани развала, другого пути нет, и «Комитет конституционного надзора со всей определенностью поддерживает Заявление». (Так прозвучало соло «известного юриста».)

Затем с сообщениями об итогах обсуждения Заявления от имени республик выступают депутаты:

От РСФСР — Собчак, от Украины — Щербак, от Белоруссии — Шушкевич, от Узбекистана — Адылов, от Казахстана — Асанбаев, от Азербайджана — Кафарова, от Грузии — Буачидзе, от Кыргызстана — Шеримкулов, от Таджикистана — Негматуллов, от Армении — Тер-Петросян, от Туркмении — Оразов.

Все они в основном поддержали Заявление. Хотя у представителей Грузии, Кыргызстана, Армении были существенные замечания. В частности, требовали подтверждения съездом принятого в республиках решения о независимости.

Особо следует сказать о выступлении представителя Украины Ю. Щербака. Ссылаясь на Л. Кравчука, он сказал, что «вопросы политического устройства будущего межгосударственного объединения, которое может возникнуть на месте бывшего (уже бывшего?!) СССР, не следует прорабатывать на настоящем съезде. Есть возражения и относительно идеи разработки Конституции ССГ. Каждое государство будет иметь свою Конституцию. Поэтому какая-то конституция-надстройка не нужна. Можно иметь что-то похожее на регламент по процедурам Европейского сообщества».

Стоит особо отметить, что 4 сентября Л. Кравчук прислал на съезд телеграмму с требованием к депутатам от Украины не голосовать за проект, если он расходится с Декларацией о независимости Украины. Вообще украинские депутаты высказывали в кулуарах и выступлениях недовольство действиями руководства РСФСР, присвоившего себе многие союзные функции. В частности, заявление Ельцина о границах.

Осуждали обструкцию, устроенную Президенту СССР на сессии Верховного Совета РСФСР.

Заканчивая выступление, Ю. Щербак заявил, что «надо оградить Президента СССР от нападок и ни в коем случае не освобождать его от занимаемой должности здесь на съезде».

С уклончивыми предложениями выступили представители Молдовы и Эстонии, не подписавшие Заявление.

* * *

Думаю, что подробно описывать дальнейшие события на съезде нет необходимости. Депутаты были «взяты в шоры». Попытки задать вопрос, разобраться в происшедших 18–21 августа событиях, внести свои предложения и действовать в рамках Конституции, как правило, успеха не имели. Следовал окрик, — «что вы поддерживаете ГКЧП, против суверенитета, тянете назад к командно-административному прошлому» и т. п. Защитники «демократии» за столом президиума и в зале бросали реплики, обрывали ораторов.

Тем не менее, в некоторых речах звучали и критические, спокойно-выверенные требования. Что надо разобраться, не торопиться с выводами. Говорили о шоковом, тревожном, обеспокоенном состоянии, в котором пребывают депутаты на этом съезде. И надо это учитывать. Предложенное Заявление «10+1» требует доработки, принципиальной правки. Нельзя ставить вопрос так, что Союз вроде бы у нас уже развалился. Это неверно. Напоминали об итогах мартовского референдума, народном волеизъявлении — сохранить Союз. Критически оценивали ведение съезда со стороны президиума, как недемократичное, — недопустимо стремление председательствующего не дать выступить инакомыслящим.

Многие депутаты считали, что нынешняя ситуация в стране еще не дает оснований для того, чтобы республики обособлялись и тем самым способствовали распаду страны. Об этих тенденциях говорили с особой болью. Сейчас нужно единство, сплоченность. Возмущались малодушием Президента, с гневом говорили о самоотставке Генсека, неправомерном запрете партии, разграблении ее имущества. В то же время большинство ораторов обвиняли ГКЧП за противоправные, антиконституционные действия. Поддерживали предпринятые по отношению к членам ГКЧП меры. Были и речи явно националистического характера, огульно-критические по отношению к Центру, порою просто грубые, развязные.

Заключительное слово Горбачева было каким-то скорбным, просящим. Он говорил, что «происшедшее для него — тяжелый урок. Клялся в приверженности демократическим переменам, каялся, что несвоевременно стал на сторону демократических сил и поздно освободился от «державших нас структур тоталитарной системы». Прорывались у него и возмущение, и неудовлетворенность. Он призвал съезд поддержать Заявление, упирая на то, что если форму ССГ наполнить соответствующим содержанием, то она может отвечать интересам всех республик.

4 сентября. Съезд освободил А. И. Лукьянова от обязанностей Председателя Верховного Совета СССР, а Г. И. Янаева — с поста вице-президента СССР.

Приняли постановление, вытекающее из Заявления Президента Союза ССР и высших должностных лиц союзных республик, а также и Закон об органах государственной власти и управления страной на переходный период.

Не согласились с предложением Заявления о создании Совета представителей народных депутатов, что практически упраздняло Верховный Совет. Было решено несколько реорганизовать ВС. Иметь две палаты: Совет республик, как Верхнюю палату, в которой будут представлено по 20 депутатов от каждой союзной республики (из числа депутатов Верховных Советов СССР и республик), плюс по одному — от автономий, входящих в состав союзных республик. Вторая палата — Совет Союза, которая, сохраняя существующие квоты, в то же время должна быть обновлена по предложению самих депутатских групп, но по согласованию с органами власти союзных республик. Все эти меры преследовали одну цель — убрать из Верховного Совета строптивых депутатов. Что затем и было сделано.

5 сентября. Приняли Декларацию о правах и свободах граждан. Попытка отправить в отставку Генерального прокурора СССР Н. С. Трубина не прошла. Предложение Собчака о захоронении тела В. И. Ленина в Ленинграде вызвало всеобщее возмущение. Отклонили.

Кратким двухминутным заключительным словом Горбачев подвел итоги работы съезда. Заявил, что «съезд оказался на высоте, принял оптимальные для нынешнего момента решения, заложил фундамент будущего ССГ». И закрыл съезд.

* * *

Так прошел этот, оказавшийся последним, Пятый внеочередной съезд народных депутатов СССР, явив собою

образец куда более жесткого, заорганизованного форума, чем любой из партийных съездов, в которых мне пришлось принимать участие. Депутаты не успели опомниться, как оказались не у дел. Их обнадежили тем, что за ними сохраняется статус народного депутата, и успокоили слова Президента, других высоких ораторов, что будет еще съезд, на котором, видимо, придется рассматривать и принимать договор о Союзе Суверенных Государств.

Но прошло чуть больше трех месяцев, и многое изменилось. Уже в сентябре все более и более снижалось влияние Центра на дела в стране. Постоянный упор многих республик, в первую очередь Украины, Молдовы, Кыргызстана, да и России, на самостоятельность, суверенитет, способствовали этому процессу.

В ноябре в Ново-Огареве возобновляются консультации руководителей союзных республик. Украина в них не участвует. Прошлый, доавгустовский, проект Договора похоронен. Новый проект носит характер даже не конфедеративного договора, а скорее является договором о содружестве.

На Украине 1 декабря проходят выборы. Президентом избирают Л. М. Кравчука. Самостийная сущность его позиции известна. Кравчук открыто говорит, что «Украина не подпишет никакого договора о Союзе». Ельцин, отвечая на вопрос корреспондентов, после очередного сбора руководителей некоторых республик в Кремле, говорит, что «не мыслит Союз без Украины». Он заявляет о признании Российской Федерацией независимости Украины. Дает понять, направляясь в Минск на встречу с Кравчуком и Шушкевичем, что они попытаются договориться. Это было накануне Беловежской встречи.

Сейчас, по прошествии времени, невольно возникает вопрос. Были ли это истинные намерения Ельцина, но их потом поколебали его собеседники в Беловежской Пуще? Или же он лукавил, направляясь на встречу с твердым намерением создать тройственный союз? Судя по последующим прозрачным намекам Бурбулиса, бывшего на встрече и подписавшего вместе с Ельциным Беловежское соглашение от имени РСФСР, следует предположить последнее. Хотя Кравчук открыто заявлял потом, что именно он инициатор идеи содружества Украины, России и Белоруси.

8 декабря. В Беларуси, в заповедной Беловежской Пуще, состоялась встреча лидеров России, Украины и Беларуси — трех славянских республик Советского Союза. Они принимают Соглашение трех о Содружестве Независимых Государств — СНГ. Его подписывают Б. Н. Ельцин и Г. Э. Бурбулис от России, Л. М. Кравчук и В. П. Фокин от Украины и С. С. Шушкевич и

В. Ф. Кебич от Беларуси.

Обосновали они свое решение так: «Переговоры о Договоре о Союзе Суверенных Государств зашли в тупик, процесс выхода республик из СССР стал реальным фактом. Вина за политический и экономический кризис лежит на Центре. Осознавая свою ответственность перед народами, мы заявляем об образовании СНГ. Предлагаем другим республикам присоединиться».

Это соглашение было для всех неожиданным, как разорвавшаяся бомба. Оно вызвало небывалый всплеск общественного мнения. Возмущение — что происходит?! Как они могли решиться на такой шаг! Без обсуждения, явочным порядком поставили народы своих республик и страны перед совершившимся фактом. Другие республики, и прежде всего среднеазиатские, Казахстан, оказались на обочине. Их лидеры встревожены, делают ряд заявлений. В них звучит недоумение и обеспокоенность.

Встреча в Москве 9 декабря Горбачева с Ельциным и Назарбаевым (потом к ним присоединились Муталибов и Набиев) ничего не меняет. В народе растерянность, сомнения, ропот — что ожидает страну? В Верховном Совете СССР разгораются страсти. Инициативная группа собирает подписи под обращением к Президенту о немедленном созыве внеочередного Съезда народных депутатов. Но Президент оставляет этот призыв без внимания.

Налицо грубейшее нарушение Конституции, сговор, государственный переворот. Все ожидают официальной реакции Президента СССР. Но, помимо короткого маловразумительного заявления, зачитанного диктором Центрального телевидения, Горбачев никаких действенных мер не принимает.

* * *

Ну а участники сговора не медлят, уже 10 декабря созываются сессии Верховных Советов Украины и Беларуси, на которых ратифицируют соглашение о СНГ. 12 декабря ратифицирует его и Верховный Совет РСФСР. Следующий шаг: Беларусь и Россия отзывают своих депутатов из Верховного Совета СССР. И этот орган становится недееспособным.

Проходит совещание четырех среднеазиатских республик и Казахстана в Ашхабаде. Хотя там и звучит неудовлетворенность, возмущение сепаратистскими действиями Беловежской тройки, но… иного выхода нет, они готовы присоединиться к соглашению, ставя лишь одно условие — быть соучредителями

СНГ.

В Москве 17 (или 18) декабря состоялась продолжительная беседа Горбачева с Ельциным. Обсуждали вопросы предстоящего совещания глав республик в Алма-Ате. Отношение Горбачева к алма-атинскому саммиту в целом положительное, но он считает необходимым «на переходный период» сохранить Президента Союза. Он «будет полезен». Горбачев цепляется за власть, все еще надеется иметь хотя бы малоправное, но место «наверху».

Нужно отметить, что в эти дни в стране находится Госсекретарь США Д. Бейкер. Он ведет активную деятельность. Встречается с Ельциным, Горбачевым, Шеварднадзе, Козыревым. Затем с руководителями республик в Бишкеке, Алма-Ате, Минске, Киеве. Думаю, что тема его бесед ясна.

21 декабря в Алма-Ате проходит совещание руководителей 11 республик. Горбачева туда даже не пригласили. Совещание подтверждает решение об образовании Содружества Независимых Государств без всякого Центра. Это категорическое требование выставила Украина, как непременное условие содружества.

Подписывается соглашение. Все 11 республик объявляются соучредителями СНГ. Принимается Декларация, ряд других документов. Так беспрецедентными, антиконституционными действиями лидеров бывших республик упраздняется СССР. Совершается это «действо» вопреки воли народов страны, выраженной на референдуме 17 марта 1991 года.

Прекращается деятельность и «обновленного, демократического по своему составу» Верховного Совета СССР. (Как это ни парадоксально звучит, но формально Верховный Совет СССР закончил свою деятельность на основании решения Верховного Совета РСФСР от 29 декабря 1991 года, подписанного Хасбулатовым.)

25 декабря по Центральному телевидению выступает Президент СССР М. С. Горбачев. Речь его коротка, всего 12 минут.

Он объявляет о своей отставке с поста Президента СССР. Пытается обосновать, что принимает это решение «по принципиальным соображениям». Одновременно обещает помогать СНГ. (Чем?!)

В Кремле спущен красный Государственный флаг Союза ССР.

Послесловие

В конце 1991 года я закрыл последнюю страницу своего дневника, завершив рассказ о «перестройке». Россия вступила в 1992 год «независимым, суверенным» государством, чего и добивались «демократы», возглавляемые Б. Н. Ельциным.

Как повела себя «ельцинская команда», получив реальную власть в огромной стране — России?

К сожалению, мрачные прогнозы оправдались. Российская Федерация и другие страны СНГ стремительно покатились по наклонной плоскости.

Тяжелый кризис, в котором оказалось общество в начале 90-х годов, подтверждает, что никаких оснований для коренной ломки государственной системы и перехода страны на другую траекторию социально-экономического развития не было.

Хронология происшедшего ясна. В обстановке «августовской победы» разрушается существовавшая до этого политическая структура. Коммунистическая партия и ее аппарат отстраняются от какого-либо участия в управлении страной. В обстановке антикоммунистической истерии происходят кардинальные изменения во властных структурах. Формируется «реформаторское правительство», через Верховный Совет проводятся решения об ускорении перехода к рыночным отношениям, резком сокращении сферы государственного управления экономикой, и неподготовленную страну ввергают в пучину жесткой экономической реформы.

В течение нескольких месяцев существенно изменилась социально-экономическая ситуация, началось быстрое размежевание политических сил. После «гайдаровской» либерализации цен, вместо обещанного временного «умеренного» их повышения в два-три раза, цены выросли в десятки, а то и в сотни раз. Уровень жизни населения резко снизился.

Либерализация цен в отношении сбережений граждан означала денежную реформу конфискационного типа. В итоге практически исчезли такие функции сбережений, как личное социальное страхование человека от рождения до смерти, помощь молодоженам, самосубсидии в образовании и другие. По оценкам экспертов, вкладчики реально потеряли более 95 процентов своих сбережений.

Кризис общества сопровождался резким ростом преступности. Особый размах приобрела организованная преступность, которая смыкалась с государственными структурами. Как отмечалось в печати, «на жаловании» у

преступных группировок находились многие должностные лица очень высокого ранга. Подавляющее большинство коррупционеров являлись государственными чиновниками. Процитирую Ю. Афанасьева: «С коррупцией перестали бороться, а политические деятели даже обосновывают допустимость и необходимость чего угодно. Г. Попов в «Аргументах и фактах» говорит, что можно брать взятки, только надо пределы установить цивилизованные». Комментарии здесь излишни.

Экономические и политические потрясения в России начала 90-х переплетались с крайне болезненными проявлениями в духовной жизни. Хотя сохранялись некоторые основополагающие ценности, культивировавшиеся при социализме, шел сильный процесс их размывания, внедрения западной культуры, морали буржуазного общества, разрушения многовековых духовных ценностей русского народа. К сожалению, к этому оказались причастны и деятели культуры, часть которых не без основания считала себя первопроходцами «демократических преобразований».

Невиданных масштабов достигло глумление над отечественной историей, стремление опорочить ее социалистический период. Это вызвало протест со стороны патриотически настроенной интеллигенции. «В истории страны, народа вычеркнуть годы, даже месяцы нельзя, — писал Ю. Бондарев. — Вычеркнуть три четверти столетия — преступление. Никто не знает, не смеет знать, что надо забыть из прошлого, чтобы полегчало сегодня. История генетична, ее не выправить».

* * *

Было бы неправильно пытаться представить «демократов» как людей сплошь бесталанных, политических неумех. Нет, они действовали активно, и даже весьма, когда обрушили заряд критики на коммунистов, против советского строя. Они показали себя изворотливыми, изощренными, владеющими приемами политической борьбы. Но их «не хватило», когда речь пошла о кропотливой повседневной созидательной работе.

И, прежде всего, оказалось, что они не имеют представления о том, как надо действовать для осуществления предложенной ими демократической модели, нет у них и жизнеспособной концепции, стратегии развития. Попытка одеть Россию в западные демократические наряды оказалась несостоятельной.

На мой взгляд, слабость «демократов», их основное

противоречие, которое им не удастся преодолеть, заключается в следующем.

Лозунг демократии в том понимании, которое было предложено «демократами» россиянам, оказался несовместимым с Россией, ее потребностями, ее спецификой, ее историей. Ибо «демократы» — чаще всего носители общедемократических истин, теоретических схем, а потом уже (если вообще) россияне, русские. Я хочу сказать, что веду речь о понимании исторического процесса, специфики именно России. Здесь недопустим перекос в сторону общих положений в ущерб особенностям. Попытки подойти к России со стандартными теоретическими мерками бесперспективны. Нельзя использовать узкий набор критериев, постоянно ссылаться на опыт других стран, не учитывая главного — необходимости комплексного подхода к анализу социально-культурного целого, каким является каждая человеческая общность.

Мало любить Россию или сочувствовать ей, надо понимать, видеть пути ее исторического развития. Все крупнейшие политические вопросы упираются в конкретный российский контекст. Российская государственность — это неминуемо вопрос о соотношении России как целого и отдельных ее частей. Российская экономика — это, по меньшей мере, многочленное уравнение. Организация экономической жизни неотрывна от государственно-политической организации России.

Роль, миссия, призвание России, ее место в истории — вопрос отнюдь не новый. Почему «демократы», впрочем не только они, не возьмут на себя труд обратиться к общеизвестным историческим фактам? Они сознательно оставляют в стороне фундаментальные научные выводы о своеобразии России, зачастую обосновывая свою позицию историческими, социально-культурными особенностями и других российских народов, противопоставляя их русскому народу. И эта иезуитская тактика срабатывает, разжигая русофобские настроения.

Беда Горбачева была в том, что он не видел специфической роли России в мировом историческом процессе, не нашел (и не искал) ее должного места в динамично развивавшейся государственной структуре, какой был Советский Союз. Любопытно: скажем, французы или англичане не считают свои государства многонациональными, хотя людей других национальностей у них достаточно много. Не национальный баланс определяет лик страны, не это обстоятельство решающее. Главное — в менталитете народа. Многонациональность, многоукладность, огромность территории, многообразие быта, культур, природных условий — все это определяет

неповторимость отдельных сторон общественного целого. В том числе и форму политической организации. И специфика России диктует совершенно иную систему правления, чем в других странах. Принято считать, и это справедливо, что на Западе все основано на законе, на Востоке — на традициях. В России ни законы, ни обычаи не имеют решающей силы, однако есть некое «двоевластие» закона и обычая. Россия — это не Запад и не Восток. Россия — это Россия. Хотя, естественно, на своем историческом пути она соприкасалась с судьбами других стран — как и они соприкасались с российскими.

Ответ на вопрос об отношении к России, русскому как субъекту истории — это ответ на все частные острые вопросы нашего сегодняшнего бытия: отношении к демократии, к духовным и нравственным ценностям…

Хорошо сказал лидер португальских коммунистов А. Куньял: «Хотя с дерева опали засохшие листья, его народные корни сохраняют силу, рождая новые побеги…»